

СИВОЛОБОВ В. В.

**Общественная среда
как условие формирования
демографической политики
современной России**

Санкт-Петербург

ООО «ЮПИ»

2010

ББК 60.7
УДК 314
С34

Сиволобов, Вячеслав Валерьевич
С34 **Общественная среда как условие формирования демографической политики современной России / Сиволобов Вячеслав Валерьевич. – Санкт-Петербург : ООО «ЮПИ», 2010. – 256 с.**

ISBN 978-5-91492-055-2

Сиволобов В.В., в книге обосновывает влияние внешней среды жизнедеятельности населения на процессы и условия формирования демографической политики государства.

Предложенная читателю тема не относится к разряду сугубо научных исследований и доступна для осмысления каждому задумывающемуся о судьбе государства Российского. «Если русский этнос хочет жить и развиваться, он должен обустривать свою жизнь — создавая прочную экономику, условия для рождения и воспитания будущего поколения» считает автор.

ISBN 978-5-91492-055-2

© Сиволобов В. В.

Введение в тему

Демографическая ситуация, сложившаяся в современной России, характеризуется беспрецедентной поляризацией уровня и качества жизни населения, значительным уровнем безработицы особенно в отдельных регионах, стагнацией социальной сферы, ограничением доступности медицинского обслуживания, ухудшением физического и психического здоровья россиян, ростом девиантного поведения как в общественной жизни, так и в сфере трудовой деятельности. Эти характеристики, во-многом, свидетельствуют об ухудшении социостратификационной структуры населения, что способствует его социальной разобщенности, росту отчуждения от проводимых в стране экономических преобразований, утрате активной жизненной позиции в производстве и общественной жизни. В этих условиях проводимая в стране демографическая политика, понимаемая как стратегия и программа действий государства, направленная на изменение ситуации в естественном возобновлении поколений и миграции населения, воспринимается значительной его частью с осторожностью и непониманием.

Процесс рационализации демографической политики государства, по-видимому, может быть достигнут в результате диагностики и оценки состояния общественной среды, которая призвана обеспечивать жизнеспособность и жизнедеятельность населения, всю совокупность воспроизводственных процессов, уровень и качество жизни.

Внимание к общественной среде как сфере обеспечения человеческого развития становится первоосновой информационного обмена между различными слоями населения и органами государственного управления в вопросах приоритетов общественного развития, социальных ожиданий и экономических ориентиров, доверии к проводимой демографической политике. А это, в свою очередь, становится основанием целенаправленной работы органов государственного управления с населением, способ-

ствует позитивному восприятию мер по демографическому развитию, правовой и нормотворческой деятельности государства по преодолению демографического кризиса.

Общественная среда также становится исходной в выработке стандартов жизнеобеспечения населения, без учета которых практически все принимаемые ранее меры были малоэффективными.

Изложенное подчеркивает высокую степень актуальности исследования состояния общественной среды как условия формирования демографической политики современной России.

Проводимое мной исследование проходило с учетом степени разработанности проблемы формирования демографической политики как зарубежными, так и отечественными учеными. Так, С. Гринхалг разработал теорию демографического перехода, учитывающую социальные изменения в обществе; К. Девис обосновал причины сдерживания рождаемости; Д. Колдвелл определил степень влияния поведения различных групп населения на процессы его воспроизводства; Х. Либенштейн и Г. Беккер рассмотрели теории рождаемости в контексте потребительского выбора населения; Р. Лестхейг и С. Уильсон в теории рождаемости выделили аспект моральных ценностей; Г. Макникелл определил институты общественной среды, без внимания к которым демографическая политика государства малоэффективна.

Существенен вклад в разработку принципов демографической политики и отечественных ученых. В частности, Е. Г. Слуцкий и И. И. Сигов обосновали природно-географические и геополитические факторы формирования демографической политики; И. И. Елисеева, М. А. Клупт, А. И. Шишкин, К. М. Оганян, Н. А. Кармаев, О. П. Литовка и др. определили биологические, медико-организационные, социально-средовые факторы формирования демографической политики; Ф. Э. Шереги,

И. И. Дискин, В. В. Петухов, В. Н. Томалинцев определили значение фактора девиантного поведения в реализации демографической политики государства; С. В. Кузнецов, Н. Е. Колесников, В. К. Потемкин, Е. В. Тишин определили влияние степени развитости социальной инфраструктуры регионов на процессы социального воспроизводства населения.

В то же время современное состояние экономического и социального развития России предполагает систематизацию теоретических подходов в формировании демографической политики, рассмотрение степени влияния общественной среды на результаты ее осуществления, а также обобщение социально-экономических трансформаций общественного развития и на этой основе рационализацию всей совокупности демографических процессов.

В этой связи цель моего интереса и моего исследования состоит в рационализации демографической политики государства на основе социального мониторинга и анализа состояния общественной среды, а также стандартов жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения.

Реализация поставленной цели обусловила необходимость последовательного решения задач: выявление и систематизация теоретических оснований формирования эффективной демографической политики государства; определение сущностных характеристик общественной среды, ее социальный мониторинг и установление степени влияния на формирование демографической политики государства; обоснование условий формирования и реализации эффективной демографической политики государства; разработка структуры демографической политики государства в контексте развитости общественной среды; разработка принципов учета стандартов жизнеобеспечения населения при формировании мер реализации демографической политики государства.

Предметом исследования и анализа выступила общественная среда России и формирования демографической политики государства. Объектом исследования стало население Северо-Западного Федерального округа РФ и методы формирования демографической политики.

Гипотезами, которыми я руководствовался в своих исследованиях изложу следующим образом и хочу поделиться с читателем.

Демографическая политика государства предполагает ее рассмотрение и формирование в динамике развития общественной среды, при учете экономических и социальных трансформаций институтов, ее представляющих, состояния жизнеспособности и жизнедеятельности населения; целевые программы демографического развития целесообразно соотносить с фактической оценкой и прогнозами экономического и социального развития страны в целом и отдельных регионов; формирование программ демографического развития целесообразно проводить с учетом складывающихся общественных оценок эффективности отдельных мер, предпринимаемых органами государственного управления, а также с учетом цивилизованных стандартов жизнеобеспечения населения; предметная область демографической политики государства должна быть адресной, социально-ориентированной и предполагать организационно-правовую и социальную ответственность субъектов государственного управления.

Теоретической и методологической основой исследования стали труды зарубежных и отечественных исследователей проблем демографической политики. В процессе проведенного мной исследования использовались методы включенного наблюдения, описания, контент-анализа, социологический опрос, экспертные оценки, а также статистические данные по вопросам демографической политики социального и экономического развития, социального воспроизводства населения.

Источником и базой исследования брались нормативно-правовые акты и программы демографического развития Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Эмпирическую базу составили результаты эмпирического исследования проблем семей взятые за 2002–2004 г.г., социальный мониторинг состояния общественной среды как условия формирования демографической политики за 2005–2007 г.г. Социологический опрос «Общественные оценки эффективности демографической политики» — проводился в совокупности более 400 человек. Экспертный опрос «Соответствие структуры программ демографического развития стандартам обеспечения жизнеспособности и жизнедеятельности населения» — выборочная совокупность примерно 87 чел.

Как автор хочу предложить следующую научную новизну, проводимого мной анализа и так: проведены мониторинг, описание и адаптирование теорий демографической политики к условиям современных экономических и социальных трансформаций российского общества; я дал новое научное понятие «общественная среда», определил институты ее представляющие и установил роль, которую она выполняет в процессе формирования и реализации демографической политики государства и регионов; далее исследовал и установил социальную идентичность населения, его отношение к проводимой демографической политике государства; определил особенности формирования эффективной демографической политики государства при усилении внимания к проблемам семьи, внутрисемейным отношениям, которые и ранее рассматривал в своих статьях и книгах опубликованных с 2000 по 2004 года.

Мое внимание привлекло состояние социокультурной среды, а также качества и образа жизни различных слоев населения; ниже Вы сможете прочесть о принципах формирования и реализации эффективной демографической политики государства

с учетом стандартов жизнеобеспечения населения и развитости общественной среды.

Практическая значимость проведенного мной исследования определяется возможностью использования теоретических положений и выводов в учебном процессе в вузах по учебным курсам «Экономическая социология» и «Социальная политика».

Разработанные рекомендации целесообразно использовать в целевых программах субъектов Российской Федерации «Демографическое развитие территорий на 2009–2015 годы», «Доступная среда жизнедеятельности групп населения, включая инвалидов», «Улучшение условий жизнедеятельности населения».

Теоретические положения и мои рекомендации по исследованию прошли научную апробацию на международном конгрессе в городе Минск — 2007 г. «Психология и социология в бизнесе», на всероссийских научно-практических конференциях «Современные проблемы теории и практики управления персоналом» в 2007 г., «Управление персоналом: действительность и перспективы» в 2008 г.

Концептуальные положения как я уже упоминал выше, опубликованы в моих монографиях: «Семейные конфликты» — СПб в 2000 году и «Семья. Вступление в брак. Развод и его последствия» — СПб в 2004 году.

**Глава I. Теоретические основания
процессов формирования демографической
политики в современной России**

В последние годы сложилось достаточно устойчивое понимание сущности демографической политики, которая представляет собой целенаправленную деятельность органов государственного и регионального управления в сфере регулирования процессов воспроизводства населения, призванную сохранять или изменять тенденцию динамики численности, структуры, расселения и качества населения.

Необходимость проведения демографической политики — воздействие государства на процессы рождаемости — признана практически всеми странами мира, независимо от демографической ситуации и темпов роста населения. Целью демографической политики является изменение или поддержка существующих в данный период времени демографических тенденций.

В зависимости от демографической ситуации существует два основных типа политики: направленная на повышение рождаемости (типична для экономически развитых стран) и на снижение рождаемости (необходима для стран развивающихся). Часто практическое осуществление демографической политики сопряжено с трудностями, как морально-этического плана, так и нехваткой финансовых средств. Следует отметить, что при всем устоявшемся понимании сущности демографической политики, многие исследователи решают частные задачи, не обращая внимания на основные теории демографической политики и результаты их использования в практической деятельности. В этой связи я предлагаю остановиться на анализе исходных предпосылок в понимании развития демографической политики и концептуальном развитии, обусловленном современным состоянием общественной среды.

Причина подобного подхода к исследуемой мной проблеме кроется в том, что исследователи практически не используют теоретический посыл С. Гринхалга, который впервые предложил типологию теории рождаемости: теории классического пе-

рехода; теории пост-классического перехода, включая теорию потока благосостояния и микроэкономическую, институциональную, культурную и антропологическую.

Классическая теория перехода является версией теории модернизации. Она имеет универсальный (для времени и места) характер и подчеркивает роль социальных и экономических факторов в социальных изменениях. Теория рассматривает социальные изменения как однонаправленные и прогрессивные, подразумевая, что общества необратимо стремятся к однородности. Основные предпосылки теории демографического перехода были сформулированы С. Гринхалг следующим образом:

- Сменой типа рождаемости — это стадийный процесс. Общества начинается с примитивного или традиционного уровня и заканчиваются на продвинутом или современном уровне.
- Сменой типа рождаемости — однородный процесс, задающий тенденции к сближению обществ.
- Сменой типа рождаемости — это европеизированный (или американизированный) процесс.
- Сменой типа рождаемости — необратимый процесс. Однажды начавшись, он не может быть остановлен.
- Сменой типа рождаемости — в долгосрочной перспективе желательный процесс.
- Сменой типа рождаемости — длительный процесс.

В моем обобщении предпринята попытка сконцентрировать внимание на том, что может быть названо крайней функционалистской версией теории перехода, представленной К. Дэвисом. Эта перспектива очень подробно описана К. Дэвисом в статье об истории, причинах и текущих тенденциях спада рождаемости. К. Дэвис придерживается функционального взгляда на подсистемы (в этом случае на демографическую подсистему),

которые приспосабливаются к «окружающей среде». Когда один из параметров «демографической подсистемы» (уровень смертности) изменяется, возникает угроза нарушения равновесия в окружающей среде. Таким образом, другой параметр подсистемы (уровень рождаемости) должен соответственно измениться, чтобы восстановить равновесие. Главными инструментами в достижении равновесия, согласно функционалистскому взгляду, являются институциональные нормы и культура.

К. Дэвис начинает с описания ранних человеческих стратегий борьбы со смертностью для предотвращения существенного сокращения населения. Все четыре стратегии, используемые в охотничьих и собирательских обществах с этой целью — улучшение еды, крова и одежды, забота о больных и раненых, использование огня для приготовления теплой пищи и появление практикующих врачей, определяются как культурные. По мнению К. Дэвиса, относительные неудачи в стремлении значительно снизить смертность явились причиной для поддержания рождаемости в это время на относительно высоком уровне. Позже, быстрое распространение индустриализации приостановило важные механизмы обратной связи, что создало демографический дисбаланс. Сегодня, «после столетия с небольшим быстрого роста населения и последующего за этим перенаселения, развитые нации, наконец, уравнили свои показатели рождаемости и смертности».

К. Дэвис точно определяет механизм, с помощью которого произошло это приспособление рождаемости к смертности: «Развитые страны достигли этих низких уровней путем сведения к пределу принципа, в основе которого лежит социальная организация человека, опирающаяся на разделение труда по приобретенным навыкам» К. Дэвис далее тщательно разработал этот механизм: «Судьба ребенка (следовательно, родителей) зависит от образования и подготовки ребенка.

Социальная структура, порождающая этот вид адаптации, характеризуется социальной мобильностью, запланированными инновациями, формальным характером школы и урбанизацией, отделением от дома и рабочего места, и бюрократией».

Хотя и в не полностью раскрытой форме, постулируется предположение о том, что крупные социальные преобразования и институциональные изменения совершаются с целью приспособления демографического воспроизводства (путем снижения рождаемости) к окружающей среде. В общем виде эти постулаты могут быть продемонстрированы следующим образом:

Этот подход отражает типичные для функционализма черты тавтологии: последствие изменений перехода от высокой к низкой рождаемости — восстановление и адаптация к внешней среде — в то же время являются и причиной изменения. Эта общая форма конечного недостатка при определении индивидуальной мотивации сокращения рождаемости. К. Дэвис далее развил эту теорию. Он определил различие между целями системы и индивида: «Обычно, как правило, люди не сдерживают рождаемость в интересах общества. Они могут способствовать решению проблем общества в рамках рационализации, но их главным мотивом всегда остается личный мотив».

Тогда он обращается к тому, что называет четырьмя основными, взаимосвязанными причинами низкой рождаемости:

- 1) Более позднее вступление в брак;
- 2) Увеличение воспроизводства вне брака;
- 3) Высокий уровень разводов;
- 4) Высокая и постоянно растущая доля участия женщин в рабочей силе.

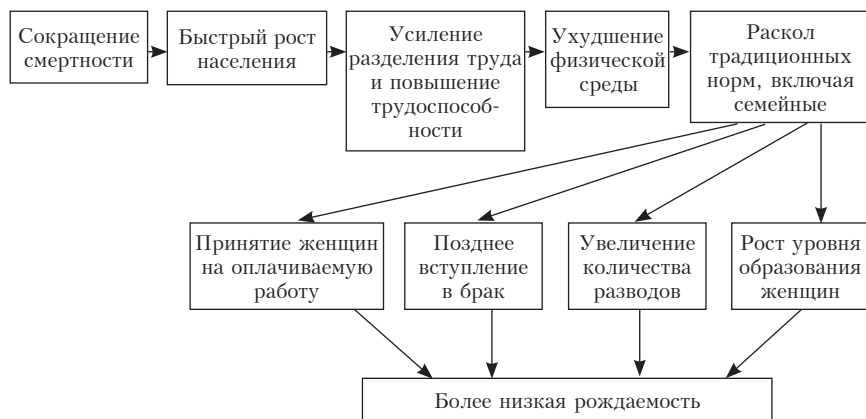
Эти четыре причины происходят от вышеотмеченных структурных и институциональных изменений, и являются тесно взаимосвязанными. В предыдущих своих работах я как и К. Дэвис отмечаю влияние того факта, что работающие замужние женщины переносят свадьбы на более поздний срок. Этот факт также влияет на нестабильность брака, преуменьшая экономические потребности жены с точки зрения мужа, создавая возможность встречи другого мужчины на работе, и создавая персональное тождество между заботой о детях и домашними обязанностями.

К. Дэвис доказывает, что сильный нормативный контроль, регулирующий отношения в семье и влияющий на поведение, «имеет тенденцию становиться несостоятельным, когда люди живут в больших городах и борются за социальную мобильность, работают в безличной среде, получают более высокий доход по сравнению с семейными людьми, являясь холостыми, и требуют формального школьного образования на расстоянии от родительского контроля».

Далее «при этих условиях, семейные нормы все больше и больше безнаказанно нарушаются, и появляется идеология, считающая нарушения проявлением современности, а следование правилам и догмам — старомодным и консервативным поведением. Любой каталог «либеральных» или «просвещенных» взглядов будет включать бесчисленное количество антисемейных высказываний.

Разводы без вины сторон являются позитивными, так как сокращают обвинения в адрес женщин, воспитывающих детей вне брака, и предоставляют финансовую помощь и специфическое отношение; решение об аборте — это дело женщины и ее доктора (муж не принимается в расчет); подростки должны иметь доступ к средствам контрацепции и к возможности сделать аборт без информирования об этом родителей; сожительство вне брака допустимо».

В дополнение к изложенным основным культурным причинам нахождения уровня рождаемости ниже допустимого уровня, детализированная причинно-следственная связь данной функционально-ориентированной теории может быть представлена следующим образом:

Демографическая теория перехода предоставляет одно из первых теоретических объяснений продолжительного сокращения рождаемости. Критика этой теории обращает внимание на слабые стороны функционализма, а именно: ошибочное включение телеологии, предположение о неизбежном возвращении системы в состояние равновесия, точно не установлен-

ные причинно-следственные связи между необходимостью приведения системы к балансу и подключением для этих целей культурных механизмов. Теория демографического перехода также критиковалась за предположение о всеобщности демографических механизмов и процессов.

Первой теорией в рамках пост-классических теорий перехода является теория потока благосостояния. Ее автор Д. Колдвелл подчеркивает связи между демографическим поведением и способом воспроизводства. Два основных способа воспроизводства точно определены: «семейный» и «несемейный».

Основной предпосылкой теории является то, что поведение в отношении рождаемости рационально в обоих способах: в семейном — существует экономическая цель, достигаемая при помощи высокой рождаемости, в несемейном — нет экономической цели. Основной причиной этого является то, что семейный способ воспроизводства характеризуется «чистыми потоками благосостояния» от более молодых к более старым поколениям, в то время как при несемейном способе эти потоки имеют обратную направленность.

Д. Колдвелл определил крестьянскую экономику как базирующуюся на семье, где отношения воспроизводства между родней позволяют наиболее сильным иметь значительные материальные преимущества. Высокий уровень рождаемости считается выгодным как для самых сильных членов семьи, так и для всей семьи в целом. Анализ семейного способа воспроизводства позволяет сделать заключение о том, что потоки благосостояния от поколения к поколению являются очень важными для сохранения высокой рождаемости по сравнению с потоками благосостояния от жены к мужу. Д. Колдвелл подчеркивает выгоду от высокой рождаемости в крестьянских обществах даже для менее значимых членов семьи — молодых жен: «Только воспитывая детей, молодая

жена может укрепить свои позиции, она также сможет меньше работать, получать большие порции еды и других предметов потребления, и в конечном счете достигнуть наибольшего по сравнению с вышеперечисленными выгодами прорыва, став свекровью». Д. Колдвелл не согласен с тем, что причина высокой рождаемости лежит в нехватке контрацепции он настаивает на том, что высокая рождаемость — это сознательный выбор и является очень выгодным.

Переход к несемейному способу воспроизводства с его обратными потоками благосостояния является основой для объяснения снижения рождаемости: «Это не фабрики и заводы привели к снижению рождаемости; это смена системы, в которой материальная выгода, происходящая от производства и воспроизводства, переходит к людям, которые могут контролировать или влиять на воспроизводство через систему, в которой те, у которых есть экономическая власть, либо не получают никаких преимуществ от воспроизводства, либо не могут его контролировать».

Среди основных факторов, влияющих на изменение направленности потоков благосостояния Д. Колдвелл выделяет увеличение «стоимости» детей, сокращение их вклада в работу и идеологические изменения. Как пример последнего можно привести влияние эгалитарных черт современной идеологии на образование девочек и растущую долю женщин в рабочей силе.

Преимуществом теории потоков благосостояния является смещение акцента с макродемографического уровня на микро (семейный) уровень. Тем не менее, теория благосостояния не вполне определила механизм того, как на принятие индивидом решения о рождении ребенка влияет метод воспроизводства. Недостатком теории потоков благосостояния является также то, что она не анализирует огромное количество вариантов рожда-

емости в рамках определенного способа воспроизводства, как «семейного», так и «несемейного».

Следующая пост-классическая теория — микроэкономическая теория. Она была впервые сформулирована в 1957 году Х. Либенштенем и позже дополнена Г. Беккером. На микроэкономический подход часто ссылаются как на «теорию спроса», «Подход Чикагской школы» и «Новую экономику домашнего хозяйства». Микроэкономическая теория рождаемости была разработана как направление теории потребительского выбора. Ключевой предпосылкой является то, что члены семьи рациональные, лично заинтересованные действующие лица, максимизирующие свое поведение во всех ситуациях потребительского выбора. Этот способ поведения является одинаковым и при принятии решения о покупке дома и при принятии решения о рождении «дополнительного» ребенка (термин, используемый для определения детей в этом подходе — «товар длительного пользования»). Выбор осуществляется в рамках домашнего хозяйства, и данный подход связывает функцию воспроизводства с другими процессами в рамках домашнего хозяйства, включая потребление.

Микроэкономическая теория считает, что члены семьи стремятся максимизировать полезность, и непосредственные источники для этого благополучия производятся членами домашнего хозяйства путем совмещения их времени и товаров и услуг рынка. Эти непосредственные источники называются «предметами потребления для домашних хозяйств». Г. Беккер определяет их и их источники следующим образом: «Эти предметы потребления не могут быть приобретены непосредственно на рынке, но производятся и потребляются домашними хозяйствами с использованием рыночных покупок, собственного времени и различных окружающих инструментов. Эти предметы потребления включают детей, престиж и оцен-

ку, здоровье, альтруизм, зависть, удовольствие от чувств и представлены в гораздо меньшем количестве, чем обычные товары». Например, здоровье это функция гигиены, и одежда должна быть чистой. Это требует усилий и времени частично со стороны членов семьи, частично — приобретения определенных товаров, необходимых для стирки на рынке. Вид деятельности представляет «функцию производства домашнего хозяйства» для таких «предметов потребления домашнего хозяйства», как здоровье.

Предполагается, что семьи стремятся достичь максимального уровня полезности (благополучия), который, тем не менее, ограничен двумя факторами: доступными финансовыми ресурсами и располагаемым временем. Эти ограничители определяют «возможности», в том числе возможность завести детей. Максимизация общей полезности домашнего хозяйства с использованием ограниченных ресурсов приводит к балансу между полезностью и максимизацией, при котором «никакое перераспределение имеющихся ресурсов не сможет увеличить общую полезность».

Важным предположением микроэкономической теории рождаемости является предположение о фиксированном характере предпочтений — постоянстве предпочтений во времени и в рамках социальных групп. Только изменение в возможностях (и относительные ограничители) определяют изменения в производстве различных «товаров потребления», включая детей. Р. Поллак и С. Уоткинс считают: «Предполагается, что действия индивидов упорядочены, завершены, рефлексивны и транзитивны. В модели потребления в рамках домашнего хозяйства предпочтения считаются монотонными, непрерывными. Можно продемонстрировать, что эти предпочтения представлены функцией действительной ценности, в рамках которой количества благ сформир-

рованы в наборы, причем более многочисленные наборы ранжируются потребителем как более полезные. Экономисты называют функцию, представляющую предпочтения потребителей, «функцией полезности». Таким образом, когда экономист говорит о «поведении, максимизирующем полезность», он имеет в виду, что индивид, сталкиваясь с рядом альтернатив, выбирает из этих альтернатив самую лучшую (имеющую самый высокий ранг, который определяется, исходя из индивидуальных предпочтений)».

Следующие факторы могут повлиять на распределение ресурсов семьями. Первый — домашние хозяйства могут увеличить свои финансовые ресурсы, второй — они могут увеличить эффективность использования времени через инвестиции в человеческий капитал, третий — они могут внедрить технологические новшества, что увеличит эффективность производства в рамках домашнего хозяйства. Так как предполагается, что ресурсы оптимально распределены возможно предсказать изменения в «возможностях» и «ограничителях» (деньгах, времени и технологиях). Например, рост заработной платы приведет к увеличению спроса на предметы потребления, что вызовет сокращение производства товаров с высокими затратами времени, и вызовет замещение трудоемких методов производства товароемкими методами. Важной чертой этой модели является предположение о заданном характере отношений, имеющем место только, когда семейное распределение находится в равновесии, и семья действует оптимально для себя. Когда, по какой либо причине семья теряет способность к оптимальному распределению ресурсов, «все формальные, указанные выше «предпосылки» теряют силу. Например, математика умалчивает о том, приведет ли снижение реального дохода семьи (с учетом инфляции) к росту или снижению количества времени, затрачиваемого домашними хозяйствами на производство».

Теперь предлагаю перейти к рассмотрению места детей среди «предметов потребления» в рамках микроэкономической модели. Как указано выше, функция производства домашнего хозяйства стремится к максимизации своей собственной полезности с помощью внутренних и приобретенных внешних ресурсов, а также путем использования «технологий домашнего хозяйства». Это значит, что «спрос» на детей в действительности является спросом родителей на поток услуг, которые будут осуществлены ребенком через определенное время. Потребление этих детских услуг вызывает удовольствие или «полезность» родителей (домашнего хозяйства). К детским услугам относятся услуги, произведенные в рамках домашнего хозяйства с использованием времени и рабочей силы членов домашнего хозяйства, а также приобретенные на рынке товаров, и «технологии, имеющейся в распоряжении домашнего хозяйства для производства» Х. Лийбенштейн выделяет три типа полезности, которые получают родители от детей:

- 1) Потребительская полезность (имеются в виду неэкономические выгоды, например, эмоциональные).
- 2) Продуктивная, рабочая полезность.
- 3) Полезность с точки зрения обеспечения старости.

Таким образом, дети рассматриваются как специальный вид товара, который предоставляет потоки услуг своим родителям, и который определяет их последующую полезность.

Предлагаю остановиться на теории рождаемости Г. Беккера. Ее отличие от ранее рассмотренной теории состоит в том, что два основных теоретических пункта были добавлены к микроэкономической модели. Другие члены семьи были также учтены путем: Включения альтруизма в источники полезности человека, принимающего решение, следовательно, значения полезности других членов семьи и распространения процесса принятия

решения на «династии», то есть принятие решения в настоящем с учетом влияния на будущие поколения путем добавления наследства и инвестиций к текущим тратам.

Концепция «качества детей» стала вторым пунктом, добавленным в модель максимизации полезности. Причиной этой инновации стала выявленная обратная связь между доходом и рождаемостью: когда рос доход, размер семьи сокращался во время европейского демографического перехода. Это противоречило экономической теории, предполагающей положительную эластичность спроса на детей по критерию дохода. Г. Беккер решил эту проблему, выработав тезис о том, что спрос существует не на детей как таковых, а на детские услуги, так как общее количество детских услуг равно общему количеству детей, умноженному на среднее качество в расчете на одного ребенка. Следовательно, способом увеличить общее число детских услуг является влияние на качество. Для конечного выбора необходимо решить: иметь ли больше детей или иметь больше собственного времени и затрат на здоровье, образование.

В теории Г. Беккера взаимосвязь между качеством и количеством детей более сложна и мультипликативна. Это не обычные отношения обмена. Концепция качества детей по-разному описывалась в демографической литературе. Одни авторы считают качество детей врожденным и неотъемлемым, Г. Беккер рассматривает это лишь как «пучок свойств», который делает детей привлекательными и выгодными для родителей. Среди последних попыток операционализации данной концепции — исследования А. Разина и Е. Садка: «Качество детей — это многомерное понятие, состоящее из питания, образования, развития способностей, заботе о здоровье и так далее».

Как я отмечал выше, вклад Р. Истерлина в демографические теории можно обозначить в нескольких аспектах. Некоторые авторы, включая самого Р. Истерлина, противопоставляют

его теории «Чикагско-Колумбийской школе» (сам Р. Истерлин относит себя к «Пенсильванской школе»), другие, в том числе С. Гринхалг, рассматривают его вклад как развитие подхода Г. Беккера.

Р. Истерлин основывается на микроэкономической теории рождаемости, тем не менее, его теория отличается от микроэкономической, как минимум, тремя аспектами: Первое — он разработал концепцию «функции воспроизводства рождения» и связал ее со спросом на детей. Второе — он внедрил термин «эндогенные предпочтения» и разработал теорию «формирования вкуса». Третье — он ввел элемент непреднамеренности в процесс максимизации полезности, что отражено в его концепции «непредвиденного совмещения».

Микроэкономическая модель рождаемости подчеркивает значение спроса в принятии демографического решения. Другой фактор, также являющийся частью «оптимального выбора» — «функция производства рождения» или «выпуск» детей, или же, как определил его П. Шульц, «фактор предложения», рассматривается не вполне адекватно.

Р. Истерлин заполнил этот пробел и разработал концепцию потенциального «выпуска» детей (фактор предложения). Он определил эту концепцию следующим образом: «количество выживших детей, которое могло бы иметь домашнее хозяйство, если бы рождаемость не была умышленно ограничена». Ключевыми факторами, определяющими потенциальный «выпуск» детей, являются природная рождаемость и возможный уровень выживания детей. Среди факторов, которые в свою очередь влияют на эти две переменные, отмечают здоровье, качество питания и медицинское обслуживание. Главной причиной разработки фактора «предложения» явилось то, что он играет роль в максимизации полезности в рамках решения о рождаемости: это число детей, доживших до взрослого возраста, что

и является конечной целью родителей, а не только количество рожденных на сотню населения детей. Отсюда, применение модели: информация о спаде детской смертности может изменить спрос на рождение определенного количества детей (в этом примере результатом может стать снижение запланированных деторождений).

Вторым отличием теории Р. Истерлина, я отмечаю объединение «эндогенных вкусов», (то есть «предпочтений») в модели принятия решения о рождаемости. Как было сказано, классическая микроэкономическая модель выделяет фиксированные предпочтения (по времени и в рамках домашнего хозяйства). Различия в решениях о рождении объясняются только изменением возможностей. Р. Истерлин обнаружил незаконченность такой модели и ввел то, что он назвал «взаимозависимыми предпочтениями» — и для рождаемости, и для потребления.

Представлены две версии модели взаимозависимых предпочтений. Первая — модель социализации — предполагает, что семейные предпочтения зависят от среднего потребления и размеров семей предыдущей когорты. Это предположение может быть модифицировано путем ограничения этих семей определенным социо-экономическим статусом или путем перенесения формирования предпочтений на более отдаленный период времени. Вторая версия — внутрисемейная модель, предполагающая, что предпочтения каждой семьи определяются потреблением, размером семьи и опытом мужа и жены во время их детства и юношества. Главным отличием между этими двумя версиями является то, что модель социализации не предполагает систематического различия в рамках группы семей определенного социо-экономического статуса, образования и религии, а межсемейная модель предполагает разнородность в рамках таких групп, из-за различия в потреблении, размерах семьи, опыта в течение периодов детства и юности. Взаимозависимые пред-

почтения подкреплены утверждением о том, что вкусы каждой семьи зависят от «нормальных уровней» потребления товаров, размера семей.

Под нормальными уровнями подразумеваются «уровни стремления» или «точки счастья», также предполагается их связь с потреблением в прошлом и с решениями о размерах семьи в других домашних хозяйствах. Если предпочтения принимаются в расчет, то спад рождаемости в развитых странах может быть объяснен не потребностью в более высоком качестве детских услуг, а тем, что «сдвиги бюджетного ограничения, способствующего рождению детей, компенсируются механизмом эндогенных предпочтений, функционирующим как запоздалый результат роста дохода, который препятствует появлению детей». Как причину изменения вкусов отмечают увеличение доходов, полученных не за работу: в модели относительного дохода, ожидания могут меняться из-за его увеличения. Третий вклад Р. Истерлина в теорию рождаемости — разработка концепции «непредвиденного совмещения».

Классический микроэкономический подход часто критиковался за предпосылку о том, что семья располагает полной информацией о факторах, влияющих на принятие оптимального решения о рождаемости. Р. Истерлин и его сторонники широко поддержали эту критику своей теорией непредвиденного совмещения. В этой концепции описана ситуация, в которой семья не осознает взаимосвязи между образом потребления, рождаемостью и детской смертностью.

Например, увеличение дохода ведет к улучшению питания, что увеличивает способность рожать детей. Увеличение рождаемости не произошло бы от сознательной максимизации полезности, это стало результатом непредвиденного совмещения. Более хорошее питание могло также привести к снижению детской смертности. Р. Истерлин указывает на то, что непредви-

денное совмещение не означает полного неведения. На самом деле, непредвиденное совмещение не вступает в противоречие ни с каким знанием, за исключением достоверного.

Согласно Р. Истерлину, баланс реализованных ожиданий является решением, в котором выгода от рождений и смертей совпадают с оптимальными осознанными выгодами. Оптимально осознанное решение включает ценности, являющиеся функциями от следующих переменных домашнего хозяйства: цена на товары, уровня заработной платы, нерабочего дохода, технологии в рамках домашнего хозяйства, функции ожидаемых рождений, функции ожидаемых смертей и функции издержек от регулирования рождаемости.

Микроэкономическая теория предоставляет полезный инструмент для понимания принятия демографических решений. Тем не менее, она критикуется за многие предположения, а также за некоторые тезисы и отвлеченность. Объектами критики в том числе являются:

Предположение об универсальности максимизации отношения затраты — выгода при принятии демографического решения.

Предположение о достоверности знаний обо всех возможных затратах и выгодах в отношении детей при принятии решения о рождаемости, максимизирующего полезность.

Игнорирование важных культурных и институциональных ограничителей и параметров, влияющих на принятие решения о рождаемости.

Трудности эмпирической верификации из-за неопределенности понятий и трудности в установлении взаимосвязей параметров.

Для подведения итога классической теории перехода и ее пост классических версий, необходимо определить важнейшее значение влияния социо-экономических процессов на рождае-

мость. Это влияние может быть выражено либо через культурные нормы, служащие для «функциональных нужд» адаптации демографической системы к общественной среде, либо через смену «возможностей» на микро — уровне, либо через диффузию технологических преимуществ (таких как средства контроля рождаемости), либо через изменение параметров уравнения максимизации полезности от рождаемости при принятии решения.

Выводы Принстонского проекта о рождаемости в Европе во многом опровергли выше указанные предположения. Как отмечено Р. Поллаком и С. Уоткинс, «и Принстонский проект о рождаемости в Европе, и исследование рождаемости в мире, оперирующие как национальными, так и областными агрегированными данными, указывают на неожиданный, резкий и прерывающийся характер изменений». Уровни рождаемости в браке были стабильными, а потом неожиданно снизились в конце 19 века, в большинстве Европейских стран, а затем в 1960 году во многих других регионах мира повторилась та же ситуация.

Как было продемонстрировано Кноделем и Ван де Валлем: «не существует взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития и временем начала спада рождаемости». Также, как отмечено Д. Клиландом и С. Уильсоном, постоянное снижение рождаемости произошло во многих европейских поселениях. Огромные различия в экономической ситуации областей, начиная от сельскохозяйственных и заканчивая высоко индустриальными, делают очень сомнительным высказывание о том, что любой экономический фактор является ответственным за снижение рождаемости (Как считают те же авторы).

Также, в большинстве стран не было найдено никаких связей между временем спада уровня смертности и спадами уровня рождаемости. В некоторых странах, как Англия и Бельгия,

спад рождаемости даже предшествовал спаду детской смертности во многих районах. Так как изменение уровня смертности считалось причиной спада рождаемости в классической теории перехода, данные предположения вызвали сомнения и стали предпосылкой для поиска новых объяснений.

Новое культурологическое объяснение было получено на основе интерпретации обобщенных данных о рождаемости по областям, полученных в результате проекта по исследованию рождаемости в Европе. Эти данные указывают на роль географических, социо-экономических и культурных факторов. Порядок распространения спада рождаемости явно указывает на диффузию. Как отмечено исследователями демографии, спад рождаемости, начавшийся во Франции в 18 веке, потом переместился в другие страны Северо-Западной Европы, затем на восток Балкан и на юг к европейскому побережью Средиземного моря. Как подчеркивает С. Уоткинс, географически и социально отстраненные области с различными языками или диалектами обычно являлись самыми последними областями, испытавшими спад рождаемости.

Примером, на который часто ссылается «Проект по исследованию рождаемости в Европе», является спад рождаемости в Бельгии. Лингвистическая граница между франкоговорящей Валлонией и Фламандией, со своим собственным языком, стала огнеупорным кирпичом в распространении контроля за рождаемостью в браке. Кроме того, деревни по обеим сторонам данной лингвистической границы, находящиеся в миле друг от друга, являли собой острое различие с точки зрения времени и скорости спада рождаемости. Исследование Р. Лестхейга и С. Уильсона также демонстрировало роль моральных ценностей во влиянии на секуляризацию перехода рождаемости. Жители секуляризованных регионов обычно являлись первыми по внедрению контроля рождаемости.

Сильная связь между лингвистической и этнической границами, с одной стороны, и картиной спада рождаемости, с другой стороны, убедила многих аналитиков в важности культурного фактора в изменении демографического поведения. Это дало толчок к созданию культурологической теории рождаемости. Основной предпосылкой этой теории является то, что культура во многом определяет изменения поведения в отношении рождаемости через сплетни или другой вид обмена информацией, а также нормативный контроль. Механизм распространения этих норм и соответствующее демографическое поведение хорошо описаны в моделях диффузии. Как отмечено Р. Поллаком и С. Уоткинс, «важность территориальных и социальных расстояний в диффузии были подтверждены». В отношении анализа демографического перехода, распространяемые культурные нормы носили рекомендательный характер в отношении средств контроля рождаемости. Важным отличием культурной теории является то, что главными свойствами культуры считаются предпочтения, а не «возможности» (в данном случае имеется в виду доступность средств по контролю рождаемости), которые определяют изменения в использовании контрацепции и таким образом влияют на рождаемость. Предположения теории о роли культуры могут быть перенесены на любые другие предпочтения и нормы в отношении рождаемости и применены к любым демографическим изменениям, кроме демографического перехода.

Отмеченные выше представители культурологического подхода показали роль норм и ценностей в формировании демографического поведения и механизма диффузии. Вопрос, который остался открытым — где и почему формируются эти нормы и ценности. Существует ряд ответов на происхождение изменений в мышлении во время перехода к современному обще-

ству. Р. Лестхейг придерживался взгляда об автономии перемен в мышлении. Основной тенденцией этих перемен является распространение эгалитарного и утилитарного сознания, связанного с распространением индивидуализма. Как подчеркивает С. Престон: «индивидуализм может рассматриваться не столько как доктрина, воплощающая социальные ценности, а как отрицание социальных ценностей». С его точки зрения, распространение индивидуализма ведет к расширению сферы поведения, в рамках которой определены социально нейтральные ценности. Типичной чертой индивидуалистической культуры является оправдание отказа от ранее существующих ценностей, когда они более не выгодны.

Для подведения итога культурологической теории рождаемости, можно отметить решающую роль культурных факторов в формировании поведения, таких как идей, ценностей и норм. Дж. Клеландом сформулировано заключение по исследованию рождаемости в мире в отношении теории демографического перехода: «Взятые в общем виде, результаты исследования более последовательны в рамках теории изменений в мышлении, основанной на идеи распространения новых стремлений или появления нового отношения к формированию семьи и к контролю рождаемости, чем в рамках структурной теории, которая подчеркивает экономическую роль семьи и детей.

Культурологическая теория осветила важную переменную в принятии решения о рождаемости. Тем не менее, даже сторонниками данного подхода было отмечено то, что он, по сути, не является теорией как таковой. Роль культуры определена, механизм распространения норм и ценностей описан (диффузия), но механизм и направление влияния культуры на рождаемость не выявлены.

Институциональная теория, как и культурологическая теория рождаемости, появилась в ответ на недостатки «универ-

сальности» классической теории и ее пост-классических версий и подчеркивает контекстуальный и часто меняющийся характер принятия решения о рождаемости.

Институты, которые можно рассматривать как детерминанты поведения в отношении рождаемости, не являются такими, как их определил главный сторонник институциональной теории Г. Макниколл: «заметные публичные структуры, такие как тюрьмы или больницы», являются «кластерами поведенческих правил, направляющими (или регуляторами, описывающими) действия человека и взаимосвязь повторяющихся ситуаций.» Институты имеют ряд общих свойств с культурой, например, система формирования идей. Тем не менее, институты характеризуются более широкой структурой, имеющей культурное и материальное прошлое.

Многосторонний характер институтов может быть продемонстрирован на примере одного из институтов, влияющих на поведение в отношении рождаемости — разделение труда на основе сексуального фактора. Дж. Гайер иллюстрирует это так: «Разделение труда на основе сексуального фактора, как и все фундаментальные институты, многоаспектно. В рамках любого общества, оно является интегральной частью идеологической системы, экономической организации, повседневной семейной жизни, а часто и политической структуры. В любом случае, все эти факторы подкрепляют друг друга, так что текущая структура является чересчур предопределенной и загадочной из-за сложностей определения веса каждого фактора».

Г. Макниколл подчеркивает соединение материальных наград и санкций с символическими в формировании системы социального контроля. Дж. Мигдал определяет это так: «соединение материального и морального». Трактовка контекстуального характера, и, таким образом, уникальных последствий рождаемости (в отличие от микроэкономической версии об уни-

версальности принятия решения о рождаемости, максимизирующего полезность) основана на анализе направлений развития институтов. Это означает, что институты не только приспосабливаются к изменяющимся обстоятельствам, но делая это, во многом зависят от своей истории. Это ограничивает траектории возможных институциональных изменений и формирует уникальные последствия рождаемости, определяемых в зависимости от направлений развития. Не совсем аккуратно классифицировав институты, Г. Макникелл выделил следующие институты, предположительно влияющие на рождаемость:

- 1) семья и местное общество;
- 2) семья и право собственности и местное значение публичной администрации;
- 3) семья и система стратификации и направления мобильности, которые она предоставляет;
- 4) семья и рынок труда;

Другие демографы определили систематический уровень, на котором институты должны рассматриваться как влияющие на поведение в отношении рождаемости. Х. Смит, например, указывал: «несмотря на то, что теория связывает институциональные факторы с рождаемостью, она далека от цельности, значительное влияние, которое предположительно оказывают ключевые элементы, имеет место на систематическом, институциональном, агрегатном уровне».

К. Мэйсон подчеркивает макро свойства таких институтов, как общее образование, законодательный статус женщин, система родовой стратификации, и рекомендует обратить внимание на анализ общего уровня. Г. Смит указывает на нередуцируемость макро-свойств таких институтов, как образование, ссылаясь на Колдвелла: «образование только части общества не даст такого же эффекта для второй части населения, также как и половины эффекта для всего населения».

Решающим фактором для понимания институциональной теории и для ее применения в нестабильных странах при неопределенности и кризисе является механизм, с помощью которого институты влияют на рождаемость. Г. Макниколл разработал модель в своей статье. В самом разработанном виде, институциональная теория рождаемости представлена в форме каузального механизма, связывающего макро-уровень (институты) с микро-уровнем (индивидуальное принятие решения о рождаемости).

Несколько предположений позволяют создать модель этого взаимодействия с использованием нескольких переменных. Первое предположение — институциональные формы общества могут создать мотивационную структуру. Последняя определяется как «включающая механизмы воздействия на рождаемость непосредственно или тангенциально». Такое воздействие, согласно Г. Макниколлю, может быть выражено либо через механизм экономических стимулов, то есть механизм экономической отдачи от детей, либо через административные санкции, например, законы о браке или правительственные приказы, социальное воздействие.

Второе предположение — человек не воспринимает институциональное окружение как единое целое. Он воспринимает его как «совокупность сфер, в рамках каждой из которой он адаптирует свое поведение». Такие сферы называются «сегментированными сферами принятия решения». В этих сферах соединяются установленные институциональные изменения и процесс принятия решения отдельного человека. Это та структурная часть институциональной среды, которая на самом деле важна для рождаемости.

Последнее предположение этой модели касается индивидов, принимающих решение (микро-уровень). Институциональная теория воспользовалась концепцией «административного чело-

века», разработанной Г. Саймоном, и противоположной концепцией «экономического человека», используемой в микроэкономической теории рождаемости. В отличие от экономического человека, административный человек не максимизирует полезность, он достаточно удовлетворен. Примерами такого поведения представлены Г. Макникеллом: такие критерии как справедливая цена, адекватная прибыль, заданная доля рынка, нормальная жизнь. Рациональность индивида обоснована или сегментирована. Сегментированная среда принятия решений предоставляет границы, в рамках которых административный человек формирует свои планы и поведение в отношении рождаемости.

Институциональная теория в самой развитой форме близко подходит к теории формирования потребностей в определении механизма институционального влияния на рождаемость. В определении этого механизма теория, тем не менее, не смогла предоставить четкий алгоритм того, как создаются из независимых переменных — институциональных изменений, промежуточные переменные — сегментированные сферы принятия решений. Это оставляет возможность для разработки специального определения сегментированных сфер принятия решений и многочисленных объяснений того, как это влияет на рождаемость.

Антропологический подход к рождаемости является наиболее близким к культурному и институциональному. Различие состоит в том, что они уделяют больше внимания «человеческому фактору» в макро-микро взаимодействии. Антропологический подход отвергает рассмотрение человека как пассивного последователя макро-детерминантов, и рассматривают население как активный фактор принятия решений. Существует несколько направлений антропологического подхода: культурный, исторический, гендерный, а также направление в рамках политической экономии.

Критика традиционного культурного подхода основывается на антропологической версии культурологической теории. Последняя критикует микроэкономическую теорию за предположение о «универсальной рациональности» и рассматривает традиционную культурологическую теорию рождаемости как «изящную культурную микроэкономику». Основным направлением критики является то, что культурологическая теория определяет роль культуры в формировании демографического поведения, преуменьшая деятельность человека в формировании культуры.

Антропологическая культурологическая теория рассматривает микро-макро и макро-микро взаимодействия между культурой и индивидуальным демографическим поведением как неотделимый процесс, в рамках которого люди оценивают и выбирают из ряда культурных «реквизитов», создают и модифицируют поведение в процессе социального взаимодействия, таким образом, влияя на макро-уровень культурных норм. Такое рассмотрение взаимодействия культуры и демографического поведения обусловлено следующими концептуальными чертами культуры, выдвинутыми Е. Хаммелем:

- 1) культура и институты рассматриваются как причина и эффект;
- 2) культура как идентификатор, культура как самоуправляемая система;
- 3) культура как модель;
- 4) культура как руководящий механизм;
- 5) культура как выразитель опыта;
- 6) культура как установленный символ понимания.

Вторая концептуальная черта — «культура как идентификатор» заимствована из традиционного культурологического подхода, который ассоциирует демографическую картину с пространственным и временным расположением.

По мнению Е. Хаммеля, существует два направления влияния на основе второго концептуального фактора. Первое — «индивиды, создающие демографическую картину, являются членами общественной системы, разделяют эту картину, и передают ее друг другу на разных уровнях». Второе — демографическое поведение является частью более крупной и комплексной поведенческой картины, воспринимаемое социальной группой как часть ее общего поведенческого набора.

Е. Хаммель является сторонником рассмотрения культуры как специфических систем взаимосвязей. Такие взаимосвязи должны быть определены исходя из характера деятельности вовлеченных людей (актеров). Эти системы не обязательно целиком совпадают с рабочим или географическим местом. Актеры в рамках систем должны разделять одинаковые «оценочные суждения», которые являются более специфическими идентификаторами, чем язык и этнические факторы. Механизм диффузии в таких системах рассматривается теорией как каузальные взаимосвязи между сегментами, которые функционируют как впитывание широкими слоями мнения лидеров и основоположников.

Антропологическая версия культурной теории частично заполнила пробел, существующий в концептуализации: между культурой как таковой и культурой индивидуального принятия решения через утверждение о неразрывности макро-микромасштабов связей. Тем не менее, вопросы о том, почему существуют различные виды культурного влияния и каковы направления изменения ценностей и норм, которые влияют на рождаемость, остаются без ответа.

Другие направления антропологической теории рассматривают политическую экономию, историю, гендерные и властные отношения в контексте демографического поведения. История рассматривается «антропологическим демографом»

как реально созданная людьми в рамках ограничителей политических и экономических структур общества. Примером этого подхода является работа Р. Лоней. В своем исследовании он связывает рост общественного беззакония с изменением такого экономического феномена как местная фракционность, которая подразумевает рациональность формирования солидарных родственных групп. Другим примером является исследование Р. Фухса и Л. Моха, которое описывает создание систем взаимосвязей рода и друзей, через которые реализуются демографические намерения, приводя пример ситуации с парижскими женщинами Третьей республики.

Антропологический подход подчеркивает роль гендера, критикует демографические подходы к исследованию женского статуса в отношении рождаемости. Гендерный подход отличается от традиционного несколькими аспектами, как отмечено С. Гринхальгом: «он приводит исследование мужчин и исследование женщин, он включает фактор культуры, он определяет властные отличия и рассматривает структурный принцип социальности, а не просто отношения между индивидами». Примером этого подхода является исследование С. Брадлея. Она демонстрирует, что социо-экономическое развитие Западной Кении не только усилило роль женщин за счет улучшения образования и трудоустройства, но и стимулировало противостояние со стороны мужчин перераспределению ресурсов в пользу женщин. Последнее часто вызывает домашнее насилие, жертвами которого являются женщины.

Антропологические подходы, подчеркивающие роль властных отношений в формировании демографического поведения, могут быть разделены на 2 группы. Первая концентрируется на государственной, национальной и интернациональной деятельности в рамках демографического поведения. Сюда относится государственная деятельность по регулированию, прямым или

косвенным способом, рождаемости и семейной жизни, споров и определения человеческих проблем в интернациональных человеческих сообществах, государственная деятельность по реализации политики, направленной на человека.

Вторая группа концентрируется на освещении отношений между властью и рождаемостью на микро и мезо-уровнях рода, класса и гендерных групп. Т. Фрике в своем исследовании демонстрирует, как стратегии брака влияют на рождаемость, и как культурно заданные возможности влияют на брачные стратегии через иерархически ранжированные гендерные группы.

Каждая из анализируемых теорий, по моему мнению, является частью общего целого, связанного с общественно средой формирования демографической политики: экономической, социальной, социально-психологической, организационно-правовой, управленческой сферой ее характеризующей. Без взаимосвязи с общественной средой демографическая политика приобретает вид скорее концептуальный, чем концептуально-деятельный с присущим механизмом ее осуществления в конкретный период развития как государства, так и поселенческой общности.

В этой связи возникает объективная необходимость научной интерпретации общественной среды как одного из важнейших условий формирования демографической политики государства.

Общественная среда как условие формирования демографической политики государства

Рассмотрение проблемы демографической политики в контексте развития общественной среды современной России обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в последние

15–20 лет изменился геополитический статус государства, произошли перемены в социокультурном и нравственном развитии населения, более четко проявились в поведенческих установках различных социальных слоев населения ориентиры на потребление товаров и услуг. Во-вторых, изменилось отношение к семье как к социальному институту. Социально-политическая эмансипация женщины и все более широкое их вовлечение в общественно-производственную среду делает их семейные роли не столь всеобъемлющими и, как показывает тенденция последних десятилетий менее значимыми. В свою очередь мужчины все более ориентированы на профессиональную карьеру, отодвигая постепенно на второй план семейную жизнь и сопутствующие ей воспроизводственные процессы.

В-третьих, в России имеют место цивилизационные особенности трансформации общественной среды.

Россия — это особый исторически сложившийся конгломерат народов, относящихся ко всем существующим типам цивилизации, объединенных мощным централизованным государством. Россия, по мнению некоторых авторов не является самостоятельной цивилизацией и представляет собой «Дрейфующее общество» на перекрестке цивилизационных магнитных полей, «сдвигающих» страну то ближе к западу, то ближе к востоку. К особенностям ее развития относятся географическая или природная среда и определяющая ее система ведения хозяйства, политическая система и духовные ценности.

Известный русский мыслитель И. Ильин отмечал, что ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания как русский народ. «Первое наше бремя есть бремя земли — необъятного, непокорного, раздвигающегося пространства. Второе наше бремя есть бремя природы... царство ледяного ветра и палящего зноя. И третье наше бремя есть бремя народности ... целая треть неславян и около одной шестой нехристианских

исповеданий ... надо было создать духовную, культурную и правовую родину для всего этого разногласного человеческого моря».

Природно-географические и геополитические факторы способствовали коллективизму, общинности в организации хозяйства и развитию служебного характера труда. Вместо развития системы наемного труда формировалась служебная организация труда: одни должны были служить по хозяйственным и военным делам (служилое сословие), другие — кормить тех, кто служит (тяглое сословие). Идея служения каждый раз наполнялась новым смыслом (царю, отечеству, народу). Вся жизнь нашего народа, — отмечал И. Ильин — стала самоотверженным служением непрерывными часто непосильным. При этом длительное господство служебного характера труда привело в России к формированию нерыночного типа личности, нерыночным механизмам общественного признания. Е. Г. Слуцкий и И. И. Сигов отмечали, что специфику развития страны в значительной мере определил выбор древней Русью византийского православия. В православии нашел подтверждение соборный (коллективистский) идеал русской культуры, а не ценности (возможно, к сожалению) повседневности — право, деловитость, собственность, получившие в западной цивилизации подкрепление в католической вере. Протестантский индивидуализм с его установкой на личное спасение в стране распространения не получил. Спасение мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий в служении христианским началам.

В-четвертых, в сфере экономики господствовала стратегия «догоняющего развития» В конце XIX и начале XX веков огромные средства для развитая крупной промышленности были получены из-за границы. Однако промышленность России отставала, в целом от промышленности высокоинду-

стриальных стран в канун Первой мировой войны Россия была страной среднего-уровня капиталистического развития, занимая по объему промышленного производства пятое место в мире и четвертое — в Европе. По производству промышленной продукции на душу населения отставание было еще более значительным. В данной связи представляет интерес тезисы доклада «Экономическо-финансовая политика России», сделанного в ноябре 1909 года на IV очередном Съезде представителей промышленности и торговли А. Вольским. В них констатируется: экономическое благосостояние России после 1900 года не только не растет, но скорее падает; душевое потребление товаров или вовсе не увеличивается, или даже серьезно падает; русская промышленность находится в крайне тяжелом положении, не обнаруживающем за рассматриваемое семилетие и признаков улучшения; всем классам населения живется в России плохо — одним только людям, живущим на казенное жалованье, пока можно не беспокоиться о своей ближайшей судьбе; неустроенность наших городов и крупнейших поселений крайне удорожает жизнь и грозит смертельной опасностью вследствие антисанитарного их состояния, не исключая и столицы, из которой уже два года невозможно выжить холеры.

В современных условиях, спустя практически 100 лет после опубликования данного доклада, ситуация мало в чем изменилась. Россия, по-прежнему, по рассмотренным параметрам не поднимается выше пятого места в мировой классификации.

В-пятых, в развитии государства существенное значение играют последние годы процессы трансформации политической системы, политической формы организации общества и общественной среды, которая является его социальным индикатором.

Сама сущность государства как политической формы организации общества, как гаранта обеспечения внешней и внутренней безопасности народа, как силы, заинтересованной в соци-

альной стабильности общества говорит о социальной природе этого феномена. В энциклопедическом словаре «Политология» отмечается: Любое государство социально. Поэтому термин «Социальное государство» предназначен лишь для того чтобы подчеркнуть способность такого государства осуществлять современную социальную политику, заботиться о трудовом устройстве населения, правах человека, создавать системы здравоохранения, социального обеспечения, поддерживать малоимущие слои населения, бороться с преступностью и конфликтами и т. д.

Но степень социальности того или иного государства весьма различна и обусловлена, в конечном счете, соотношением тех или иных социальных сил в стране и мире. Сам принцип социальной государственности в разных странах трактуется неоднозначно. Он понимается и как выравнивание социальных противоречий, и как наиболее справедливое распределение региональных и личных доходов, и как обеспечение всем права на труд, жилище, образование и др. Наиболее адекватным критерием социальности государства представляется правомерным считать степень осуществления в нем социальной справедливости. Именно мера реализации этого принципа наиболее точно отражает уровень социализации общественных отношений, «очеловечивания» общества, его альтруизации.

А. Печчеи писал о Новом Гуманизме, главную цель которого он видел в движении к социальной справедливости: «Если смотреть на будущее в долгосрочной перспективе, — утверждал он, — без справедливости нет и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого достоинства или приемлемого качества жизни для всех. Справедливость становится, таким образом в новую эпоху условием самого существования человеческого общества».

К наиболее общим чертам социальной справедливости обычно относятся соответствие: прав и обязанностей, как отдельных индивидов, так и различных социальных групп; заслуг людей и их общественного признания; труда и вознаграждения; преступления и наказания и т. д. Таким образом, социальная справедливость не тождественна абстрактному равенству людей. «Справедливость, — как отмечал И. Ильин, — совсем не требует равенства. Она требует предметно-обоснованного неравенства. Ребенка надо охранять и беречь, это дает ему целый ряд справедливых привилегий. Слабого надо щадить. Уставшему подобает снисхождение. Безвольному надо больше строгости. Честному и искреннему надо оказывать больше доверия. С болтливым нужна осторожность. С одаренного человека справедливо взыскивать больше. Герою подобают почести, на которые не герой не должен претендовать. И так во всем и всегда. Поэтому справедливость есть искусство неравенства. В основе ее лежат внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям».

В этом контексте, видимо, следует отметить, что принципу социальной справедливости соответствует и выравнивание определенных социальных различий между людьми: социально-территориальных, социально-трудовых, и социально-стратных. Социально-территориальные различия состоят в особенностях природно-климатических и инфраструктурных условий места обитания людей (город и деревня, экстремальные и благополучные для жизни районы проживания). Социально-трудовые различия характеризуются степенью неравноправия сторон в трудовых отношениях между бизнесом и наемными работниками, состоянием «социального партнерства» между ними.

Наконец, социально-стратные различия выражаются соотношением доходов наиболее богатых и наиболее бедных слоев населения (децильным коэффициентом). Чем он ниже, тем меньше эти различия между людьми.

С сокращением социально-стратных различий неразрывно связан вопрос о социальном минимуме и социальном максимуме. Под социальным минимумом А. Печчеи понимал уровень жизни, исходящий из учета человеческих потребностей в пище, жилье, медицинском обслуживании, образовании, информации, коммуникациях, средствах передвижения и т. д., который должен стать неотъемлемым правом любого родившегося на свет гражданина. Вместе с тем, он видел неотрывность проблемы социального минимума от вопроса о социальном максимуме. «Речь идет, — писал он, — о тех верхних пределах, за которыми потребление и расточительство становятся предосудительными, даже преступными и должны наказываться и пресекаться».

Степень реализации социальной справедливости в различных странах имеет в своей основе определенные экономические и правовые причины, обусловленные, в конечном счете, характером форм собственности на средства производства. Так, неизменным спутником крупной частной собственности на средства производства при ее господстве в обществе является безработица и люмпенизация значительной части населения. Именно крупная частная собственность порождает в современном мире растущее разграничение населения на трудовые и паразитарные (рантье, люмпены, преступный мир) слои, что ничего общего с социальной справедливостью не имеют. Проявлением ее явного попрания в годы либеральных российских реформ стала приватизация государственной собственности, приведшая к обнищанию основной части насе-

ления и образованию «олигархии», сосредоточившей в своих руках огромные (ранее общественные) состояния.

Целый ряд исследователей российского общества отмечают в этой связи, ухудшение социального самочувствия, утрату трудовой мотивации, самоустраненность от процессов общественного развития, утрату доверия к органам государственного управления и, как следствие, замыкание» на собственных проблемах значительной части населения страны.

По оценкам респондентов ситуация в стране либо кризисная (50,0%), либо катастрофическая (14,0%).

«Рынок, — анализируя 12 лет работы в кадровом (рекрутинговом) агентстве, считаю, — зачастую не обеспечивает справедливого распределения доходов. Он может привести к такому неравенству, которое вовсе не требуется для стимулирования лучшего выполнения работы. У отдельных людей появляются очень высокие доходы, за которыми стоит не адекватная, полезная обществу деятельность, а лишь большая удача, благоприятное сочетание обстоятельств или изначально лучшие условия работы. И наоборот, низкие доходы производителей порой связаны не с недостатком трудолюбия и усердия, а с «унаследованными» неблагоприятными условиями. Чтобы установить более справедливые пропорции доходов нужны налоги, плата за фонды, рентные платежи, субсидии, благотворительные выплаты и другие вмешательства государства, способствующие перераспределению».

Характеризуя состояние общественной среды, В. Рязанов отмечал нарастающую объективную потребность в стратегии общественно-экономического развития, основной компонентой которой должен стать человеческий фактор (не просто труда, наряду с капиталом и землей, а самого человека в многообразии его качеств и функций, включая функцию воспроизводственную).

Эффективное воспроизводство населения представляет собой одну из основных задач любого развивающегося общества и представляет непрерывный процесс замещения одного поколения другим, причем, каждый раз на качественно новой основе: образовательной, медико-биологической, социокультурной, духовно-нравственной, трудовой.

На воспроизводственные процессы населения оказывают определяющее значение такие факторы как алкоголизация, табакокурение, наркомания, токсикомания, сексуальная распущенность. Эти факторы являются и в определенной мере характеристикой складывающейся общественной среды. Применительно к общественной среде группировки этих факторов выглядят следующим образом:

— Биологические — высокий уровень хронических, врожденных и генетических заболеваний родителей, накопление в человеческой популяции многочисленных негативных наследственных нарушений, патологии перинатального (внутриутробного) периода;

— Медико-организационные — низкая эффективность диспансерно-поликлинического наблюдения и лечения; позднее выявление инвалидизирующих заболеваний; невозможность проведения лечения по современным методикам с использованием дорогостоящего медицинского оборудования, что производится, в основном, на платной основе; высокую стоимость лекарств. Несвоевременная диагностика, низкое качество и недоступность или несвоевременность медицинской помощи, неудовлетворительная профилактика инвалидности и диспансеризация инвалидов;

— Социально-средовые — ухудшение экологической обстановки и природно-климатических условий жизни, ограниченные возможности для ведения здорового образа жизни и социальное неблагополучие семей, рост бытового и производ-

ственного травматизма, наркомании и алкоголизма, преступности и проституции. Кризисное развитие экономики порождает нищенские условия жизни, дефицит питания, постоянный психологический стресс, недоступность платных методов лечения и дорогостоящих лекарств, малограмотность и крайне низкий культурный уровень значительной части населения.

Состояние здоровья и уровень смертности населения отражаются на показателях продолжительности жизни населения страны. Во многом, эти факторы, характеризующие состояние общественной среды определяют и положение семей, их жизнедеятельность и жизнеспособность, включая: Сохранение низкого уровня реальных денежных расходов на одного члена семьи. Сохранение высокой доли семьи, имеющих потребительские расходы на одного члена семьи ниже прожиточного минимума; Сохранения деформированной структуры потребительских расходов на одного члена семьи (складывающейся из высокой доли затрат на покупку продуктов питания и оплату услуг и малой доли расходов на непродовольственные товары); Сохранение принципов различий структуры потребительских расходов в семьях с разным уровнем доходов; Сверхэкономия на питание в расходах семей (в т. ч. имеющих несовершеннолетних детей), относящихся к категории бедных; Сохранение значительного количества семей нуждающихся в улучшении жилищных условий (в 2006 г. в Санкт-Петербурге на учете на получение жилья состояло 380,4 тыс. семей, что составляло 20,9% всех семей города; за год его получили 6,6 тыс. семей, или только 1,5% от состоящих на учете); Сохранение высокого удельного веса малодетных семей (доля однодетных семей достигает 31% от общего числа семей, с двумя детьми -21,4%, а многодетные семьи — 5,3%); Сохранение значительного числа неполных семей (сегодня в России их 5,2 млн., из них 98% составляют семьи, состоящие из матери и одного ребенка); Уве-

личение численности социально незащищенной, уязвимой группы детей, в первую очередь, детей из бедных семей; Снижение воспитательного потенциала семьи (более 4 млн. детей не посещают школы; 70% подростков, употребляющих наркотики, проживают в неблагополучных семьях); Распространение, физического, сексуального, психологического насилия в семьях (более 50 тыс. детей ежегодно убегают из своих семей; в семьях совершается около 30% умышленных убийств; ежегодно около 2 млн. детей жестоко избиваются родителями, а 2 тыс. детей заканчивают жизнь самоубийством); Широкое вовлечение детей и подростков нежелательные для их воспитания формы труда. По экспертным оценкам только в 2006 г. общая численность работающих детей до 13 лет составляла в городе 40–50 тыс. чел., 2/3 из которых жили в семьях, учились в школе и работали лишь в свободное от учебы время. В то же время от 10 до 16 тыс. человек хотя, и не утратили связей с семьей или воспитательным учреждением окончательно, но проводили на улице основное время («уличные дети»).

Объективному риску социальной уязвимости подвержены, а, следовательно, нуждаются в материальной поддержке государства, особых льготах и услугах семьи одиноких матерей. Специфические трудности испытывают семьи военнослужащих срочной службы с детьми (около 40 тыс. семей в РФ); семьи, в которых один из родителей уклоняется от уплаты алиментов (800 тыс. семей); семьи с детьми инвалидами; семьи с родителями инвалидами; семьи, взявшие детей под опеку или попечительство (около 200 тыс. семей); многодетные семьи. Как правило, в трудных материальных условиях находятся семьи с малолетними детьми (в возрасте до трех лет) — таких семей в России около 6 миллионов. В особом положении находятся студенческие семьи с детьми: в большинстве случаев они фактически являются иждивенцами родителей.

Помимо этого, к семьям, нуждающимся в особой поддержке государства, должны быть отнесены семьи беженцев и вынужденных переселенцев. По состоянию на 01 января 2006 г., на учете в Управлении по делам миграции ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области состояло 588 детей из семей вынужденных переселенцев, из которых в семьях с одиноким родителем воспитывалось 20 детей, в многодетных семьях — 95 детей.

Особый разряд семей составляют девиантные или кризисные семьи. Это семьи алкоголиков, наркоманов, правонарушителей и др. По данным МВД России, на учете в органах милиции находятся свыше 620 тыс. подростков-правонарушителей и 113 тыс. родителей, отрицательно влияющих на поведение детей. В 30% неблагополучных семей систематически злоупотребляют спиртными напитками; в 40% устраивают скандалы, ведут антиобщественный образ жизни.

Можно утверждать, что состояние общественной средой является первопричиной ослабления социальной роли семьи в формировании демографической политики государства.

Действующая система социальных трансфертов для семей не в состоянии компенсировать неуклонно растущие расходы на детей.

Острой проблемой стала доступность дошкольного воспитания и образования в первую очередь из-за невозможности для многих родителей оплачивать воспитание и уход за ребенком, содержание детей в детских садах, отвечающих современным требованиям. Все это не позволяет обеспечивать равные стартовые возможности для детей в школе, деформирует весь процесс социализации молодого поколения.

Состояние общественной среды, по моему мнению, становится и основанием социально-психологических ориентиров насе-

ления в формировании демографической политики. Среди них выделяются следующие:

Фактическое разрушение складывавшейся десятилетиями системы морально-нравственных ценностей населения (в том числе межличностных, семейных, трудовых и др.), накладывающееся на «новые» ценности, насаждаемые СМИ (преимущественно импортированные из протестантизма), и на известную инерционность общественного сознания. При этом, последняя в значительной степени обусловлена наличием в настоящее время в обществе поколений, сформировавшихся в принципиально различных условиях и имеющих абсолютно разный социальный опыт.

Отсутствие «уверенности в завтрашнем дне»: ощущения социально-экономической нестабильности (в первую очередь в части занятости и получения доходов от нее, а также размытости реальных перспектив создания семьи, рождения, воспитания и последующего жизненного устройства собственных детей).

Утрата населением некогда прочной опоры на государство, выполнявшее по отношению к своим гражданам (в т. ч. семье) четкие патерналистские функции (включая социальный контроль). Постепенное осознание семьей собственной ответственности за свое существование и развитие с вытекающими отсюда проблемами в плане социальной защищенности, пенсионного обеспечения и ряда других.

Обострение в принципиально новых социально-экономических условиях традиционной проблемы женского населения в части сочетания занятости в сфере общественного труда с выполнением семейных функций по ведению домашнего хозяйства, рождению и воспитанию детей.

Смена социально-экономической и социально-психологической ситуации повлияла на мужское население, по своей природе ответственное за созданную семью (расширение спектра стрессовых факторов, нередко приводящих к смертельным исходам мужчин трудоспособного возраста).

Увеличение частоты и вариативности социально-психологических «протестов» против сложившейся в обществе социальной ситуации (через приобщение к различным видам асоциального и антисоциального поведения — алкоголизм, наркомания, уход из дома, бродяжничество, попрошайничество, многообразные виды и формы экстремизма, включая молодежный).

Изменение стереотипов поведения населения, попавшего за черту бедности: переход к режиму максимальной экономии; ухудшение качества и уровня жизни через изменение структуры и калорийности питания; безальтернативное «прятие» плохих жилищных условий; многократное снижение стандартов потребления непродовольственных товаров и услуг (включая образование, здравоохранение, культуру и искусство), а также некачественных продуктов питания, дешевых лекарств.

Ослабление воспитательной функции семьи, государства и общества в формировании позитивных морально-нравственных и социально-психологических установок и ориентиров, как всего населения, так и молодого поколения, в частности (в первую очередь, в лице института образования и СМИ).

Существенные изменения претерпели добрачные и семейно-брачные ценности: их формирование и способы реализации.

Снижение потребности вступления в брак и реализации этого желания.

Если в недавнем прошлом (до 90-х годов прошлого столетия) вступление в брак рассматривалось как естественное и нормальное событие в жизни каждого человека, то сегодня та-

кой предопределенности нет. Некогда общепринятые однозначные социально одобряемые матримониальные установки в общении представителей противоположных полов зачастую стали заменяться на эмоциональные связи, сексуальное удовлетворение, творческое сотрудничество и пр.

Переход к европейскому типу брачности, для которого характерен более высокий средний возраст вступающих в брак, что в значительной мере обуславливает и возросшие ожидания и притязания будущих брачных партнеров друг к другу и ко всей семейной жизни в целом.

Изменение и уменьшение влияния родителей на выбор брачного партнера, на все добрачное поведение молодых людей.

Снижение возрастного барьера начала половой жизни среди большей части молодежи; половая жизнь у юношей и девушек не только перестала однозначно связываться с семейной, но и не всегда стала соотноситься с этапами физиологического и психоэмоционального созревания (становления, формирования).

Ослабление внутрисемейных эмоциональных связей, являющихся одной из важнейших причин раннего начала половой жизни подростков, как способа замещения нарушенных (или отсутствующих) эмоционально-психологических семейных отношений, коммуникаций.

Среди социально-психологических ориентиров населения в формировании демографической политики достаточно явно прослеживается их «брачное поведение»: сохранение в подавляющем большинстве семей патерналистского восприятия роли государства в поддержании их жизнедеятельности объективно связанное с политикой государства в области доходов граждан; сокращение частоты зарегистрированных браков (брачности населения), которые при этом не замещаются незарегистрированными; отход от традиционной мо-

дели брачности, широкое распространение незарегистрированных сожительства (гражданских браков), становящихся социальной нормой; рост числа детей, родившихся вне брака; возрастание социальной приемлемости однополых браков (в том числе и с детьми); установки большинства населения на малодетные (одно- и двухдетные) или бездетные семьи; рост социального сиротства, беспризорности и безнадзорности; отложение рождения первого ребенка; отсутствие твердых установок на безразводный брак, упрощенные взгляды на возможность развода; «облегченное» отношение к ответственности за рождение и воспитание здоровых детей; сокращение времени, затрачиваемого родителями на воспитание детей в семьях (до 10–15 минут в сутки); разрушение межпоколенных семейных связей; наличие значительного числа одиноких стариков при живых детях.

Общественную среду формирования демографической политики целесообразно характеризовать не только теоретическими построениями, но и по количественным показателям. С этой целью выберу достаточно репрезентативный субъект Российской Федерации — Санкт-Петербург и постараюсь раскрыть социальную составляющую его общественной среды. Так, в этом субъекте федерации представлена следующая структура населения (% , % / тыс. чел.):

ПОЛ		
мужчины	46 %	1570
женщины	54%	1880
ВОЗРАСТ		
16–19 лет	8%	280
20–24 года	8%	290
25–34 года	18%	610
35–44 года	17%	600

45–54 года	20%	680
55–64 года	11%	390
65 лет и старше	17%	600
ОБРАЗОВАНИЕ		
начальное / н. среднее	6%	190
среднее общее	13%	450
среднее спец. / технич.	33%	1150
высшее / неоконч. высшее	48%	1660
ЗАНЯТОСТЬ		
работающие	54%	1850
работают и учатся	2%	75
работающие пенсионеры	6%	200
учащиеся / студенты	10%	350
на пенсии	21%	740
безработные	2%	65
Домохозяйки	5%	170

В структуре населения достаточно представлена «детская группа»:

	Весь СПб	СПб без пригородов	пригороды
	жителей, тысяч человек		
ВСЕГО	4660–4700	4050–4100	610–620
15 лет и младше	680–710	600–620	80–90
дети до 7 лет	255–265	225–230	30–35
дети 7–15 лет	425–445	375–390	50–55
16 лет и старше	3950–3980	3440–3460	520–530
	семей, тысяч		
ВСЕГО	1550–1570	1340–1370	200–210
семьи с детьми	450–460	390–400	60–65
с детьми до 7 лет	210–215	180–185	26–30

	Весь СПб	СПб без пригородов	пригороды
	жителей, тысяч человек		
с детьми 7–15 лет	270–280	235–245	34–38

Поло-возрастная группа населения выглядит следующим образом:

ВОЗРАСТ	Мужчины	Женщины
16–34 года	600 тыс. чел.	580 тыс. чел.
35–54 года	590 тыс. чел.	690 тыс. чел.
55 лет и старше	380 тыс. чел.	610 тыс. чел.

Основные профессиональные группы населения, классифицированные как:

— технический персонал — профессии, требующие среднего специального образования: медсестра, секретарь, технологи, контролеры ОТК и т. п.;

— специалисты-техники — профессии, предполагающие наличие высшего технического образования — инженерно-технические работники, программисты, химики, физики, кибернетики и т. п.;

— специалисты-гуманитарии — профессии, предполагающие наличие высшего специализированного образования — учителя, врачи, экономисты, социологи, юристы, архитекторы, филологи и т. п.;

— руководители высшего звена — директора предприятий, заместители директоров, если функция управления является основной в их деятельности;

— руководители среднего звена — руководители подразделений, структурных групп, главные бухгалтера представлены следующим образом:

ОСНОВНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ		
рабочие	11 %	390
технический персонал	9%	310
специалисты-техники	10 %	355
специалисты-гуманитарии	10 %	330
лица творческих профессий	2 %	80
сфера обслуж. / торговля	8%	365
военные / МВД / охрана	2 %	70
руководит. высшего звена	2 %	75
руководит. среднего звена	4 %	140
другие	3%	110

С позиции возраста, образования, занятости, профессионального статуса распределение среди мужчин и женщин следующее:

ВОЗРАСТ	Мужчин	Женщин
16–19 лет	54%	46%
20–24 года	54%	46%
25–34 года	46%	54%
35–44 года	48%	52%
45–54 года	45 %	55 %
55–64 года	39%	61 %
65 и старше	36%	64%
ОБРАЗОВАНИЕ	Мужчин	Женщин
среднее спец. / технич.	43%	57 %
высшее / неоконч. высшее	47 %	53%
ЗАНЯТОСТЬ	Мужчин	Женщин
работающие	52 %	48%
учащиеся / студенты	54%	46%
на пенсии	32 %	68%
безработные	73%	27 %
домохозяйки	-	100 %

ПРОФ. СТАТУС	Мужчин	Женщин
рабочие	79%	21%
технический персонал	29%	71%
специалисты-техники	64%	36%
специалисты-гуманитарии	25%	75%
сфера обслуж. / торговля	34%	66%
военные / МВД / охрана	82%	18%
руководит. высшего звена	73%	27%
руководит. среднего звена	59%	41%

Доля возрастных групп населения следующая:

ПОЛ	16–34 года	35–54 года	55 лет и старше
мужчины	38%	38%	24%
женщины	31%	37%	32%
ОБРАЗОВАНИЕ	16–34	35–54	55 +
среднее спец. / технич.	26%	48%	26%
высшее / неоконч. высшее	36%	38%	26%
ЗАНЯТОСТЬ	16–34	35–54	55 +
работающие	34%	60%	6%
учащиеся / студенты	99%	1%	-
на пенсии	-	8%	92%
безработные	51%	43%	6%
домохозяйки	57%	42%	1%
ПРОФ. СТАТУС	16–34	35–54	55 +
рабочие	27%	57%	16%
технический персонал	32%	57%	11%
специалисты-техники	33%	51%	16%
специалисты-гуманитарии	31%	53%	16%
сфера обслуж. / торговля	39%	56%	5%
военные / МВД / охрана	48%	36%	16%
руководит. высшего звена	26%	59%	15%
руководит. среднего звена	29%	60%	11%

В структуре населения города представлены группы с различным уровнем образования:

	начальн., неполное высшее	среднее общее	среднее спец./тех.	высшее, не- зак. высшее
мужчины	5%	13%	32%	50%
женщины	6%	12%	33%	47%
ВОЗРАСТ	начальн.	среднее	спец./тех.	высшее
16–24 года	14%	28%	24%	34%
25–34 года	1%	7%	34%	58%
35–44 года	1%	6%	43%	50%
45–54 года	1%	11%	43%	45%
55–64 года	3%	15%	36%	46%
65 и старше	14%	14%	28%	44%
ВОЗРАСТ	начальн.	среднее	спец./тех.	высшее
Муж. до 35 лет	8%	19%	27%	46%
Муж. 35–54 года	1%	9%	41%	49%
Муж. 55 и старше	7%	11%	26%	56%
Жен. до 35 лет	5%	14%	24%	54%
Жен. 35–54 года	1%	8%	45%	46%
Жен. 55 и старше	12%	16%	34%	38%
ЗАНЯТОСТЬ	начальн.	среднее	спец./тех.	высшее
работающие	1%	7%	39%	53%
работают и учатся	2%	26%	8%	64%
работающие пенсионеры	3%	10%	26%	61%
учащиеся / студенты	21%	33%	3%	43%
на пенсии	12%	17%	34%	37%
безработные	-	-21%	48%	31%
домохозяйки	-	10%	45%	45%
ПРОФ. СТАТУС	начальн.	среднее	спец./тех.	высшее
рабочие	3%	22%	65%	10%
технический персонал	1%	11%	66%	22%
специалисты-техники	1%	1%	18%	80%
специалисты-гуманитарии	-	-	8%	92%

	начальн., неполное высшее	среднее общее	среднее спец./тех.	высшее, не- зак. высшее
сфера обслуж. / торговля	-	10%	46%	44%
военные / МВД / охрана	1%	6%	41%	52%
руководит. высшего звена	-	-	6%	94%
руководит. среднего звена	1%	3%	19%	77%

Каждая из представленных групп населения города обладает определенным уровнем благосостояния, показатель которого рассчитывается как отношение среднего формального уровня благосостояния представителей группы к среднему уровню благосостояния населения города:

мужчины	106%
женщины	95%
ВОЗРАСТ	
16–24 года	111%
25–34 года	119%
35–44 года	117%
45–54 года	96%
55–64 года	81%
65 и старше	69%
ПОЛО-ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ	
Мужчины до 35 лет	116%
Мужчины. от 35 до 54 лет	113%
Мужчины 55 и старше	81%
Женщины. до 35 лет	115%
Женщины от 35 до 54 лет	100%
Женщины 55 и старше	69%

ОБРАЗОВАНИЕ	
среднее спец. / технич.	90 %
высшее / неоконч. высшее	111 %
ЗАНЯТОСТЬ 114 %	
работающие	135 %
работают и учатся	99 %
работающие пенсионеры	103 %
учащиеся / студенты	62 %
на пенсии	67 %
безработные	101 %
домохозяйки	
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС 105 %	
рабочие	105 %
технический персонал	99 %
специалисты-техники	114 %
специалисты-гуманитарии	115 %
сфера обслуж. / торговля	114 %
военные / МВД / охрана	105 %
руководит. высшего звена	161 %
руководит. среднего звена	134 %

Не менее важно отметить, что средний душевой доход жителя города за период с 2001 по 2007 год возрос в 3,14 раза в то время как коммунальные платежи возросли в 16 раз.

Уровень занятости представителей половозрастных групп по признакам: работают, учатся, на пенсии, без работы, домохозяйки представлен так:

%%	работают	учатся	на пенсии	без работы	домохозяйки

мужчины	70	12	15	3	-
женщины	55	8	27	1	9
16–19	14	85	-	1	-
20–24	56	34	-	2	7
25–34	81	1	-	5	13
35–44	90	-	6	3	5
45–54	86	-	6	3	5
55–65	51	-	48	1	-
65 и старше	16	-	83	-	-
Муж. до 35 лет	63	32	-	4	-
Муж. 35–54 года	92	-	4	4	-
Муж. 55 и старше	44	-	54	1	-
Жен. до 35 лет	56	25	-	2	17
Жен. 35–54 года	85	-	3	1	10
Жен. 55 и старше	20	-	79	-	1

В контексте демографической политики особая роль принадлежит занятости женщин, которые по своему интеллектуальному и физическому потенциалу ни в чем не уступают мужчинам. Однако, на традиционном трудовом рынке женщинам достаются наименее престижные и наименее высокооплачиваемые места. Это связано не с низким образовательным статусом — в России 70% людей с высшим образованием женщины.

Причина — двойной стандарт в области социализации; воспитывая мальчика, общество ориентирует его на карьеру, воспитывая девочку, ориентирует ее на удачное замужество. Оно поощряет независимое, уверенное, ориентированное на достижение целей поведение у мальчиков, и заботу об окружающих, как основную социальную планку у девочек. В результате женщины оказываются менее конкурентоспособны в трудовых отношениях.

Права и возможности женщин на рынке труда часто ниже не только реально, но и официально. Дискриминация женщин в трудовых отношениях имеет следующие наиболее типичные формы проявления:

- особая сложность найти работу по специальности;
- неконкурентоспособность при найме на конкретные работы при равных данных с претендентами мужского пола;
- меньшие шансы получить определенное образование, в том числе в области администрирования и предпринимательства (факт — относительно низкий процент «женщин-шефов» и «женщин-бизнесменов», за исключением представительниц богатых семей — владельцев капитала);
- трудности в должностном продвижении;
- увольнение в первую очередь;
- больший по сравнению с мужчинами период безработицы;
- оговорки пола в публикациях объявлений о наличии вакантных мест;
- предложение работы на условиях явно заниженной оплаты труда.

Современные статистические данные и социологические исследования подтверждают проблемность женской занятости не только в нашей, но и в других странах, в которых равенство прав защищается законодательством и Конституцией. Дискриминация сохраняется при этом вопреки решениям и контролю официальных учреждений. Например, принимается реабилитационное решение по трудовым отношениям на уровне государственных инстанций и профсоюзов, а работодатели договариваются данное решение не выполнять, при этом они идейно выражают и защищают свои решения. Дискриминация женщин в трудовых отношениях постоянно пересматривается и обсуждается, формируются и пропагандируются различного рода мотивировки. Среди них можно выделить такие, как:

- женщины являются менее эффективной рабочей силой;
- женщины более прихотливы, поскольку предрасположены не ко всем видам труда;
- в обществе действуют законы конкуренции; естественно, что мужчины в этой конкуренции оказываются сильнее именно в социальном плане;
- естественный удел женщин — семья, дом, воспитание, организация культуры и досуга, а не карьера и тяжелый профессиональный труд;
- именно мужчина должен зарабатывать средства и содержать семью; в противном случае подрывается естественный статус мужчины как главы семьи и тем самым разрушается сама семья.

Факты женской дискриминации в трудовых отношениях и их оправдательная пропаганда могут отрицательно повлиять на социальное самочувствие женщины, в скрытой форме породить межполовую социальную конфликтность.

Дискриминация женщин в сфере труда и занятости имеет свои последствия. Классификацию последствий социальной дискриминации женщин в сфере труда и занятости можно провести по ряду критериев:

- по времени возникновения: последствия отдаленные и непосредственные. Среди отдаленных — ухудшение положения женщин в обществе, снижение их социального статуса, «вымывание» женщин из сферы управления и властных институтов, медленное развитие женского предпринимательства, усиление женской агрессивности, девиантное поведение женщин. Непосредственные — унижение достоинства женщин, психологические стрессы, неполная занятость, усиление экономической зависимости от мужа, ограничение самореализации и т. д.;
- по сферам проявления: дискриминация производственная и бытовая;

— по связи с социальными целями: прямые и косвенные; негативные и позитивные. Среди последних отмечу создание женских движений, неправительственных организаций по борьбе с дискриминацией и насилием россиянок.

Как относятся сами женщины к межполовой проблеме занятости?

Согласно некоторым результатам исследований подавляющая часть женщин не желает выполнять роль «профессиональной домохозяйки, воспитателя в семье» и нигде не работать. Особенно категорическую позицию занимают те, кто имеет высокий уровень образования. В то же время среди женщин оказывается довольно популярной идея неполного рабочего дня, недели, гибкого графика работы, эпизодической высокооплачиваемой работы. Проблема женской занятости часто связывается с проблемой детских дошкольных учреждений. Многие скептически относятся к этому институту, воспитание в семье признают более полноценным; тем не менее, данное обстоятельство не рассматривается как веский повод к тому, чтобы не работать. Обращается внимание и на проблему качества жизни. Если бы жизнь была более обеспеченной, проще решались проблемы быта, то работа была бы более привлекательной для женщины, приемлемой для нее.

Опросы свидетельствуют и о том, что большинство мужчин также одобряют занятость женщин и хотели бы видеть своих жен работающими.

Исследователи обратили внимание на следующие наиболее типичные мотивы, по которым женщины предпочитают трудовой образ жизни:

— хотят иметь собственные средства и экономически не зависеть от мужа;

— стремятся к «обществу», не могут удовлетвориться общением в семье;

— имеют свои собственные деловые и профессиональные амбиции и хотят их реализовать в работе;

— считают, что вынуждены работать, поскольку заработная плата одного человека не может обеспечить нормальный уровень жизни семьи.

Реальное социальное положение женщин с точки зрения занятости всегда сложно, противоречиво, переживается как большая или меньшая проблемность. Типичны следующие ассоциации в самосознании и общественном мнении: не работающая и полностью занятая бытом и семьей женщина — «домработница»; много работающая и мало занятая бытом и семьей — «карьеристка»; много работающая и много занимающаяся бытом и семьей — «бедная труженица». Особая категория женщин — это матери-одиночки, так называемые главы неполных семей. Для данной категории женщин занятость жизненно необходима, в то же время именно она создает работодателю множество неудобств, поскольку является неэффективной рабочей силой.

Болезненность проблемы женской занятости усугубляется тем, что она связывается с естественной потребностью женщины в деторождении. Женщины, имеющие нескольких детей, иногда воспринимаются работодателем как «не соответствующие» с точки зрения качества рабочей силы. В некоторых случаях любая женщина, способная стать матерью, может быть «заподозрена» работодателем и вызвать скептическое отношение к себе как работнику. Известно немало случаев, когда при найме на работу отбирается женщина, не имеющая детей, или условием приема на работу является обязательство не иметь детей в будущем.

Межполовое неравенство в трудовых отношениях имеет и скрытые формы. Например, фактически женщины имеют рабочие места, но при этом выполняют наименее престижные, тяжелые, низкооплачиваемые и вредные работы.

Согласно данным и социологов и экономистов, а так-же моим профессиональным наблюдением (многолетний опыт подбора персонала в различные коммерческие структуры Северо-Запада) в сфере тяжелого, вредного, низкооплачиваемого труда занято приблизительно в 2 раза больше женщин, чем мужчин. Отстает число женщин по сравнению с числом мужчин и в тех профессиях и занятиях, которые занимают верхние рейтинговые позиции в пирамиде престижности.

На межполовые различия в трудовых отношениях занятости оказывает влияние и фактор так называемого межполового разделения труда, т. е. установившегося во времени и возведенного в традицию закрепления отдельных видов труда за разными половыми группами. Объясняется такое разделение принципами профессиональной пригодности, совместимости и способностей. И сегодня можно точно назвать виды труда, его сферы и участки, на которых заняты либо преимущественно мужчины, либо преимущественно женщины. Например, женщины заняты преимущественно в сфере здравоохранения (94%), обслуживания (91%), образования (88%), торговли (79%), а мужчины — в области управления (59%), в сфере транспорта и связи (64%), промышленности (87%).

Однако межполовое разделение труда неустойчиво, нестабильно. Круг исключительно женских отраслей труда и профессий, на которые мужчины не могут и не станут претендовать, достаточно ограничен. Это обстоятельство позволяет работодателю проводить особенно жесткий отбор женщин-работниц. Кроме того, в условиях общего обострения безработицы после определенного периода адаптации и переоценки ценностей начинается активное наступление мужчин на рабочие места, которые ранее занимали женщины.

Женская занятость подвержена влиянию социально-экономической ситуации в стране. Это ее значительный социальный недостаток. С улучшением ситуации занятость женщин повышается, а с ухудшением — падает. Поэтому женщины относительно чаще подвержены такого рода нестабильности, как неожиданный перерыв в трудовой карьере, смена профессии или занятия, колебание личного бюджета и т. д.

Проблема женской занятости всегда рассматривалась с точки зрения перспектив облегчения домашнего труда. И сегодня остаются актуальными многие не решенные в этом плане задачи — изменение традиционных половых ролей в семье, усовершенствование инфраструктуры быта и структуры свободного времени, социализация, автоматизация домашней работы.

Говоря о роли женщины в общественной среде необходимо отметить и ее роль в структуре семейных отношений.

Семья является основной структурной единицей человеческого общества. Женщина, создавая семью, рассчитывает, прежде всего, на рождение и всестороннее, полноценное воспитание детей. Женщину, наряду с личным здоровьем, материальным достатком, карьерой, друзьями, интимной жизнью, интересуют семейное благополучие и достижения детей. Более того, в условиях рыночной экономики личная ответственность родителей за воспитание, обучение, материальное обеспечение детей неизмеримо возрастает. Родителям приходится решать значительное количество семейных (в т. ч. детских) проблем самостоятельно на основе заложенного собственными руками экономического семейного базиса. На первый план выступает проблема жилищных условий, материального положения. В сочетании с устойчивым психологическим микроклиматом в семье все это должно позволить не только отдохнуть в семье после работы, но и восстановить затраченную энергию, выполнить чисто семейные обязанно-

сти. И здесь необходимо выделить несколько особенностей положения женщины в структуре семейных отношений.

Особенность 1. Необходимости тратить на семью время и силы стимулирует женщин заниматься трудовой деятельностью без повышения интенсивности труда, роста производительности труда, оставаясь пассивной участницей производственного процесса. Такая работа, как правило, является низкооплачиваемой, но соответствует выполняемой женщиной в семье социальной ролевой функции. При недостаточной материальной обеспеченности семьи, как правило, не выполняются семейные обязанности, поскольку большее количество времени приходится тратить на поиск работы или саму работу с целью получения дополнительных средств.

Все это сказывается на уходе за детьми, их обучении, воспитании, создает психологический дискомфорт в семье, дисгармонию супружеских отношений.

Особенность 2. Начальный период становления рыночных отношений в России еще не преобразил коренным образом семейные функции, но изменение социального строя, несомненно, отражается на образе жизни семьи, ее функциях, ролях отдельных членов, правах, обязанностях, межличностных взаимоотношениях. Семья в России до сих пор продолжает оставаться патриархальной, с мужским доминированием. В мире отмечается стремление к независимости взрослых членов семьи; возрастание числа взрослых детей, проживающих отдельно от родителей (в том числе и одинокие дети). Получают все большее распространение «нуклеарные» семьи (состоящие из одного человека). Существенный рост разводов и распадение незарегистрированных браков привели к увеличению числа малых домохозяйств. В большинстве развитых стран возникают новые типы семьи — с одним родителем, «реконструированные» семьи (в результате

повторного брака). Меняется структура, меняются функции семьи.

Особенность 3. Различия в отношении к семье и работе формируют три типа женщин:

- 1) Одинаковая ориентация на семью и работу;
- 2) Приоритетная ориентация на семью.
- 3) Женщины, ориентированные на работу.

Но работа для большинства женщин нечто большее, чем средство достижения материального благополучия. Например, безработица (впрочем, это касается не только женщины), может привести к разладу в семье, быть причиной жесткого обращения в семье, с детьми, детского травматизма и смертности, разводов, конфликтов с родственниками, мужем, детьми.

Женщины, устойчиво ориентированные на работу, достигают желаемого результата в деловом мире, профессиональном образовании, карьере за счет эгалитарной основы в семейных отношениях или вообще не создавая сознательно семьи, не имея детей и т. п.

Особо стоит обратить внимание на изменение жизненных приоритетов у молодежи, когда наблюдается безусловное превалирование прагматических материальных и нравственных идеалов над социальными и политическим. Изменение идеалов молодежи в сочетании с трансформацией семейных функций позволяет высказать предположение о дальнейшем возрастании значимости работы в жизненных ориентирах женщин.

Особенность 4. Российская семья, как уже отмечалось, носит патриархальный характер, сохраняя доминирование мужчин. Сложившееся положение приводит к недооценке женских проблем, либо наоборот, позволяет спекулировать на трудностях женской доли. Среди реальных последствий патриархаль-

ного характера семьи — появление социальных деформаций (женское безволие, подчиненность, зависимость, мужская грубость, безразличие, жесткость).

Мужчина и женщина выполняют в семье определенную социальную роль, причем далеко не одинаковую. Женщина заботится о домашнем хозяйстве, семье, детях. Забота проявляется как непосредственно в ведении домашнего хозяйства, так и в уходе, обучении, воспитании детей. Мужчина, как правило, занимается активными поисками работы, либо все основное время проводит на работе, обеспечивая семейное материальное благополучие. Что касается равного ролевого функционирования в семье, то проблемы вытекают из поведения мужчин:

— современный мужчина не хочет выполнять семейные обязанности наравне с женщиной;

— современный мужчина не готов (морально, психологически, материально) взять на себя равную долю в решении семейных проблем.

Особенность 5. Особо подчеркнута неготовность и женщины к передаче части своих функций мужчине, так как она находится также во власти традиций, господствующих нравов, социальной идеологии, стереотипов. Традиционная социальная роль женщины в семье приводит к ее перегрузке семейными проблемами и ограничению интересов за пределами семьи, в том числе это касается работы и социальных контактов. При беременности, родах, уходе за малолетними детьми такие интересы могут совершенно пропадать на длительный период. Как следствие — резкое ограничение социальных контактов или полная изоляция и деквалификация женщины. При потере интереса к работе со стороны женщины круг изоляции замыкается. Для работодателя семейная женщина (а особенно имеющая детей) становится абсолютно нежеланным кандидатом на вакантную должность.

Особенность 6. Основная проблема при изучении ролевых функций мужчины и женщины в семье заключается в традиционной ассоциации с семьей только женщины. Налицо ролевые различия по признаку пола. У истоков этих различий — обособленность «мужских» и «женских» профессий, обучение «женским» и «мужским» специальностям в школе, существование общественной идеологии и морали по отношению к женщине, подчеркивание специфики функций материнства, неодобрение различных форм эмансипации, государственные ошибки (квоты правительства в общественно-политической жизни: стимулирование воспитания детей в семье и свертывание государственной системы дошкольного образования). Бытовой фактор становится серьезным препятствием на пути успешной адаптации женщины на работе, в том числе — и в предпринимательстве. Среди последствий его воздействия — незащищенность женщины, ее социальная изоляция/деморализация, психологическая неустойчивость. Проблему усугубляют значительные потери свободного времени из-за неустроенности быта, недостаточной развитости сферы услуг. Все услуги практически приобрели платный характер; многие прачечные, химчистки, мастерские, ателье, магазины, кулинарии закрыты, перепрофилированы, а недостаточный уровень оплаты труда не позволяет многим женщинам вообще пользоваться предприятиями сферы обслуживания. Таким образом, совокупный рабочий день женщины может значительно превышать рабочий день мужчины.

Особенность 7. Современное производство исторически сложилось, ориентируясь на мужскую часть населения страны. В результате многие женщины сталкиваются со специфическими проблемами адаптации на производстве в силу своей половой принадлежности. Для женщины характерна низкая профессиональная мобильность, дискриминация по половому признаку при приеме на работу и оплате труда, продвижении

по службе. Как следствие — вытеснение женщины на менее престижные и социально значимые рабочие места. Например, современный деловой мир преимущественно ориентирован на мужскую занятость.

Такая ориентация прослеживается очень четко даже при анализе профессиональной терминологии, когда общеупотребительными являются слова мужского рода «предприниматель», «бизнесмен» — так переплелись старые и новые проблемы, касающиеся вечного «женского вопроса».

В настоящее время многие женщины до сих пор заняты физическим трудом, а уровень их квалификации ниже, чем у мужчин. Даже в феминизированных отраслях женщины по традиции отстранены от управления, а их профессиональная карьера осуществляется индивидуально, изолированно, превращением мужчины в пассивного наблюдателя со стороны, не анализируя, не давая объективной оценки. При профессиональной неудаче женщины ее место наверняка займет кандидат противоположного пола.

В вопросах организации и регулирования женской занятости важно помнить, что женщина не плохой, а другой работник по сравнению с мужчиной. Знание этих особенностей необходимо не только самой женщине, но и обществу в целом, государству, мужчинам-коллегам по работе.

Благодаря интенсивным социально-экономическим и политическим преобразованиям в России свое законное оформление получили новые экономические структуры и зародился новый слой предпринимателей. Небольшую его часть составляют женщины по моим исследованиям около 20%, но масштабы их участия в бизнесе нарастают. Таким образом, одним из путей решения женской безработицы является привлечение их в малый бизнес. Согласно общемировой тенденции, за малым бизнесом будущее в обеспечении занятости женщин.

Так, в 1998 году в России было зарегистрировано 900 тысяч малых предприятий. На них было занято 15 млн. человек. На долю малого бизнеса приходилось 12% ВВП. Согласно результатам обследования Госкомстата России, доля малых предприятий, созданных женщинами-предпринимателями, составляет 18%. Основными отраслевыми группами, в которых сконцентрированы почти 3/4 это 74% всех предприятий, принадлежащих женщинам, являются: торговля и общественное питание 50%, промышленность 16%, строительство 8%.

При рассмотрении общественной среды как условия формирования демографической политики государства заслуживает внимания проблема здоровья различных групп населения, например, занятых преимущественно физическим или умственным трудом, я хочу предложить читателю для рассмотрения следующую таблицу:

Виды заболеваний	Население, занятое преимущественно физическим трудом		Население, занятое преимущественно умственным трудом	
	Обычные показатели	Стандартизированные показатели	Обычные показатели	Стандартизированные показатели
1	2	3	4	5
Все болезни, в том числе	492,4	543,3	462,9	474,5
— новообразования: злокачественные доброкачественные	4,0 16,1	6,2 13,5	5,2 12,4	6,6 16,8
— неврозы	88,4	81,0	91,7	84,2
— болезни периферийной нервной системы	133,1	141,6	102,4	108,4
— гипертоническая болезнь (все формы)	55,2	75,5	71,4	76,8
— стенокардия и инфаркт миокарда	11,2	10,5	12,4	12,7

– болезни вен	32,6	37,3	29,4	32,8
– язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки	22,0	18,7	14,1	11,8
– желчнокаменная болезнь и холецистит	28,6	35,3	25,5	25,7

Среди населения, занятого преимущественно физическим трудом, заболеваемость, как правило, является более высокой. Чаще всего встречаются заболевания нервной системы, язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. В группе населения, занятого преимущественно умственным трудом наиболее распространены неврозы, гипертоническая болезнь, стенокардия, инфаркт миокарда, а также доброкачественные новообразования.

Общественную среду характеризует и инфраструктурная составляющая поселенческой общности. Это касается наличия объектов, обеспечивающих население продовольственными и промышленными товарами, медицинским обслуживанием, транспортным обслуживанием, бытовым обслуживанием, жилищно-коммунальным обслуживанием и т. п. В. К. Потемкин в середине 90-х годов отмечал резкое ухудшение состояния общественной среды по названным параметрам. В настоящее время ситуация значительно изменилась, но возникла проблема ценовой доступности в обеспечении населения различными видами услуг. Признак ухудшения ценовой доступности различного вида услуг отмечают в 2007 году 69,9% респондентов, представляющих Санкт-Петербург и Ленинградскую область.

Необходимо также отметить, что на формирование демографической политики оказывают существенное влияние и процессы урбанизации, содержанием которых является образ жизни, культура, расселение, размещение производительных сил, экология и т. п.

Наряду с положительными тенденциями процесс урбанизации имеет и целый ряд неблагоприятных факторов формирования демографической политики: отдаленность жилья от места работы, способствующая росту утомляемости жителей, загрязнение и разрушение окружающей среды, большая скученность населения, опасная при различного рода эпидемиях, ускоренный ритм жизни с отчетливо выраженной малоподвижностью населения, снижение удельного веса здорового населения, изменение образа жизни, в частности, отход от семейного очага и развитие развлекательно-познавательных индивидуальных коммуникаций.

Иными словами, в общественной среде: общественно-политической, культурно-коммуникативной, бытово-репродуктивной, предпринимательской изменяются поведенческие, мыслительно-эмоциональные и социально-психологические установки различных групп населения на формирование образа жизни, на процессы воспроизводства. Сам же процесс формирования демографической политики затрагивает факторы: личностные и внутриселенческие объективные: этническую принадлежность, социальную принадлежность, политическую принадлежность, семейную среду, образование, демографический статус (пол и возраст); субъективные: потребности и интересы, цели и устремления, мотивы и удовлетворенность, готовность к переменам и социальный опыт, а также неличностные и внеселенческие факторы, к которым относятся социально-экономические условия жизнедеятельности и жизнеспособности населения, социально-организационные условия проживания населения на определенной территории, социально-психологические установки в восприятии общественной среды, состояние экологии и т. д.

Социальная идентичность населения и его отношение к демографической политике государства

Социальная идентичность населения, как правило, связана с социальным статусом различных слоев, образом и качеством жизни и, во многом, зависит от материального положения в общественной среде. В последние годы, несмотря на то, что материальное положение значительной части населения стало улучшаться, государство, как подчеркивает Ф. Э. Шереги, «освободило» себя от многих социальных гарантий, имевших место в советский период. Как следствие, по мнению респондентов это примерно 55,6%, российское общество представляет собой парадигму, у основания которой самые бедные, а на вершине самые богатые; 31,9% респондентов полагают, что в российском обществе часть населения находится «внизу», часть — «вверху», и еще имеется небольшой промежуточный слой; 11,3% респондентов отмечают, что в российском обществе большинство людей находится в середине, при этом имеется немного бедных и немного богатых; 0,4% респондентов считают, что в российском обществе различия между положением людей незначительные. При этом существуют самые разные оценки восприятия населением своего общественного положения, что и подчеркивают в своих исследованиях ведущие ученые страны. Так И. Дискин отмечает, что в России «Базовые модели социально-экономической деятельности населения, несмотря на всю реформу, в типологическом смысле становятся все более европейскими, ориентированными на рациональный индивидуальный выбор». И. Клямкин и Т. Кутковец придерживаются несколько другого мнения, полагая что «вектор развития российского общества, вопреки рассмотренному мнению, явно направлен в сторону, противоположную традиционализ-

му». В. Федотова видит в происходящих в российском обществе процессах «архаизацию сознания и поведения людей».

Отмечу, что на снижение жизненной энергии и нарастающую апатию в среде различных слоев населения обращают и другие исследователи. Вообще россиянам в основной своей массе присуще стремление к пользованию благами, созданными современной цивилизацией, но при этом нет видимого стремления что-то менять или созидать, живя в своих рамках, ведя привычный образ жизни.

В свою очередь В. В. Петухов пишет «...произошедшие в стране перемены, хотя и существенно изменили социальную структуру общества, но не привели ни к появлению сильного массового многочисленного среднего класса, ни к повышению социальной и политической интеграции общества. Наоборот, общество распадается на сегменты, фрагментируется». Более критичен в оценках состояния российского общества Ю. Н. Афанасьев, который подчеркивает, что «давно пора признать тот факт, что мы бедная отсталая страна».

Можно полагать, что в настоящее время имеют место самые различные и, во многом, полярные оценки современного российского общества. Не менее важен и вопрос о социальной идентичности населения и его отношению к демографической политике государства, без осуществления которой, как мне представляется, все предыдущие оценки просто не имеют смысла.

В целях выяснения этого вопроса я избрал в качестве объекта исследования группу населения двух субъектов Российской Федерации — Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В качестве социальных индикаторов выбраны: пол, возраст, уровень образования, социальный статус, душевой доход, длительность проживания в регионе и самооценка качества жизни, проведенный анализ вылился в следующую таблицу:

**Самооценки различных групп населения
качества жизни**

		Самооценки качества жизни / уровень					доля группы в общем числе ре- спондентов
		нулевой уровень	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень		
1		2	3	4	5	6	
Пол	мужской	42,5%	53,0%	44,9%	42,9%	44,5%	
	женский	57,5%	47,0%	55,1%	57,1%	55,5%	
Возраст- группы	18–29 лет	15,4%	23,2%	32,1%	42,2%	23,1%	
	30–44 года	24,2%	31,8%	32,7%	34,0%	28,1%	
	45–59 лет	27,1%	29,1%	24,4%	17,7%	25,6%	
	60 лет и старше	33,35	15,9%	10,9%	6,1%	23,2%	
Уровень образо- вания	неполное среднее	4,8%				2,6%	
	среднее	64,1%	49,7%	42,3%	29,9%	53,5%	
	высшее или нез. высшее другое	15,4%	23,2	27,6%	29,9%	20,6%	
	высшее или нез. высшее гуманит.	15,8%	27,2%	30,1%	40,1%	23,3%	
Социаль- ный статус	рабочие	24,5%	20,5%	13,5%	10,2%	20,1%	
	служащие без высшего образ.	7,9%	9,9%	11,5%	7,5%	8,7%	
Социаль- ный статус	специалисты с высшим образ.	11,7%	27,8%	37,2%	36,7%	21,8%	
	руководители и инд. бизнес	1,8%	3,3%	5,1%	6,8%	3,3%	
	студенты	5,5%	9,9%	14,1%	18,4%	9,4%	
	пенсионеры	38,1%	19,9%	9,6%	8,2%	26,5%	
	домохозяйки	5,3%	2,6%	3,8%	3,4%	4,4%	
	прочие	5,1%	6,0%	5,1%	8,8%	5,8%	

		Самооценки качества жизни/уровень					
		нулевой уровень	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень	доля группы в общем числе ре- спондентов	
		1	2	3	4	5	6
Душевой доход группы	затруднились или отказались ответить	20,0%	21,3%	14,6%	21,4%	19,6%	
	до 2500 рублей	19,4%	7,3%	4,0%	2,1%	12,7%	
	до 3000 рублей	23,7%	24,0%	17,2%	11,7%	21,0%	
	до 4000 рублей	10,4%	11,3%	13,9%	9,0%	10,88%	
	до 6000 рублей	11,8%	14,0%	17,9%	13,8%	13,4%	
	до 9000 рублей	8,5%	9,3%	14,6%	20,7%	11,3%	
	10000 рублей и более	6,3%	12,7%	17,9%	21,4%	11,2%	
Длитель- ность прожива- ния	до 20 лет	10,3%	14,7%	17,9%	25,9%	14,4%	
	более 20 лет	36,6%	26,7%	30,1%	15,0%	30,9%	
	всю жизнь	53,1%	58,7%	51,9%	59,2%	54,7%	
Всего		54,6%	15,1%	15,6%	14,7%	100%	

Основная масса респондентов причисляет себя к среднему или низкому уровню качества жизни. Причем, лица в возрасте 30 и более лет имеют наибольшие показатели самооценки. Тоже касается лиц, имеющих среднее образование, то есть представителей малоквалифицированного труда.

Качество жизни населения, его рост, респонденты видят в усилении социальной функции государства, прежде всего, в гарантиях занятости, оплате за труд и т. п. Опору на собственные силы в обеспечении качества жизни своей семьи, без ожиданий в отношении государства, считают возможной только чуть более 50, % респондентов смотрите таблицу:

Оценка респондентами первоочередных социальных функций государства в росте качества жизни населения

Социальные функции государства	Согласны	Не согласны	Затруднились ответить	Итого
1	2	3	4	5
Государство должно обеспечить каждую семью минимумом доходов	86,0	6,5	7,5	100
Каждый человек должен сам заботиться о качестве жизни без опоры на государство	50,1	36,3	13,6	100
Государство должно обеспечить работой всех, кто в ней нуждается	44,0	26,0	30,0	100
Государство обязано обеспечить каждую семью достойным жильем	82,0	12,0	6,0	100
Государство должно создать комфортные условия для проживания и воспитания детей	63,0	34,0	3,0	100
Государство обязано развивать инфраструктуру	74,0	12,0	14,0	100
Государство должно стимулировать материально и морально рождение детей	91,0	6,0	3,0	100

В этом же контексте заслуживают внимание оценки представителями различных возрастных групп действий нынешней политической власти.

Оценка действий нынешней власти	Возрастные группы (лет)			
	20–23	24–35	35–50	старше 50
Нынешняя политическая власть действует на пользу народов России	15	17	19	18
Нынешняя политическая власть действует во вред интересам России	20	36	33	38
Трудно сказать	65	47	48	44

Более детализированы оценки действий нынешней власти и социальным реформам. Так, представители рабочих, крестьяне, инженерная интеллигенция не поддерживают содержание реформ (соответственно 45, 44 и 32%). Они же поддерживают реформы, так как другого пути не видят (29, 37, 36%). И соответственно 26, 20, 32% представителей этих социальных групп с оценками реформ не определились.

Изложенное позволяет сделать вполне определенный вывод о том, что в социальной идентификации населения имеют место иногда прямо противоположные оценки:

— опора на поддержку государства присутствует более чем у 40% населения;

— опора на собственные силы в обеспечении жизнеспособности семьи присуща около 60% респондентов;

— в качестве приоритетов определяют интересы личности и семьи более 70% респондентов;

— полагают, что в настоящее время нужно приспособляться к реальностям жизни, а не тратить силы на борьбу с ней 39% респондентов;

— демографическая политика ничего общего не имеет с единственным материальным стимулом (94,0%), а представляет собой комплекс экономических, социальных, духовных, нравственных и социокультурных мер.

По сути речь здесь может идти о качественно новой социальной мобильности населения и о стимулировании этой мобильности со стороны государства.

Исследуя процессы современной социальной мобильности различных социальных слоев населения в последние годы имеет место «новый конформизм», когда поколение активно участвующее в экономической жизни, в значительной степени смирилось с тем, что любая политическая деятельность бесполезна и наилучшей жизненной стратегией является организация в сво-

ем непосредственном окружении социальных, экономических ниш, в которых они ощущают себя более или менее комфортно. С этой точкой зрения я соглашаюсь лишь частично, так как в настоящее время в жизни общества появились новые черты, ранее не имевшие столь значительных влияний на формирование общественной среды и, соответственно, на демографическое состояние общества: преступность, проституция, наркомания, алкоголизм. По сути в разработке механизма формирования демографической политики необходимо учитывать признак социального здоровья населения. В. П. Казначеев подчеркивает «Здоровье индивида есть динамическое состояние, процесс сохранения и развития его биологических, физиологических и психических функций, оптимальной трудоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни». А с учетом имеющих место в общественном развитии различного рода девиаций, социальное здоровье, видимо, необходимо понимать как совокупность нормативных представлений о собственном социальном поведении, о нравственно-духовной, культурной, поведенческой ориентации и о социальных характеристиках окружающей среды. Самооценка социальных характеристик поведения дает в какой-то мере правильное представление о ценностной направленности и эмоционально-нравственном облике населения.

Возрастает также роль таких социально-психологических факторов, явлений, компонентов, как ценностные ориентации, направленность, мотивы, стимулы, установки, жизненные планы и приоритеты, социальные нормы и ожидания, межличностное общение, социально-психологический климат. Без учета перечисленных и других социально-психологических факторов как конструктивных детерминант общего социального самочувствия человека, его «экологии здоровья» невозможно понять общую потенциальную активность (психическую, физическую, интеллектуальную, трудовую, общественную) и его самооцен-

ку здоровья. Невозможно определить «объем» индивидуально-личностной автономии и дифференцировать ее от «объема» социальной зависимости от всего окружающего, в том числе и от общества,

Таким образом, «важной предпосылкой для сохранения и укрепления здоровья становится правильное понимание процессов, происходящих в повседневной жизни, и сознательное управление ими. Человек представляет собой единство социального и биологического, физического и духовного, мышления и чувств. Хорошее здоровье и работоспособность — результат активной адаптации». Особенно важно это положение в связи с тем, что суть складывающихся производственных отношений состоит в воспроизводстве потомства, которое практически невозможно без социального здоровья населения.

Чем же характеризуются ограничения социального здоровья населения?

Стремление людей к уходу от окружающей действительности, в том числе и с помощью психоактивных веществ, имеет ряд причин, которые, по определению Всемирной организации здравоохранения, можно свести к трем основным составляющим таким как:

— влияние семьи — плохое воспитание, неблагоприятный пример родителей, конфликтная ситуация в семье;

— личностные факторы — чувство тревоги, депрессия, эмоциональная нестабильность, снижение самооценки, отсутствие устремлений, ощущение незащищенности, чувство противоречия и враждебности, потеря самоконтроля;

— социокультурные факторы, например, принятые нормы поведения в референтных группах.

Результаты многочисленных исследований показывают наличие устойчивой тенденции к постоянному росту потребления алкогольных напитков, наркотиков, токсических веществ и одновременное снижение возраста приобщающейся к ним молодежи.

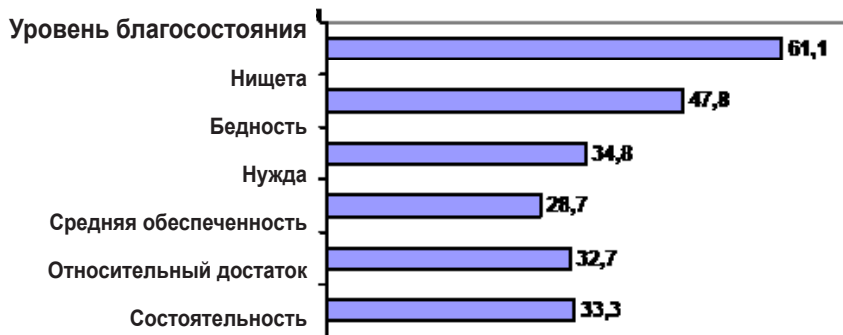
Проблема курения сама по себе не относится к сфере девиации, так как закон курить не запрещает. Однако курение таит в себе серьезные демографические проблемы: пагубно влияет на здоровье молодого поколения, ведет к онкологическим заболеваниям; может сказаться на будущем поколении, особенно если курит женщина; значительно усиливает риск приобщения молодежи к потреблению таких видов наркотиков, как «курево» (гашиш, марихуана, конопля).

Доля курящих среди молодежи 12–22 лет очень велика – 61,3% – примерно 6 миллионов 720 тысяч человек.

Среди юношей курят 68,6% , девушек – 53,9%.

Курят, согласно самооценкам опрошенных: часто – 31,7% , не очень часто – 23,5% , редко – 9,1% . Доля курящих часто среди юношей составляет 41,4% , среди девушек – 21,8% .

На частоту курения оказывает влияние благосостояние молодежи: дети из бедных семей курят чаще, чем из состоятельных:

Доля курящих часто среди молодежи, имеющей различный уровень благосостояния, %

Средний возраст приобщения к курению – 13 лет: у юношей – 12 лет 3 месяца, у девушек – 13 лет 9 месяцев. За прошедшие 10–11 лет средний возраст начинающих курить в крупных городах уменьшился на 1,9 лет.

Уже в 13 лет доля курящих очень велика – каждый второй

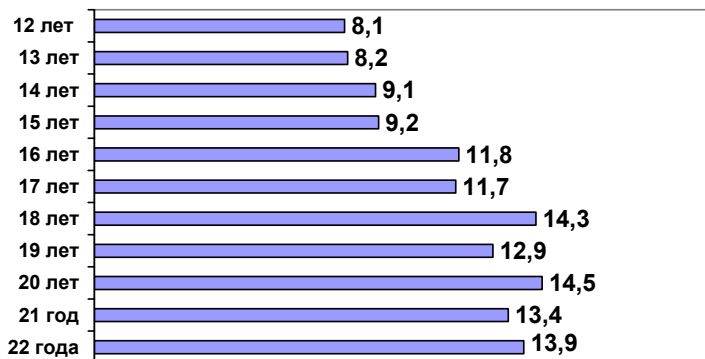
Доля курящих среди различных возрастных групп молодежи, %

Среди учащейся молодежи курят в среднем 55%: учащихся школ 12 лет и старше — 45,5%, учащихся ПТУ — 79,3%, техникумов — 69%, студентов вузов — 61,2%. В целом среди работающей молодежи до 22-х лет курят 81,2%, не работающих и учащихся — 83,2%.

Среднедневная норма потребления — 12 сигарет в день: у юношей — 14, у девушек — 10.

Среднедневное потребление сигарет в возрасте до 16 лет — менее 10, старше 16 лет — более 10:

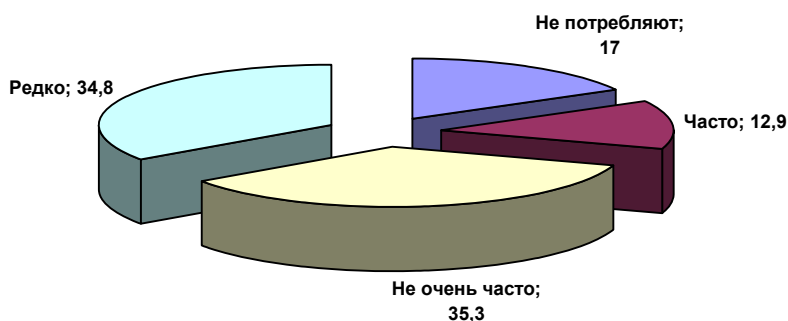
Возрастные группы

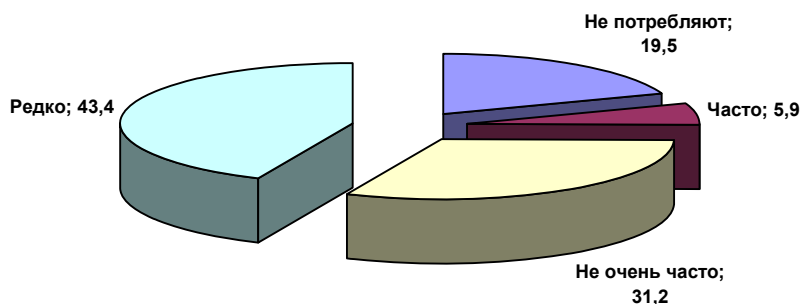
Среднедневное количество сигарет, потребляемых представителями различных возрастных групп молодежи, %

На процесс формирования и реализации демографической политики существенное влияние оказывает и потребление различными группами населения алкогольных напитков. Особенно это касается молодежи в возрасте 12–22 лет — 81,8%, из которых с разной частотой потребляют алкоголь. В том числе считают, что потребляют алкоголь часто 9,4%, не очень часто — 33,3%, редко — 39,1% опрошенных.

Потребление алкоголя юношами и девушками следующее:

Частота потребления алкоголя юношами, %

Частота потребления алкоголя девушками, %

Молодежь начинает пить лишь немногим позже, чем курить — в среднем в 13 лет 8 месяцев. Юноши — в среднем в 13 лет 4 месяца, девушки — в 14 лет 1 месяц.

Молодежь потребляет различные алкогольные напитки: 75,9% — пиво, 33% — водку, 28% — вино, 8% — коньяк, 9,6% — прочие крепкие напитки (ром, виски, джин и др.), 8,1% — самогон.

Агрессивная рекламная кампания пива по телевидению и радио достигла своего — сейчас каждый третий подросток в возрасте 12 лет «балуется» пивом, а среди 13-летних — двое из каждых троих. Потребление водки резко возрастает начиная с 15-летнего возраста. Учащаяся молодежь (школьная) отличается от рабочей только тем, что реже пьет водку, однако уже в ПТУ водку пьет каждый второй.

Материальное положение семьи оказывает серьезное воздействие на потребление алкогольных напитков. Живущие в бедности предпочитают водку и самогон, живущие в достатке — вино, коньяк, ром, виски и другие, более дорогие алкогольные напитки.

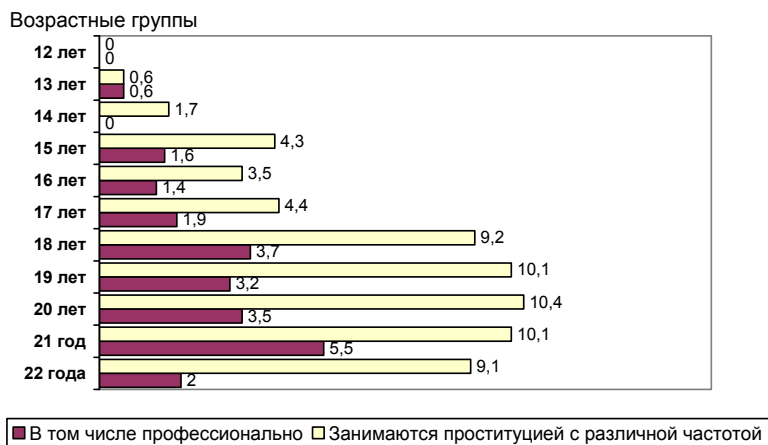
Среди обследованной группы молодежи 5,4% пьют ежедневно, 21,1% — раз в 2–3 дня, 26,3% — раз в неделю, 20,1% — 2–3 раза в месяц, 8,9% — очень редко.

На демографическую политику не последнее место по своему влиянию оказывает воздействие молодежная проституция.

Опрошенная категория молодежи в возрасте от 12 до 22 лет сексуальную жизнь начала вести в среднем с 15 лет 3 месяцев: юноши — 14 лет 8 месяцев, девушки — 15 лет 8 месяцев.

Средний возраст начала сексуальной жизни за прошедшие 10–11 лет снизился на 2 пункта.

Молодежная проституция — явление не новое. Отрицательные последствия чаще всего выражаются в последующей социальной деградации личности, неспособности создать полноценную семью и интегрироваться в общество. Проституция нередко служит предпосылкой для злоупотребления алкоголем и наркотиками.

Доля представителей различных возрастных групп, занимающихся проституцией с разной регулярностью, в том числе профессионально, %

Согласно данным исследования, проституцией занимались 5,7% опрошенных в возрасте 12–22 лет.

Занимаются проституцией профессионально (по признанию опрошенных — «часто») — 1% (примерно 100 тыс. человек), «не очень часто» — 1,1% (примерно 125 тыс. человек), «редко» — 3,6% (примерно 400 тыс. человек).

Занимаются проституцией «часто» и «не очень часто» среди юношей 1,8%, по-видимому, это следствие активизировавшихся гомосексуалистов, среди девушек — 2,5%. Доля занимающихся проституцией резко возрастает, начиная с 18 лет:

Причины занятия проституцией самые различные:

в семье кто-то долго и тяжело болеет	3,7%;
в семье кто-то чрезмерно потребляет спиртные напитки	9,9%;
в семье кто-то потребляет наркотики	13,9%;

кто-то был судим или находится в заключении в настоящее время	12,5%;
применено физическое насилие	11,2%;
постоянные скандалы	9,9%;
низкий материальный доход	38,9%

Существенное ограничение в демографической политике принадлежит наркотизации молодежной среды. По данным Ф. Э. Шереги частота потребления молодежью наркотиков (в %) следующая:

9,0 –	Пробовали всего 1 раз.
13,6 –	Пробовали 2–3 раза.
10,2 –	Потребляют не чаще 2–3 раз в месяц.
4,1 –	Потребляют примерно 1 раз в неделю.
3,9 –	Потребляют примерно 2–3 раза в неделю.
4,0 –	Потребляют ежедневно.
55,2 –	Не потребляли и не потребляют.

Среди употребляющих наркотики можно выделить четыре типические группы:

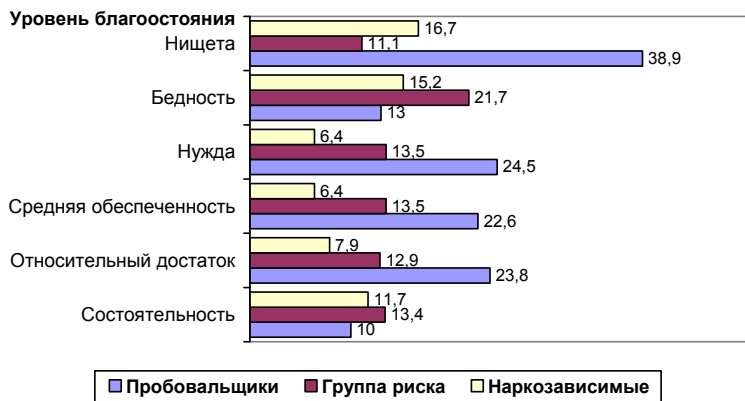
22,6% – **ПРОБОВАВШИЕ** – те, кто пробовал наркотики 1–3 раза;

11,3% – **ГРУППА РИСКА** – те, кто потребляет наркотик не чаще одного раза в неделю и не реже одного раза в две недели;

7,9% – **НАРКОЗАВИСИМЫЕ** – те, кто потребляет наркотик ежедневно либо через день;

58,2% – никогда не пробовавшие и не потребляющие наркотики.

Здесь же прослеживается зависимость потребления наркотиков от уровня благосостояния семьи:

Доля пробовавших и наркозависимых среди молодежи в зависимости от благосостояния, %

Уровень потребления наркотиков зависит и от характера занятости, видимо, соответствующей или соотносящейся с уровнем образования населения:

Доля пробовавших, группы риска и наркозависимых среди работающей молодежи, %

Типические группы	Характер занятости				
	Рабочие предприятий	Служащие	Интеллигенция (техническая, гуманитарная, научная, творческая)	Военные, охрана, милиция	Сфера торговли, бытовых услуг, транспорта
Пробовавшие	27,9	27,3	16,7	26,7	34,6
Группа риска	27,9	6,8	25,0	13,3	15,4
Наркозависимые	31,1	6,8	8,3	13,3	11,5
Не потребляют наркотиков	31,1	59,1	50,0	46,7	38,5

В процессе формирования демографической политики, видимо, необходимо обратить внимание на проблему правосо-

знания. Проведенный пилотажный опрос показал, что 89,0% городского и 73,0% сельского населения осознают важность правосознания как атрибута отношений формирующегося гражданского общества, в котором в широком аспекте должна быть защита прав граждан — 94,0%, прав на труд — 97,0%, прав на жилище — 99,0%, прав на достойную жизнь — 84,0%. Одновременно респонденты отмечают, что их права защищены полностью — 5,0%, в целом защищены, но не во всем — 29,5%, слабо защищены — 43,0% и практически не защищены — 22,5%.

Причины незащищенности прав населения следующие:

43,3% — отсутствие в государстве эффективных законов;

35,7% — бесконтрольность и коррумпированность правовых институтов;

21% — несовершенство структуры правовых институтов.

Чаще всего права нарушаются: в бюрократических государственных структурах 31,5%, по месту работы или учебы 26,7%, милицией 19,7%, в области прав потребителя 18,3%, в общественных местах — 13,6% (транспорт, улица).

На беззаконие милиции чаще всего жалуются в мегаполисах 36%, на беззаконие по месту работы или учебы — в сельских поселениях 34,4%, на нарушение прав со стороны бюрократии — в районных городах 41,9%, мегаполисах 36,6%, в селах 30,7%; на нарушение прав потребителя — в мегаполисах 26,2%.

Опрошенные выделили шесть основных сфер, где в наибольшей степени проявляется нарушение их прав:

24,9% — отсутствие гарантии безопасности человека, его семьи и жилища;

12,8% — нарушение права на труд и его справедливую оплату;

19,9% — нарушение прав потребителя;

17,2% — нарушение прав на получение образования;

15,2% — несоблюдение государством своих обязательств по защите семьи и детей;

10,0% — ограничение прав на получение информации.

Важным показателем социального здоровья населения в контексте демографической политики является гражданская идентичность, то есть чувство принадлежности к гражданам Российской Федерации. Так, чувство гражданской идентичности в полной мере принадлежит 82,0% городского населения и 91,0% сельского населения анализируемой поселенческой общности. Из респондентов более 55,0% осознают, что имеют обязательства перед страной в полной мере, не имеют обязательств — 22,0% и 23,0% — затруднились ответить. В числе наиболее важных обязательств: уважение к старшему поколению, создание благоприятных семейных отношений, стремление к материальному обеспечению, стремление служить обществу и т. п.

Одновременно необходимо отметить, что около 70,0% оценивают свое будущее положение в обществе с оптимизмом; 22,0% время от времени испытывают разочарование; около 8,0% часто бывают озабоченными складывающейся ситуацией.

Важным, по моему мнению, является позиция некоторых представителей населения, которая не исключает возможной работы в криминальных группировках: если жизнь прижмет, можно этим временно заняться — 26,6%; это нормальный способ зарабатывать деньги — 8,0%.

Социальное здоровье, как подчеркивает В. Н. Томалинцев, предполагает преобладание положительного, созидательного заряда в общественном настроении, наличие в нем оптимизма. В противном случае речь может идти о социальном нездоровье, которое проявляется в деструктивных тенденциях, социальной апатии, общем душевном настрое и т. п.

Для социального здоровья населения, при котором лишь возможна гармоничная демографическая политика, важно осо-

знание своей социальной зрелости, социальной компетентности, социальной активности, гармонии нравственно-духовного и материального, ее реализация в повседневной социальной жизни.

Для достижения социального здоровья населения необходимы:

— мера обязанностей и мера ответственности в социальном взаимодействии личности и общества:

— мера во взаимодействии между общественной и индивидуальной волей.

Эта мера и норма в социальном взаимодействии, то есть во включенности личности в определенную социально-групповую или общественную среду, повышает ее жизнеактивность, социальный статус, социальную роль и самооценку. Без этих условий демографическая политика государства является по своей сути общей декларацией, а не инструментарием, обеспечивающим процесс социального воспроизводства населения.

**Глава II. Исследование и анализ условий
формирования эффективной демографической
политики государства**

Социальные и демографические процессы изменения роли семьи в демографической политике государства

Известно, что основу демографической политики составляет социальное воспроизводство, понимаемое как приобщение каждого нового поколения к жизни общества, к семейным отношениям, к процессам социальных взаимодействий в общественной среде и в семье. Семья представляет собой малую группу людей, социальное взаимодействие в которой происходит в структуре брачных отношений, обусловленных общностью быта, взаимной помощью, моральной и материальной ответственности. Рост населения в конце XIX, начале XX века стал основанием разработки Б. Берельсоном и М. Фридменом концепции по снижению рождаемости и программы планирования семьи в странах третьего мира, не обеспеченных для роста населения материальными и продовольственными ресурсами. В последующем периоде происходила под воздействием научно-технических и экономических трансформаций рационализация концептуальных положений, планирования семьи, которые не просто «достраивались» новыми методами и оригинальными организационными решениями, но укрупнялась и внутренняя структура в поисках оптимума ее основных частей, а также между самими программами и другими мерами демографической политики.

Разработка и совершенствование концепций программ планирования семьи шла по трем направлениям.

Структурное усложнение, растущая координация научно-исследовательских, организационно-административных, бюджетно-финансовых, медицинских, юридических и информационно-пропагандистских аспектов программ и дивер-

сификации экономических, правовых и воспитательных мероприятий.

Интеграция в систему здравоохранения путем включения службы планирования семьи в состав учреждений по охране материнства и детства, а также увязки с программами ликвидации ряда опасных заболеваний, улучшения качества детского питания и санитарной пропаганды.

Децентрализация управления, ориентация его на сельскую или городскую общину в качестве главного исполнителя и координатора программы.

Программы планирования семьи реализуются в настоящее время в 37 из 40 крупнейших по населению развивающихся стран мира. На той же концептуальной основе разрабатываются и методики оценки эффективности программ и их выбора для конкретных социальных условий.

Изучение опыта реализации программ планирования семьи в ряде развивающихся стран показывает, что они эффективны там, где государство проводит более активную политику, и для изменения репродуктивной установки населения созрели необходимые экономические, социальные и культурные предпосылки. В пределах, детерминированных уровнем социально-экономического развития страны, интенсивность снижения рождаемости почти полностью зависит от «силы» таких программ. Больше того, «сильные» программы могут до известной степени компенсировать низкий уровень экономического развития. В целом недостаточная эффективность программ планирования семьи вызвана тем, что они во многом противоречат конкретно-историческим традициям и интересам населения и в силу этого сами по себе не способны привести к важным социальным реформам.

Для развивающихся стран жизненно важно не столько регулирование рождаемости, сколько борьба с высокой детской

смертностью, улучшение здравоохранения, образования, социального обеспечения, создание условий для полной занятости. Именно это позволит улучшить там демографическую ситуацию, в том числе сформировать оптимальную установку репродуктивного поведения.

В развитых капиталистических государствах концепции демографической политики были первоначально ориентированы на выработку средств регулирования роста населения, благоприятствующего экономическому развитию. В 30–50-е гг. XX в. такие концепции фактически основывались на гипотезе о возможности достижения оптимума, численности населения и о его стихийном стремлении к нему. Достижение этого оптимума, в частности по А. Саундерсу, характеризуется максимально доступным уровнем дохода на душу населения. Среди ранних исследований проблемы оптимума населения особое место занимают труды французского ученого А. Сови, например, «Благосостояние и население» и «Общая теория населения».

Его значение для западной демографической науки определяется тем, что он предложил использовать несколько критериев определения оптимальной численности населения.

А. Сови выделяет следующие оптимумы: общий (обеспечивающий максимум среднедушевого, дохода и жизненного уровня всего населения), экономический (выявляемый на основе предельной производительности труда и численности активного населения), а также статический и динамический. Им же, были поставлены и вопросы об оптимальном темпе роста и возрастной структуре населения. По мнению А. Сови, оптимальна такая структура населения, при которой объем материальных благ, производимый трудоспособным населением, существенно превышает объем их потребления возрастными группами младше 15 и старше 65 лет. Этот вывод дает

основу для расчета объема демографических инвестиций, т. е. расходов, которые должно нести общество по обеспечению нетрудоспособного населения.

В то же время в теории А. Сови, как и в других концепциях оптимума населения, замалчивается неравномерное распределение национального дохода между различными слоями населения, в результате которого понятие «среднедушевой доход» становится весьма абстрактным и, по существу, отражающим лишь уровень экономического развития страны.

В последнее время появилась идея многовариантности этого оптимума под углом зрения природных ресурсов, состояния окружающей среды, системы образования и здравоохранения, основных показателей уровня и качества жизни и т. п. Над ее развитием работают центры по изучению народонаселения при университетах США, Западной Европы и Японии.

В концепциях демографической политики наметились три основных направления трактовок соотношения демографических и других мер социально-экономического регулирования.

Сторонники первого направления (П. Молдуин, С. Лоо) отдают предпочтение чисто демографическим мерам, рассматриваемым в узком смысле как совокупность мероприятий, направленных на изменение воспроизводства населения. Они считают, что именно такая политика может привести к уменьшению диспропорциональности между наличным населением и доступными ему ресурсами. Изменения структуры и численности населения в результате изменения функций и размеров семьи, согласно этой точке зрения, «являются основным фактором структурного развития экономики». Мерам по стабилизации роста населения за счет регулирования

размеров семьи отводится абсолютный приоритет по сравнению с другими социальными программами.

Приверженцы второго направления (Л. Таба и Э. Коул) придают особое значение форсированию социально-экономического развития, которое должно обусловить достижение «необходимого» порогового уровня, достаточного для снижения рождаемости и смертности. Демографическая политика представляется ими как совокупность мероприятий второстепенного значения, лишь несколько корректирующих воспроизводство населения. При таком подходе роль демографической науки ограничивается задачами разработки в основном лишь долгосрочных прогнозов развития населения.

Третье направление (С. Гольдштейн, П. Аралмс) сформировалось в последнее десятилетие и представляет собой синтез первых двух. Его представители признают необходимость использования мер демографической политики наряду с другими социальными мероприятиями с целью повышения эффективности функционирования экономических и социальных структур общества. В основе их позиции лежит стремление дать научную оценку аспектов деятельности государства и общественных организаций по обеспечению равновесия между воспроизводством населения, экономическим ростом и состоянием окружающей среды.

Каждое из направлений предполагает «давление» на процессы формирования демографической политики как бы сверху, со стороны государства и его социальных институтов, оставляя без внимания спектр социальных взаимодействий в структуре внутрисемейных отношений.

Как следствие в демографической политике большинства стран преобладают расчетные характеристики, подменяющие реальные социальные процессы, столь присущие семейным отношениям:

Оценки и политика правительства в области населения

Оценка и политика	Число стран	Доля, в %
Оценивают рост населения в своей стране как:		
слишком высокий	24	13,8
Удовлетворительный	76	43,7
слишком низкий	74	42,5
Всего:	174	100,0
Считают необходимым воздействие с целью:		
увеличить темп роста	21	12,1
сохранить темп роста	18	10,3
уменьшить темп роста	66	37,9
воздействие не планируется	69	39,7
Всего:	174	100,0
Считают уровень смертности:		
приемлемым	54	31,0
неприемлемым	120	69,0
Всего:	174	100,0
Считают уровень рождаемости:		
слишком низким	20	11,5
удовлетворительным	4	43,7
слишком высоким	80	46,0
Всего:	174	100,0
Считают необходимым воздействие на рождаемость с целью:		
увеличить	20	11,5
сохранить	19	10,9
уменьшить	70	40,2
воздействие не планируется	65	37,4
Всего:	174	100,0
Политика в отношении контрацепции:		
ограничивают использование	5	2,9
не ограничивают	169	97,1
в т. ч. поддерживают распространение современных контрацептивов:		

Оценка и политика	Число стран	Доля, в %
прямо	133	76,4
косвенно	18	10,3
не поддерживают	18	10,3
Всего:	174	100,0
Политика в отношении иммигрантов:		
увеличить	9	5,2
сохранить	77	44,3
уменьшить	60	34,5
воздействие не планируется	28	16,1
Всего:	174	100,0
Политика в отношении эмигрантов:		
увеличить	6	3,4
сохранить	71	40,8
уменьшить	43	24,7
воздействие не планируется	54	31,0
Всего:	174	100,0

Необходимо отметить, что последние годы семья, структура семьи, состав и содержание внутрисемейных взаимодействий подверглись значительным трансформациям. Это касается в первую очередь мотивов создания семьи. Если ранее мотивы создания семьи соотносились с мотивами сердца, эмоциями, чувствами, то в последние годы все более отчетливо проявляется социально-статусный расчет с надеждой на карьеру, высокое положение в обществе, благополучное разрешение жизненных проблем и т. п. Иными словами создание семьи происходит под воздействием романтических, идеалистических, прагматических и рассудочных мотивов. В этой структуре мотивов все больше присутствует при создании семьи мотив прагматический, признаками которого являются: целесообразность, престижность, улучшение материально-бытовых условий

жизнедеятельности, разрешение ранее не решаемых проблем, вынужденность, сословность или номенклатурный брак, обстоятельства, бегство из родительской семьи.

По оценкам которые я провел в раннее опубликованных мной работах появление детей наиболее часто происходит в семьях, где преобладают романтические или идеалистические мотивы. Однако, каждой из анализируемых групп семей присущи двенадцать общепризнанных ценностей и притязаний: наделенность, независимость, материально-бытовые условия, друзья, секс, социально-статусное самоутверждение, здоровье, спокойствие души, безопасность и стабильность, интересная жизнь, самосовершенствование (интеллектуальное, культурное, физическое), дети.

Проверка наличия этих ценностей и притязаний, проведенная экспертным путем подтвердила переоценку ценностей у мужчины и женщины. Так выглядит трехуровневая иерархия ценностей мужчины и женщины в структуре семейных отношений:

Уровень внутрисемейных ценностей	Мужчины	Женщины
Уровень 1	Социально-статусное самоутверждение Интересная жизнь и хобби Секс Друзья	Надежная семья Социально-статусное самоутверждение Материально-бытовые условия Секс
Уровень 2	Материально-бытовые условия Надежная семья Дети Здоровье	Дети Безопасность, стабильность Интересная жизнь и хобби Здоровье
Уровень 3	Спокойствие души Безопасность, стабильность Независимость Самосовершенствование	Спокойствие души Независимость Друзья Самосовершенствование

Мужчины весьма прагматично полагают, что в начале надо построить дом, обеспечить свое материальное благополучие, а уже затем заводить семью и детей. Последняя иерархия ценностей приходится у мужчин на возраст 29–35 лет.

Женщины, в своем большинстве, видят ценность в силе, в детях, в благополучии семьи. Возраст здесь имеет совершенно другие параметры — 18–45 лет. Можно констатировать, что временные параметры ценностей семьи и детей у мужчин и женщин различны и не совпадают практически в течении 21 года (11+10 лет). Эти несовпадения отражаются и на внутрисемейных отношениях, особенно в проблемных семьях, которые переживают особо болезненные жизненные ситуации, например, отсутствия жилья, болезни одного из супругов, трудное материальное положение и т. д. И здесь приходится сталкиваться также с определенной структурой взаимоотношений супругов. Во-первых, в процессе взаимоотношений определяется лидер семьи, способный решать возникающие проблемы и установить уровень приспособленности семьи к реальной жизни. Здесь происходит самооценка, с одной стороны, возможности иметь детей исходя из материального положения семьи. Во-вторых, определяется стиль взаимоотношений в семье, характеризующих степень взаимного доверия, сплоченность, взаимопонимание. Отсутствие этих признаков является ограничением в появлении ребенка в семье. В-третьих, формируется структура ролей в семье. И если роль «добытчика» принадлежит женщине, то это, несомненно, препятствует деторождению. В-четвертых, формируется социальный портрет семьи, в котором явно представлены интересы супругов иметь детей, воспитывать их независимо от состояния общественной среды и уровня материального благополучия. И, наоборот, формируется позиция индивидуального самовы-

живания, в которой нет места детям. В-пятых, определяется позиция иждивенчества одного из супругов, который использует внутрисемейные отношения в личных целях, ничего не давая семье взамен. Это также существенное ограничение деторождению в семье. В-шестых, в ряде семей формируется позиция контроля возможностей деторождения. В этом случае рождение детей в семье происходит в плановом порядке.

Отсутствие диагностики структуры семьи и внутрисемейных отношений ограничивает возможности демографической политики государства, либо делает ее малоэффективной. Ведь детей надо не только родить, но и воспитать как полезного члена общества. Бесконтрольность или информационная недостаточность в определении структуры семьи и внутрисемейных отношений может привести к изолированности детей от общественной среды, появлению дезадаптированных детей, детей, изначально с протестными позициями в обществе, отвергающими все позитивное, уходящими от контактов с семьей и обществом в целом.

Ряд авторов, занимавшихся в разные времена исследованиями в области демографии и внутрисемейных отношений: В. К. Потемкин, Г. К. Копейкин и Р. Г. Оленев, в том числе и я, в монографии от 2004 г. «Семья. Вступление в брак. Развод и его последствия» отмечаем, что неблагополучие в семьях приводит детей на улицу, способствует росту детской преступности.

Результатом невнимания к проблемам семьи при формировании демографической политики может явиться тенденция числа семей и показателей семейного состава населения России:

Динамика числа семей и показатели семейного состава населения России

	Годы переписей				Изменение за период (в %)			
	1959	1970	1979	1989	59–70	70–79	79–89	59–89
Численность населения (млн человек) в том числе:	117,5	130,1	137,6	147,0	10,7	5,8	6,9	25,1

проживающих в семьях (млн чел.)	10,4	115,6	120,2	130,0	10,7	4,0	8,1	24,5
проживающих отдельно от семьи и одиночек (млн чел.)	13,1	14,5	17,4	17,0	10,7	20,0	-2,3	30,1
Число семей (тыс.)	28529	32617	36724	40246	14,0	12,6	9,6	41,1
Число семей на 1000 человек постоянного населения	243	251	267	274	3,3	6,4	2,6	12,8
Средний размер семьи	3,66	3,54	3,27	3,23	-1,7	-7,6	-1,2	-11,7
Доля проживающих в семьях (%)	88,8	88,9	87,4	88,4				
Доля проживающих отдельно от семьи и одиночек (%)	11,2	11,1	12,6	11,6				

Примечание: Данные приведены по данным переписи населения с 1959 по 1989 г.г.

Из приведенных данных видно, что численность населения без учета миграционных процессов за рассматриваемый период возросла на 25,1%. В этот же период населения проживающие в семьях увеличилась на 24,5%, а проживающих отдельно от семей возросло на 30,1%. При этом число семей имело тенденцию к росту на 41,1%. Средний размер семьи постепенно сокращался с 3,66 в 1959 году до 3,23 в 1989 году. Доля населения проживающих в семьях за этот же период сократилась с 88,8% до 88,4%, а доля одиночек, проживающих отдельно от семьи возросла с 11,2% до 11,6%. Одновременно замечу, что в последние 20 лет, с 1987 по 2007 год размер семьи постоянно уменьшался практически пропорционально снижению численности населения страны, а рост проживающих отдельно от семьи увеличился в 1,21 раза. При подобной тенденции ма-

териальное стимулирование рождения второго ребенка в семье имеет ограничительный характер.

Совершенно правомерно М. А. Клупт отмечал, что «резкое снижение рождаемости в 1990-е годы стало реакцией на материальные трудности и появление невиданных прежде возможностей потребления. На концептуальном уровне преодолению кризиса способствовала бы реанимация следующих хорошо известных идей и представлений:

— «время выживания закончилось, началось время нормальной жизни;

— понимание жизни как процесса потребления товаров, услуг и шоу-программ есть атрибут примитивной, инфантильной и малокультурной части общества;

— воспитание детей — один из наиболее достойных и демократичных (доступных и «верхам» и «низам» общества) способов самореализации человека;

— не стоит страшиться того, что в семьях, не отличающихся высоким достатком и социальным статусом, тоже родятся дети».

И здесь, видимо, необходимо повысить уровень системных действий и уровень целевых программ государства по формированию демографической политики. На уровне системных действий необходимы действия по решению жилищной проблемы и комплекс мер по охране репродуктивного здоровья. Системный эффект будут иметь также любые реальные меры, направленные на снижение социальных рисков для семей с детьми — такие меры будут способствовать созданию более благоприятной для деторождения социально-психологической атмосферы.

На уровне целевых программ я считаю, что нужно обратить внимание на проблемы семьи. Так, среди семей репродуктивного возраста можно выделить две группы. Первая, «социально продвинутая» и экономически преуспевающая,

ориентирована на карьеру и связанный с ней материальный успех. Вторая, как правило, находящаяся на более низких ступенях социальной иерархии, имеет меньшие карьерные и социально-статусные притязания, но не менее первой озабочена материальными проблемами (в ряде случаев действительно весьма острыми). Политика в области рождаемости должна учитывать специфику, поведенческих установок каждой из групп.

Повышению уровня рождаемости в первой группе семей может способствовать развитие рынка качественных услуг по уходу за детьми, а также увеличение числа фирм, проводящих мягкую политику в отношении работающих в них женщин-матерей, такая политика может выступать как один из элементов привлекательного имиджа фирмы.

Вторая группа, по-прежнему, весьма многочисленная, психологически более склонная к патерналистским отношениям с государством и с этим (до перехода российского общества в качественно новую фазу) нужно смириться. Для данной группы населения наиболее значимым стимулом к повышению рождаемости могут быть детские и семейные пособия.

Но и этого, по-видимому, явно недостаточно для формирования эффективной демографической политики.

В основе семьи всегда личность мужчины и женщины, что предполагает осмысление нравственно-психологического облика членов семьи. М.И. Воронкова в этой связи пишет: «Будучи родовым, бессоциальным существом, индивид проходит этап социализации, формирования целостного мироощущения и мироотношения в условиях микросреды, главным элементом которой, а на определенном этапе единственным является семья». В ходе своего становления личность — человек в целом выполняет преобразующую, познавательную, ценностно-ориентационную и коммуникативную

функции, то есть функции социализации. О. И. Иванов подчеркивает, что «Социализация включает в себя структурированный в социальном пространстве и времени процесс активно-избирательного усвоения, использования и созидания индивидами социального опыта, процесс интеграции человека в общественную жизнь, в ходе которого индивиды становятся членами конкретного общества, его социальных групп и коллективов, субъектами деятельности, личностями, способными выполнять и выполняющими определенные социальные роли, способными занимать и реально занимающими позиции в различных социальных структурах». Однако, не вызывает сомнений, что традиционное семейное воспитание, обусловленное устойчивыми родственными связями и социокультурными особенностями стабильного уклада семейной жизни, закладывая основы личностного существования, объективно не может в наше время в полной мере осуществлять свою функцию. Например, еще в недалеком прошлом социализирующийся эффект мог быть достигнут прямой передачей житейского и социально-профессионального опыта от старших к младшим, а также постепенным рационально организованным приобщением индивида к знаниям по принципу: от простого к сложному, от низшего — к высшему, причем в рамках как социальных институтов, так и семьи. В современном мире процесс включения человека в социум приобретает особую сложность и специфику. На человека в семье, тем более ребенка прямое воздействие оказывает внешняя среда, прежде всего, информационная, иногда просто разрушающая семейные устои и традиции.

Семейное воспитание чаще всего ограничивается передачей сведений, осознанно или через образ жизни, от родителей к детям относительно норм социального поведения. В силу профессиональной и образовательной неоднородности членов

семьи, исключаящей передачу знаний и опыта непосредственно в совокупной однонаправленной трудовой деятельности (крестьянские семьи) в рамках современной семьи; далеко не всегда достигается необходимый воспитательный эффект. Это приводит к отсутствию взаимопонимания, сострадательности, уважительности друг к другу. При отсутствии первоначальных навыков, духовной культуры приводят к нравственной аморфности, пессимизму, духовной деградации, озлобленности и маргинализации, люмпенизации сознания и стиля жизни.

Не перечисляя известные негативные явления и пороки российской жизни, следует подчеркнуть: их искоренение требует конкретных подходов и методов, выработанных различными областями научных знаний. Вместе с тем наиболее важным, фундаментальным явлением и условием в решении этих социально значимых проблем выступает: гуманизация межличностных отношений и соответственно всех сфер общественной жизни, результатом которой станет гражданское общество. Одними просветительскими мерами искомый результат не может быть достигнут, ибо человек становится духовным, гуманным существом лишь в процессе разнонаправленной духовно-практической деятельности.

Специфика современной жизни такова, что человек, семья оказываются предоставленными зачастую только самим себе, несмотря на абстрактное, многообразие жизненных возможностей, субъективно чувствуют себя в замкнутом кругу «выживания», объективно теряют социальные связи и возможности духовного роста, адаптацию к социокультурному контексту современной жизни.

Комплекс задач по преодолению демографического кризиса не может быть решен усилиями одного государства и требует консолидированного действия многих социальных

факторов. Необходимо формирование возможно более широкой общественной коалиции, ставящей своей целью объединение усилий, направленных на выход из демографического кризиса. Ядро такой коалиции могли бы составить, с одной стороны, общественные организации и объединения, выступающие в защиту семьи и семейных ценностей, пропагандирующие здоровый образ жизни, защищающие окружающую среду и т. д.; с другой — политические партии, готовые внести свой вклад в усилия по выходу из демографического кризиса. Государственно-общественный механизм преодоления демографического кризиса политики сложнее в исполнении, чем государственно-бюрократический, однако он выгодно отличается тем, что лучше учитывает современные российские реалии, создает больше возможностей для привлечения негосударственных финансовых, интеллектуальных и символических ресурсов.

Социокультурная среда формирования эффективной демографической политики государства

Эффективная демографическая политика в XXI веке зависит не только от состояния общественной среды семьи и внутрисемейных отношений, но и процессов социокультурного развития индивидов, норм и ценностей преобладающих в обществе. К. Клакхон определил культуру как общий способ жизни людей; социальное наследие, которое индивид получает от своей группы; стиль мышления, чувствования и верования; абстракция поведения; способ действительного поведения группы людей; склад очищенного научения; набор стандартизированных ориентаций на повторяющиеся в обществе процессы; выученное поведение; механизм нормативной регуляции

поведения; набор техник для приспособления к окружающей среде и другим людям; осадок истории. Следовательно, под культурой предлагалось понимать содержательные аспекты человеческой жизнедеятельности, определяемые ценностями, значениями, идеалами, нормами и др. Стало быть, термин «социальная система» или общество обозначает отношения между индивидами и коллективами, тогда как культура определяет их ценностно-смысловое значение. Сходное толкование взаимоотношений понятия и культуры мы находим в трудах ведущих западных социологов, которые, начиная с М. Вебера, подчеркивали важную роль ценностных стандартов в понимании общественного развития. Достаточно вспомнить ту уникальную роль, которую отводил Э. Дюркгейм «коллективным представлениям», или объяснение М. Вебером развития капитализма в Европе влиянием религиозно-этнических норм протестантизма. В современной западной социологии, начиная с 30-х гг., прежде всего в трудах Т. Парсонса и его школы, а также в работах культур-антропологов А. Кребера, К. Клакхона, Р. Линтона, М. Мид и др., было дано более строгое теоретическое и эмпирическое обоснование разделения понятий общества и культуры. При этом подчеркивалась решающая роль культуры как в плане методологическом, познавательном, так и в содержательном — в качестве решающего фактора эволюции и изменения общества.

Обращу, прежде всего, внимание на специфику социологического толкования культуры, по сравнению с философским, получившим распространение в нашей литературе. В рамках социально-философского подхода к анализу культуры обычно выделяется два ее уровня — материальный, куда относят созданные человеком орудия труда и производства, материально-техническую базу общества и многое другое, что принято относить к искусственно созданной

человеком «второй природе», и духовный пласт культуры, в который включают достижения человека в области искусства, науки, литературы и др. Философы главным образом исследуют духовную сторону культуры, ее взаимосвязь с творчеством человека, деятельностью различных социальных групп, характер взаимосвязи различных культурных форм — науки, религии, морали и др.

Иначе обстоит дело с социологическим подходом к культуре. Главная особенность заключается в том, что культура берется в том ее аспекте, который непосредственно связан с регуляцией поведения человека, социальных групп, функционированием и развитием общества в целом. При этом на первый план выдвигается ценностно-нормативное содержание культуры. При самом общем социологическом подходе к пониманию сущности культуры обычно отмечают три ее характерные особенности. 1) Культура представляет собой общеразделяемую систему ценностей, символов и значений. 2) Культура — это то, чему научается человек в процессе своей жизнедеятельности. Усвоение человеком культурных ценностей и символов формирует внегенетическую программу поведения и жизнедеятельности человека, поэтому овладение культурой является решающим фактором, отличающим человека от животных. 3) Культура — это все то, что транслируется от поколения к поколению, т. к. люди берегут и умножают накопленную сокровищницу знаний, умений, опыта и по специальным каналам передают их в ходе исторического развития общества.

Говоря о том, что специфика культуры с социологической точки зрения заключается в том, что она представляет собой систему наиболее фундаментальных общественных идей, ценностей и значений, следует обратить внимание на то, что эти культурные стандарты не только направляют и регулируют по-

ведение людей, но вместе с тем помогают людям организовать свою общественную жизнь.

Присущая современному обществу иерархия ценностей, в котором научное знание занимает одно из самых высших мест, обуславливает перестройку всего жизненного уклада общества, меняет сам образ жизни людей.

Как справедливо отмечает Э. В. Соколов, при социологическом анализе культуры можно выделить три основных ее уровня. Первый — эмпирический, представленный учреждениями и организациями, институтами культуры — театры, библиотеки, кино, литература, искусство, наука, религия и др. Они могут быть объектом специальных исследований — социологии искусства, социологии религии, социологии науки и др. Второй уровень, который я уже прежде затрагивал, обычно в социологических трактатах называют кратко «нормативным», под ним подразумеваются входящие в данную культуру различные установленные нормы и правила, регулирующие поведение человека и социальных групп. Они могут быть как институционализированными, т. е. опирающимися на общепризнанную мораль и право, законодательные акты или ведомственные структуры, если речь идет, например, о каком-то учреждении и дополняющие их формальные санкции различных типов, так и не институционализированными, или неформальными. В таком случае эти нормы и правила ориентируются не столько на нормативно-законодательные акты, сколько на социально-психологическую атмосферу в обществе, кодексы поведения, обусловленные обычаями, традициями, общественными нравами. Третий уровень по своей природе является ценностным, основанным на идеях, верованиях, знаниях и символах.

М. С. Комаров пишет, что «будучи функцией, отличной от социальной деятельности людей, культура по отношению

к обществу выступает как своеобразный резервуар духовных ресурсов, накопитель и хранитель всего ценного и положительного, что достигнуто людьми».

Накапливаемые в системе культуры ценности, знания, идеи, постоянно реализуются в человеческой практической деятельности. С одной стороны символы и значения культуры определяют границы доступного человеческого опыта, а с другой эти границы постоянно расширяются в ходе взаимодействия общества, культуры и личности.

Высший ценностно-смысловой уровень культуры имеет непосредственное отношение к вопросам объяснения и понимания человеческого поведения. Социальное действие и взаимодействие, как показал М. Вебер, обладает внутренним смыслом и значением, которые должны быть доступны для понимания другому человеку. Отсюда следует, что общеразделяемая система значений и символов является обязательным условием успешного социального взаимодействия, его центральным пунктом. Для того, чтобы социальное взаимодействие было успешным, т. е. давало возможность согласовывать и координировать совместные действия, люди должны придерживаться общеразделяемой, т. е. принимаемой всеми системы символов и значений, которые определяют содержание данной ситуации. Помимо языка к общеразделяемой системе ценностей, принимаемой группой, следует отнести общие цели и задачи деятельности, морально-нравственные эстетические и религиозные ценности; верования и др. Например, в основе семейной жизни людей лежит разделяемая супругами ценность совместной жизни, рождение и воспитание детей. Для молодого человека, принимающего идеалы и ценности современной молодежной субкультуры безусловной ценностью может являться стиль одежды, молодежная эстрада, музыкальная рок-культура, книги т. д.

Я уже не раз повторял, что в зависимости от того, как человек определяет ту или иную ситуацию, он планирует свое дальнейшее поведение, формируя поведение, формируя поведенческие установки.

В социальном пространстве современной России противостоят друг другу культура жизни и ее контркультурный антипод. Первая порождает жизнеутверждающие смыслы и ценности, формирует конструктивные жизненные стратегии, привычку к здоровому образу жизни. Второй культивирует пренебрежение к человеческой жизни, романтизирует насилие, алкоголизм, наркоманию, бессмысленный риск. Результаты борьбы за повышение продолжительности жизни будут в значительной степени определяться тем, насколько культуре жизни и ее защитникам удастся потеснить своего извечного противника.

Рассматривая структуру российского социального пространства с данных позиций, можно выделить в ней области безраздельного господства культуры жизни, зоны доминирования ее контркультурного антипода и, наконец, промежуточные области, за которые идет борьба. В зонах, где господствует контркультурный комплекс, человеческая жизнь легко отбирается и бессмысленно отдается. Во владениях культуры жизни тоже умирают, но в среднем значительно позднее и, как правило, не по причине передозировки наркотиков или острых отравлений суррогатами алкогольных напитков. Задача общества состоит в том, чтобы максимально расширить ту социальную область, в которой господствует культура жизни.

Здоровое в прямом и переносном смысле слова общество не только генерирует жизнеутверждающие смыслы и ценности, но и предлагает на выбор индивиду некоторый набор привлекательных для него, социально конструктивных и в то же время реально исполнимых стандартов жизненного пути.

Подобные стандарты (например, «окончил школу — поступил в вуз — нашел интересную высокооплачиваемую работу — женился — купил квартиру — обзавелся детьми — помог воспитывать внуков — заработал достойную пенсию») выступают в роли своего рода путеводных нитей, «перил», придерживаясь которых, индивид проживает удовлетворяющую его и в то же время полезную для общества жизнь. В такие стандарты, как правило, органично вписываются и здравоохранительные мотивации. Последние могут носить несколько приземленный оттенок («чтобы не вылететь с работы и выплатить жилищный кредит, нельзя болеть») или базироваться на более высоких ценностях — чувстве долга, стремлении к самореализации, духовному совершенству. Однако в любом случае подобные связки стандартов жизненного пути и встроенных в них здравоохранительных мотиваций оказываются конструктивными как для индивида, так и для общества в целом. Саморазрушительное поведение, напротив, легко возникает там, где реально достижимый жизненный путь не увлекает, а увлекающий путь недостижим или кажется таковым.

Стандарты конструктивного жизненного пути, как и любые социальные институты, формируются во многом спонтанно, являясь результатом и одновременно признаком здорового развития общества. В то же время распространению таких стандартов может существенно помочь, формирование системы ценностей, характерных для жизнеутверждающей культуры, лишь до определенной степени может регулироваться по воле участников социального процесса, включая государство и его институты, например, семью. И здесь необходимо отметить, что демографическая политика представляет собой комплекс мер, принимаемых государством с целью повлиять на режим демографического воспроизводства в заданном направлении, а семейная

политика направлена на поддержку семьи как социального института и оказание помощи определенным группам семей (молодым семьям, семьям с детьми и т. д.), однако, в отличие от демографической политики, семейная, непосредственно не нацелена на изменение показателей демографического воспроизводства. В российских условиях демографическая политика в области рождаемости в значительной своей части должна совпадать с семейной политикой, так как необходимым условием повышения рождаемости является улучшение условий жизни семей, имеющих детей. Ввиду этого вполне правомерно говорить о необходимости проведения в России семейно-демографической политики, основанной на социокультурной составляющей.

В этом контексте, видимо, можно говорить о системном видении демографических процессов, когда одна культура противопоставляется другой или замещается ею, когда государство, семья и конкретная личность участвуют как в управлении, так и самоуправлении демографическими процессами. А это, в свою очередь, приводит к осмыслению внутренней среды демографической системы.

Предлагаю рассмотреть ее социокультурный аспект. В период с 1991 по 2006 год число жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области вообще не посещавших заведения культурного досуга увеличилось с 69,0% до 98,0%.

Анализ социально-демографических различий показывает, что несколько более активны женщины, возраст не оказывает существенного влияния на посещаемость, за исключением группы самых старших респондентов, где посещаемость резко снижается. Активность выше среднего уровня характерна для людей с высшим (незаконченным высшим) образованием и соответствующим социальным статусом. Доход существенного значения не имеет, за исключением одного пункта — те, кто ни разу не был на спектаклях имеют самые низкие душевые

доходы. Любопытно отметить, что самую высокую долю «театралов» можно наблюдать не среди коренных петербуржцев, а среди приезжих, проживших в городе от 10 до 20 лет.

Хотя эти различия и не являются статистически значимыми в 2005 году зафиксирована самая низкая доля респондентов вообще не посещавших оперные и балетные спектакли за исключением 1991 года.

Анализ социально-демографических различий исследования 2005 года показывает, что чуть более активны женщины несколько выше посещаемость среди респондентов в возрасте 30–44 года, у людей с высшим гуманитарным образованием, специалистов и руководителей. Доход существенного значения не имеет, за исключением того же пункта — те кто ни разу не был на спектаклях, имеют самые низкие душевые доходы. Снова отметим, что посещаемость выше среднего уровня наблюдается не среди коренных жителей субъектов федерации, а среди приезжих, либо проживших от 5 до 20 лет.

Динамика посещения населением заведений культурного досуга

Количество посещений	Год проведения исследования								Среднее число посещений за все годы наблюдений
	1991	1993	1994	1995	1996	1998	2000	2005	
Драматические спектакли									
Ни разу	69	74	71	75	76	75	71	72	0,88
Один раз	10	10	8	9	8	8	11	11	
Два раза и более	21	16	21	16	16	17	18	17	
Число посещений в год в расчете на одного человека	0,98	0,79	0,97	0,76	0,88	0,90	0,99	0,74	

Количество по- сещений	Год проведения исследования								Среднее чис- ло посещений за все годы наблюдений
	1991	1993	1994	1995	1996	1998	2000	2005	
Музыкальные спектакли									
Ни разу	78	84	84	88	87	86	86	82	0,42
Один раз	9	8	7	6	6	6	6	9	
Два раза и более	13	8	9	6	7	8	8	9	
Число по- сещений в год в расчете на одного чело- века	0,63	0,21	0,44	0,31	0,41	0,42	0,54	0,40	
Концерты музыки академических жанров									
Ни разу	83	86	87	91	89	89	88	91	0,38
Один раз	3	5	4	4	5	4	5	5	
Два раза и более	14	9	9	6	6	7	7	4	
Число по- сещений в год в расчете на одного чело- века	0,63	0,49	0,44	0,31	0,41	0,42	0,36	0,22	
Концерты популярной музыки									
Ни разу	67	79	84	86	79	83	79	79	0,66
Один раз	10	8	5	5	6	7	8	8	
Два раза и более	23	13	11	9	15	10	13	13	
Число посеще- ний в год в рас- чете на одного человека	1,21	0,61	0,48	0,43	0,81	0,51	0,64	0,58	

Количество по- сещений	Год проведения исследования								Среднее чис- ло посещений за все годы наблюдений
	1991	1993	1994	1995	1996	1998	2000	2005	
Концерты народной музыки									
Ни разу	89	96	95	98	98	97	96	96	0,10
Один раз	3	2	2	1	1	2	2	2	
Два раза и более	8	2	3	1	1	1	2	2	
Число по- сещений в год в расчете на одного чело- века	0,39	0,04	0,15	0,09	0,06	0,08	0,15	0,10	
Музеи и выставки									
Ни разу	60	57	64	69	61	67	61	70	1,43
Один раз	12	12	8	6	9	7	9	9	
Два раза и более	28	31	28	25	30	26	30	21	
Число по- сещений в год в расчете на одного чело- века	1,35	1,65	1,48	1,28	1,59	1,38	1,71	0,97	
Кино									
Ни разу	35	-	76	83	84	90	86	73	1,16
Один раз	7	-	5	5	5	4	5	8	
Два раза и более	57	-	19	12	11	6	10	20	
Число посеще- ний в год в рас- чете на одного человека	3,86	-	1,14	0,64	0,60	0,30	0,44	1,4	

Главный вывод, который я делаю из полученных результатов, состоит в устойчивости в делении взрослого населения по критерию приобщенности к культурной жизни Петербурга за весь период наблюдений. Группа с нулевым уровнем приобщенности составляет от 50 до 62 % населения за весь период наблюдений, что позволяет утверждать, что не менее половины взрослого населения города никак не пользуются возможностью проживания в культурной столице России и вряд ли есть основания полагать, что доля пассивного населения может существенно сократиться в обозримом будущем. Социально-демографические характеристики населения с разным уровнем культурной активности так же устойчивы. По данным исследования ноября 2005 года в наибольшей мере отчуждены от культурной жизни пожилые люди, с низким уровнем образования и низкими доходами (средний возраст в группе с нулевым уровнем приобщенности к культурной жизни равен 50 годам, средний душевой доход — 4349 рублей; средний возраст по всем опрошенным равен 45 годам, средний душевой доход без учета затруднившихся и отказавшихся назвать доход составлял 5203 рубля); по социальному статусу это пенсионеры и рабочие. В то же время и среди молодежи, людей с высшим образованием, с самыми высокими душевыми доходами мы так же можем видеть большое количество людей с нулевым уровнем приобщенности — 30–40 %.

Доля населения с высоким уровнем приобщенности к культурной жизни так же очень устойчива и колеблется от 9 до 17 % (без учета кино), то есть активными участниками культурной жизни города являются примерно 15 % взрослого населения. Три четверти этой группы — люди в возрасте до 44 лет, более 40 % имеют душевой месячный доход не менее шести тысяч рублей, средний возраст в группе равен 35 го-

дам, средний душевой доход — 7060 рублей; 70% имеют высшее или незаконченное высшее образование из них 40% с гуманитарным образованием. По социальному статусу наиболее активны: специалисты с высшим образованием 37% в группе с высоким уровнем и 22% доля в выборке, руководители и индивидуальные предприниматели — 7% к 3% и студенты — 18% в группе с высоким уровнем к 9% в выборке. Наибольшую активность демонстрируют мигранты со сроком жизни в Петербурге до 20 лет: при их доле в выборке в 14% они составляют 26% группы с высоким уровнем приобщенности; живущие в городе более 20 лет, наоборот, наиболее пассивны — при их доле в выборке в 31%, они составляют в группе «активистов» только 15%; родившиеся в Петербурге составляют 59% активно приобщенных, но их доля в выборке 55%, то есть разница не существенна.

Зафиксирована связь удовлетворенности досугом с активностью в посещении театров, концертов и т. д. Среди неудовлетворенных проведением свободного времени 68% имеют нулевой уровень приобщенности и 9% высокий уровень; в группе удовлетворенных эти доли составляют 44% и 20%. Однако отмечу, что 44% респондентов, которых досуг вполне устраивает, имеют нулевой уровень приобщенности к культурной жизни.

На вопрос, что мешает чаще посещать заведения культурного досуга респонденты ответили следующим образом:

нет свободного времени	17,0%;
не хватает денег	28,0%;
устают на работе	16,5%;
состояние здоровья	18,0%;
страшно вечером возвращаться домой	7,5%;
мало интересных спектаклей, концертов, кинофильмов	5,0%;
ничего не мешает	8,0%.

Доля населения анализируемых субъектов Федерации, обладающих знаниями истории культуры.

Индекс знания истории культуры

Социально-демографические характеристики респондентов		Индекс знания истории культуры					
		ни одного правильного ответа	один правильный ответ	два правильных ответа	три правильных ответа	все ответы правильны	Средний балл
Пол	мужской	35,0 %	23,9 %	21,0 %	10,6 %	9,5 %	2,4
	женский	28,3 %	21,1 %	23,3 %	13,2 %	14,1 %	2,6
Возраст группы	18 – 29 лет	30,9 %	29,1 %	23,5 %	8,7 %	7,8 %	2,3
	30 – 44 года	31,4 %	20,4 %	23,9 %	9,6 %	14,6 %	2,6
	45 – 59 лет	26,7 %	23,9 %	23,9 %	12,9 %	12,5 %	2,6
	60 лет и старше	36,6 %	16,4 %	17,2 %	17,2 %	12,5 %	2,5
Уровень образования	неполное среднее	69,2 %	15,4 %	15,4 %			1,5
	среднее	39,7 %	24,7 %	21,2 %	9,9 %	4,5 %	2,1
	высшее или нез. высшее другое	22,9 %	25,9 %	23,9 %	16,6 %	10,7 %	2,7
	высшее или нез. высшее гуманитарное	15,1 %	14,7 %	24,1 %	14,2 %	31,9 %	3,3
Социальный статус	рабочие	44,5 %	29,0 %	17,5 %	6,5 %	2,5 %	1,9
	служащие без высшего образ.	25,3 %	28,7 %	25,3 %	12,6 %	8,0 %	2,5
	специалисты с высшим образ.	17,5 %	18,9 %	26,7 %	13,4 %		
	руководители и инд. бизнес	24,2 %	3,0 %	24,2 %	24,2 %		
	студенты	24,7 %	31,2 %	24,7 %	9,7 %		

Социально-демографические характеристики респондентов		Индекс знания истории культуры					Средний балл
		ни одного правильного ответа	один правильный ответ	два правильных ответа	три правильных ответа	все ответы правильны	
Социальный статус	пенсионеры	37,0%	16,2%	20,0%	15,8%		
	домохозяйки	27,3%	20,5%	31,8%	9,1%		
	прочие	37,9%	29,3%	15,5%	6,9%		
Душевой доход группы	затрудились или отказались ответить	40,1%	21,9%	22,4%	8,9%		
	до 2500 рублей	43,5%	25,8%	15,3%	11,3%		
	до 3000 рублей	25,1%	24,2%	28,0%	15,9%		
	до 4000 рублей	21,5%	17,8%	21,5%	14,0%		
	до 6000 рублей	26,5%	22,0%	21,2%	13,6%		
	до 9000 рублей	26,8%	25,9%	21,4%	8,9%		
	10000 рублей и более	33,6%	16,4%	20,9%	11,8%		
	Длительность проживания	до 20 лет	35,4%	25,7%	13,2%	9,0%	
	более 20 лет	36,0%	21,1%	23,1%	9,7%		
	всю жизнь	27,6%	22,2%	24,3%	14,0%		
Всего		31,3%	22,4%	22,3%	12,0%		

Обращу внимание, что среди респондентов с высшим не гуманитарным образованием доля правильно отвечавших на все вопросы в три раза меньше, чем в случае наличия гума-

нительного образования. С сожалением можно отметить, что по критерию возраста меньше всего «знатоков» среди молодежи, при этом даже среди студенческой молодежи каждый четвертый не знает ответов ни на один вопрос и только 10% правильно отвечают на все вопросы. Но в целом значимые возрастные различия не наблюдаются — так средний возраст группы респондентов не давших ни одного правильного ответа равен 46 годам, а в группе, где все ответы правильны — 47 годам. Нет большой разницы и в душевых доходах: в группе «профанов» он равен 5221 рублю, а в группе «знатоков» — 6089 рублям.

Социально-демографическая характеристика населения может быть охарактеризована и таким социокультурным аспектом как приверженность аудитории радиостанций:

Динамика приверженности населения радиовещанию наиболее позиционирующих в регионе радиостанций

№	Радиостанция	Аудитория за неделю				Среднесуточная аудитория			
		тыс. чел.	% нас-ия	тыс. чел. фев'05-фев'06	% от уровня фев'05	тыс. чел.	% нас-ия	тыс. чел. фев'05-фев'06	% от уровня фев'05
	вся радио-аудитория	2740	79.4	-45	-2%	2335	67.7	35	2%
	аудитория FM-станций	1830	53.0	-5	0%	1490	43.2	55	4%
1	Европа плюс	340	9.8	-8	-2%	227	6.6	-7	-3%
2	Русское радио	296	8.6	-116	-28%	202	5.9	-45	-18%
3	Ретро-FM	271	7.9	35	15%	168	4.9	33	24%
4	Эльдорадио	241	7.0	53	28%	122	3.5	28	30%

№	Радиостанция	Аудитория за неделю				Среднесуточная аудитория			
		тыс. чел.	% % нас-ия	тыс. чел. фев'05-фев'06	% % от уровня фев'05	тыс. чел.	% % нас-ия	тыс. чел. фев'05-фев'06	% % от уровня фев'05
5	Русский Шансон	220	6.4	-7	-3%	145	4.2	-29	-17%
6	LOVE Радио	209	6.1	-50	-19%	138	4.0	-2	-1%
7	Дорожное радио	200	5.8	-	-	154	4.5	-	-
8	Наше Радио	200	5.8	-1	0%	110	3.2	-34	-24%
9	ЭХО Москвы	193	5.6	42	28%	140	4.1	42	43%
10	RE-Cord	184	5.3	-31	-14%	165	4.8	-4	-2%
11	Авторadio	179	5.2	3	2%	131	3.8	0	0%
12	Максимум	179	5.2	26	17%	136	3.9	51	60%
13	Мелодия	158	4.6	-5	-3%	92	2.7	-16	-15%
14	Балтика	136	3.9	-102	-43%	96	2.8	-57	-37%
15	Эрмитаж	119	3.5	43	57%	60	1.7	19	46%
16	РОКС	94	2.7	-14	-13%	67	1.9	-9	-12%
17	Радио Шансон	90	2.6	-61	-40%	44	1.3	-68	-61%
18	Студио	90	2.6	-13	-13%	64	1.9	14	28%
19	ХИТ 90.6	76	2.2	3	4%	53	1.5	12	29%
20	Динамит	62	1.8	-112	-64%	37	1.1	-73	-66%
21	Классика * /	39	1.1	23	144%	23	0.7	12	109%
22	Радио Свобода	39	1.1	-11	-22%	32	0.9	9	39%
23	Спутник	32	0.9	-7	-18%	25	0.7	9	56%
24	Мария	14	0.4	3	27%	5	0.1	-6	-55%

№	Радиостанция	Аудитория за неделю				Среднесуточная аудитория			
		тыс. чел.	% % нас-ия	тыс. чел. фев'05-фев'06	% % от уровня фев'05	тыс. чел.	% % нас-ия	тыс. чел. фев'05-фев'06	% % от уровня фев'05
	ГТС (Радио России-СПб)	944	27.3	-56	-6%	788	22.8	-20	-2%
	Маяк	269	7.8	22	9%	200	5.8	24	14%
	ТРК Петербург (3-я)	133	3.9	16	14%	96	2.8	20	26%

Примечание: Источник: Телескоп: социология и маркетинг. — СПб.: 2006
Размер выборки населения от 16 лет и старше (3420).

Замечу, что удельный вес слушателей радиостанций имеет тенденцию к значительным колебаниям.

Основные изменения в структуре населения — слушателей радиостанций

	Годовой прирост среднесуточной аудитории, % %	Основные изменения в структуре (увеличение или снижение доли слушателей с указанной характеристикой)
Максимум	+60%	снижение: высшее или незаконченное высшее образование с 62% до 56% учащиеся и студенты с 41% до 37%
ХИТ 90.6	+29%	рост: женщины с 56% до 61%; 16–19 лет с 11% до 26% снижение: высшее или незаконченное высшее образование с 56% до 44% 20–24 года с 33% до 17%; 25–44 года с 50% до 39%
Эльдорадио	+30%	рост: высшее или незаконченное высшее образование с 49% до 59% женщины с 49% до 60%; работающие с 72% до 81% снижение: учащиеся и студенты с 15% до 6%

	Годовой прирост среднесуточной аудитории, %	Основные изменения в структуре (увеличение или снижение доли слушателей с указанной характеристикой)
Маяк	+14%	рост: мужчины с 44% до 51%; работающие с 36% до 58% снижение: пенсионеры с 56% до 40%
ТРК Петербург	+26%	рост: мужчины с 30% до 38%; работающие с 33% до 45% снижение: высшее или незаконченное высшее образование с 61% до 43% пенсионеры с 61% до 52%
Ретро	+24%	рост: высшее или незаконченное высшее образование с 51% до 60%
		женщины с 44% до 62%; 25–44 года с 42% до 59% снижение: старше 45 лет с 42% до 33%
Эрмитаж	+46%	рост: высшее или незаконченное высшее образование с 61% до 77% мужчины с 39% до 50%; 25–44 года с 39% до 50% работающие с 72% до 81% снижение: старше 45 лет с 45% до 35%
Студио	+28%	рост: женщины с 18% до 50%; 20–24 года с 18% до 36% учащиеся и студенты с 27% до 46% снижение: 25–44 года с 50% до 29% работающие с 73% до 50%
ЭХО Москвы	+43%	рост: женщины с 35% до 41%; пенсионеры с 14% до 34% снижение: 25–54 года с 33% до 23%; работающие с 79% до 61%
Балтика	-37%	рост: женщины с 57% до 62%; работающие с 87% до 93% снижение: пенсионеры с 6% до 0% старше 45 лет с 36% до 29%
НАШЕ Радио	-24%	рост: мужчины с 52% до 58%; 20–24 года с 18% до 25% работающие с 60% до 65% снижение: старше 45 лет с 13% до 4%
Русский Шансон	-17%	рост: мужчины с 61% до 75% работающие с 84% до 89%

	Годовой прирост среднесуточной аудитории, % %	Основные изменения в структуре (увеличение или снижение доли слушателей с указанной характеристикой)
Русское радио	-18%	рост: мужчины с 29% до 39%; 25–44 года с 45% до 51% работающие с 62% до 75% снижение: 16–19 лет с 19% до 8% учащиеся и студенты с 26% до 14%
Мелодия	-15%	рост: женщины с 47% до 60%; старше 45 лет с 53% до 60% пенсионеры с 4% до 18% снижение: высшее или незаконченное высшее образование с 53% до 38% работающие с 92% до 80%
Динамит	-66%	рост: женщины с 38% до 62%; 20–24 года с 31% до 44% работающие с 54% до 63% снижение: 16–19 лет с 27% до 13% учащиеся и студенты с 42% до 32%
Радио Шансон	-61%	рост: мужчины с 55% до 79%; 25–44 года с 41% до 58% работающие с 67% до 84% снижение: старше 45 лет с 47% до 32% пенсионеры с 12% до 0%

Приведенные данные свидетельствуют, что среди предпочтений слушателей радиостанций преобладает развлекательная музыка, беседы на темы — проблемы «Звезд», в меньшей мере культура, включая русскую культуру.

Социокультурные трансформации в поведении и облике населения имеют и еще одну знаковую тенденцию — формирование клубного пространства по интересам. Признак клубного пространства — его автономность, сочетающаяся и с развлекательными интересами.

Каждый конкретный клуб имеет характер социокультурного поля, т. е. относительно автономного участка клубного

пространства, очерченного четкой границей и обладающего силовым характером. Суть этого феномена состоит в том, что, попав в него, человек в той или иной мере в своем поведении подчиняется силовому воздействию данного поля. Иначе говоря, ключ к пониманию его поведения в существенной мере лежит в анализе не самого индивида и его личных особенностей (хотя это тоже немаловажный фактор), а в характеристиках конкретного клубного поля. Его основными элементами являются:

1) Ресурсы клубного поля: расположение в пространстве города, удаленность от центра и транспортных артерий, наличие конкурентов, размер клуба, его интерьер, музыка, организация питания, обеспечение напитками, мебель, состав участников — актеров и т. д.

2) Культурная программа поля: сценарий вечеров, организуемых администрацией, неписанные правила, традиции клуба и т. д.

3) Специфический жаргон клуба, т. е. свод писанных и неписанных правил интерпретации знаков и символов, вовлеченных в клубное взаимодействие (одежды, обуви, косметики, стиля поведения и т. д.).

Попав в такое поле, индивид сталкивается с дилеммой: либо адаптироваться к полю данного клуба, либо покинуть его.

Содержание клубных коммуникаций следующее:

- танцы до упаду как форма физической разрядки;
- поиск новых знакомых и романтических приключений;
- поддержание общения со старыми знакомыми;
- потребление допинга (алкоголя и наркотиков);
- прослушивание живой музыки;
- конструирование идентичности личности.

Опрос прохожих в ряде городских клубах в возрасте от 20 до 35 лет привел к двум ответам:

- нормальных людей туда не пускают;
- там нечего делать.

Однако, по опросам групп студентов Вузов Санкт-Петербурга и Ленинградской области 72,0% с разной степенью регулярности посещают клубные заведения.

Анализируя социокультурные трансформации, происходящие с различными группами населения, можно в полной мере согласиться с В. Ильиным и К. Путинцовой, которые пишут, что «...клуб — это феномен, являющийся естественным порождением процесса общества потребления». А в этом обществе проблема демографической политики, связанная с воспроизводством населения либо отсутствует, либо весьма ограничена «вынужденными» причинами.

Изменилась в анализируемом регионе и читательская аудитория. До 65,0% респондентов, в основном читают детективы (Донцова, Абдуллаев и др.), а книги по истории, культуре и науке не более 5,5%. Причина здесь кроется в желании отвлечься от действительности и, что настораживает, классическая культура, представителями которой являются Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, Ю. М. Лермонтов и др. в читательском рейтинге находится на 29–31 местах. Совершенно не случайно В. Т. Лесовский в рамках исследовательской программы «Молодежь России» получил следующие ответы на вопрос «К какому типу поколений относится современная молодежь?»:

к поколению надежд	29,2%;
к потерянному поколению	13,2%;
к равнодушному поколению	22,0%;
к циничному поколению	8,8%;
к растерянному поколению	16,0%;
к скептическому поколению	10,8%.

Подобные признаки, видимо, соответствуют и другим возрастным группам населения региона.

В этой связи уместно вспомнить культуролога А. Тойнби, который писал: «Единственный способ... спасения человечества»... «поиск среднего пути» на всех уровнях социокультурного бытия людей: в политике это золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма»; следовательно, спасение не придет «ни с Востока, ни с Запада», а только с того пути синтезирования достоинств обеих форм современной цивилизации, который впоследствии назовут «конвергенцией» или «диалогом».

Таким образом, среди инструментария формирования эффективной демографической политики государства, речь может идти о гармонизации внутрисоциальных, внутрикультурных, социокультурных отношений в общественной среде, о преодолении антигонизмов между принципами общественного бытия прошлого и настоящего периодов.

Формирование новой социокультурной среды предполагает восполнение старой биологической формы совместной жизни и деятельности людей и обеспечение объективной потребности в социальном воспроизводстве, самоосуществлении и развитии.

Качество и образ жизни различных слоев населения как условие формирования эффективной демографической политики

В процессе общественного развития в России сформировалась новая социальная реальность, суть которой состоит в том, что 21,0% населения живет за чертой бедности,

17,0 % — на грани бедности, 24,0 % — малообеспеченные, 20,0–30,0 % — средний класс, относительно благополучные с материальной точки зрения слои населения, 5,0 % — высший средний класс и около 1,5 % — состоятельные слои населения. К настоящему времени сложилась ситуация, когда свыше 60,0 % населения характеризуется тремя параметрами жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности». При этом основное недовольство населения замыкается на базовые ценностно-мировоззренческие позиции, включая распределение собственности, распределение доходов и т. п. Собственность, в интерпретации Н. А. Бердяева, становится средством самоидентификации. Это то, что отделяет меня от других, мое место, граница индивидуального мира, или «мещанского мирка», как сказали бы в не столь давнем прошлом. Человек не может идентифицировать себя иначе, как через сопоставление с другими, при этом собственность выступает некоей модификацией телесности — она срастается с собственником, свидетельствует о нем, выделяет из большой общности, подтверждает право на индивидуальность или на принадлежность к значимому для меня кругу людей — опять-таки в зависимости от характера притязаний.

К. Маркс характеризовал этот процесс как бытие отчужденное, в котором жизнь человека подменяется «жизнью» частной собственности. По всей вероятности этот вывод является не совсем справедливым, так как процесс отчуждения скорее связан с разрывом между индивидуальным «Я», семейным или родовым началом и коллективным, реализующимся в сфере труда и общественной жизни. В. К. Гавришин отмечал, что «Собственность и является механизмом такого способа существования»... посредством которого «индивиды получают своеобразный способ автономизации и, од-

новременно, втягиваются в социально-исторический процесс». Частью этого социально-исторического процесса, как мне представляется, является демографическая политика государства, направленная на социальное воспроизводство населения. И здесь необходимо отметить существенный аспект воспроизводства населения, а именно: рыночный тип характера человека. Э. Фромм видит его сущность в восприятии человеком самого себя как товара, а собственной ценности как меновой. Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать хорошим товаром». Как следствие, в жизнедеятельности человека преобладающей ориентацией становится ориентация на обладание — приобретение собственности и неограниченное право сохранять все, что приобретено, а также ориентация на бытие — продуктивном использовании своего потенциала: имущественного, образовательного, творческого, интеллектуального и т. п. Н. Н. Семенов, отличая стремление к гуманизации общественных отношений, писал, что «Общественное устройство, преследующее отмеченную гуманистическую цель, должно ставить новые идеалы, которые увлекали бы людей, развивали их творчество, приводили бы к расцвету личности, при одновременном укреплении коллективного взаимодействия, к развитию взаимоуважения и взаимопомощи». И здесь встает вполне очевидный вопрос о качестве и образе жизни личности, человека, населения в целом. Без этих компонентов, определяющих жизнеустройство населения, видимо, трудно говорить о социальном воспроизводстве населения, росте рождаемости, сокращении смертности и т. д.

Качество населения, является ключевым понятием термина «качество жизни», который ввел в научный оборот Дж. Кенеди в послании Конгрессу США в 1963 году.

Категория «качества населения» может быть измерена индикаторами, характеризующими уровень здоровья, образован-

ности, культуры, нравственности. Отмечу, что нравственность в концептуальном понимании демографической политики государства практически не применяется. Однако она представляет собой одну из основных форм человеческого сознания и самосознания, выступающую способом регуляции и саморегуляции жизнедеятельности и жизнеспособности людей.

Нравственность выражается в осознанном поведении человека по отношению к самому себе, к другим людям, к поселенческой общности, к органам власти и, в конечном счете, к своей родине. И. И. Сигов и Е. Г. Слуцкий пишут, что «К исторически сложившимся представлениям о добре как критерии нравственности относятся трудолюбие, совесть и справедливость, честь и достоинство, готовность к самопожертвованию во имя общих интересов. Эволюция норм нравственности (морали) трактуется как процесс становления «человеческого в человеке, формирование гуманистических отношений между людьми».

Иными словами, качество населения можно рассматривать следующим образом:

1) важнейшее достояние любого государства, своего рода конечный итог его развития за тот или иной период. За этот период качество жизни может неоднократно меняться под влиянием тех или иных конкретных обстоятельств (неурожаев, войн, ошибочных решений власти и т. д.). При этом далеко не всегда высокой комфортности жизни тех или иных социальных слоев соответствуют их высокие человеческие качества (об этом красноречиво свидетельствует современный российский опыт). Известно, что различные государственные образования в истории отличались, в конечном счете, не тем, что люди ели и пили, как одевались и насколько комфортно жили, а тем, какую духовную и материальную культуру оставили после себя;

2) не только цель, но и основа развития главной производительной силы общества — экономически активного населения. От уровня этого качества зависит состояние трудовых ресурсов (трудового потенциала) государства как движущей силы его развития и повышения качества жизни;

3) общественное явление, не имеющие своих пределов, позитивно влияющее на формирование системы природопользования, физическое и духовное развитие населения;

4) индикатор социально-бытовой, экономической, политической, социально-психологической и экологической сфер жизнедеятельности населения.

По сути, повышение качества населения связано с процессом реализации основных положений социальной политики. Не случайно А. Кемпбелл связывал термин качества населения с такими понятиями как потребность в материальных благах, межличностном общении, самореализации».

Можно полагать, что ощущения удовлетворенности или неудовлетворенности населения качеством жизни становится определяющим в выборе позиции, связанной с воспроизводственными процессами декларируемыми государством в своей демографической политике.

Каким же образом достигается рост качества населения?

По моему мнению, качество населения обеспечивается за счет достижения целевых установок экономического и социального развития, включая: во-первых, за счет ориентации на рост реального потребления всех слоев населения и выбора для этого соответствующих средств; во-вторых, поддержки производства потребительских товаров, ценовой, кредитной, инвестиционной и налоговой поддержки товаропроизводителей; в-третьих, формирования политики доходов, обеспечивающей равные возможности роста потребления для всех слоев населения. Несомненно, решение подобных задач связывается

с наличием достаточной товарной массы; конкуренцией между товаропроизводителями; упорядочением ценообразования; социальной ориентацией финансово-кредитной системы; развитием инфраструктуры рынка; этики и культуры делового общения, повышением духовности членов общества, ростом его морально-нравственного уровня; декриминализацией и декоррупцированностью и т. п. По сути, речь должна идти о применении мер государственного регулирования экономики, без которых ее социальная ориентация затруднена, а скорее, и невозможна. Какова же роль налогов в решении этих задач? К настоящему времени воздействие налогов проявляется через изменение цен на товары и услуги, объемов производства, заработной платы, средств, выделяемых на развитие предприятий. И вместе с тем, как считал С. Ю. Витте, «государство, обладая правом отчуждать в свою пользу посредством налогов некоторую долю имущества частных лиц, должно руководствоваться в своей налоговой политике определенными эстетическими и экономическими началами, в противном случае, отягощая население несправедливыми и непосильными поборами, оно подрывало бы самый смысл и разумное основание своего существования».

Вроде бы, проблема обозначена, и ее разрешение теоретически и практически видимо. Однако основным противоречием экономического роста и процессов регулирования уровня и качества жизни населения является, с одной стороны, резкое сокращение производимой товарной массы, измерение экономического роста по показателям стоимости товаров и услуг, рост издержек производства, ухудшение финансового положения предприятий (несостоятельность, банкротство), недостаточная сбалансированность политических, экономических и социальных реформ, а с другой — несоответствие социальной функции налогов показателям уровня и качества жизни населения.

Так, например, уровень жизни характеризуется следующими показателями: доход, жилищные условия, занятость, условия

труда, рабочее время, заработная плата, покупательная способность, нетто заработной платы (что можно купить за один час работы), здоровье, уровень образования и т. п.

В свою очередь, качество населения может быть представлено более сложными индикаторами, такими как: отношение к другим людям (семейное положение, отношение к окружению, принадлежность к общественным организациям); отношение к обществу (сопричастность к общественному развитию, социальная активность, отсутствие страха и чувство безопасности в среде обитания, гражданская позиция и ответственность, чувство долга); отношение к культуре (культурные традиции, культурная активность в свободное время, культурная инициатива); отношение к природе (разумное пользование природными ресурсами: отдых, спорт, туризм, неразумное пользование природными ресурсами: загрязнение, уничтожение и т. п.); способ ориентации и организации жизнедеятельности и жизнеобеспечение (спонтанная жизнь, жизнь концептуальная, соответствующая общепринятым идеалам, жизнь, направленная на удовлетворение только личных потребностей, жизнь, связанная с отрицанием общественных установок и ценностей).

В процессе интервьюирования населения Санкт-Петербурга мной установлено, что уровень жизни при фиксированном экономическом росте в России в 7,0% в год постоянно имеет тенденцию к снижению: по показателю доходов населения (–) 2,0% в год (разница между ростом доходов и инфляцией); по показателю жилищных условий (–) 1,5% в год (рост числа проживающих на м² жилой площади); по занятости (–) 0,5%; по покупательной способности (–) 22,0% в год; нетто заработной платы (–) 10,0% в год; уровень образования (+) 4,0% в год; здоровье (–) 3,5% в год (затраты на лекарства и медицинское обслуживание к предыдущему периоду).

Что касается качества населения, то здесь ситуация еще более сложная. До 75,0% населения ведут обособленный образ жизни и не пользуются культурными услугами (кино, театры, массовые мероприятия); до 70,0% пассивны в общественной жизни; до 85,0% проявляют тревогу в связи с ростом криминальной обстановки; до 60,0% скептически относятся к «чувству долга» и к проявлению гражданской позиции и т. д.

Представленные экономические характеристики уровня и качества жизни, включая качество населения, позволяют утверждать, что имеет место необходимость осуществления социального регулирования общественного благосостояния как в процессе коррекции, так и развития системы налогообложения.

Обусловленность социального регулирования общественного благосостояния, как обобщающей характеристики уровня и качества жизни, в связи с развитием системы налогообложения состоят в том, что в ней:

— пересекаются интересы различных субъектов хозяйствования и социальных общностей (групп), проявляются противоречия между ними и достигаются компромиссы;

— любые деформации в соотношениях налоговой нагрузки нарушают каноны социальной справедливости в распределении и перераспределении созданных в обществе благ;

— формируется инструментарий регулирования социальных и экономических процессов в обществе, средства социального контроля экономической деятельности;

— будучи детерминированным общественным развитием, формируется способ реализации важнейших целей социального развития, включая главную из целей — все более полное удовлетворение потребностей всех членов общества в материальных, духовных и социальных благах.

При этом чрезвычайно важно, что роль налогообложения в процессе формирования системы социального регулирования

общественного благосостояния двойка. С одной стороны, налогообложение является инструментом организации, планомерного регулирования и финансового стимулирования деятельности хозяйствующих субъектов, направленной на производство необходимых обществу благ; а с другой — выступает в качестве метода регулирования и контроля над процессами социального развития и социальной дифференциации в обществе.

Можно сказать, что в данном контексте налогообложение следует рассматривать как социальную деятельность, связанную с регулированием экономических и социальных параметров в обществе.

Выступая в качестве социального процесса и социального действия, налогообложение является:

- основным источником получения доходов государства;
- механизмом перераспределения благ внутри общества;
- регулятором экономической активности общества (уровень налогообложения непосредственно влияет на спрос и предложение факторов производства (труда и капитала), уровень потребления, сбережения и инвестиций и т. п.);
- способом обобществления национального продукта (национального дохода);
- механизмом влияния на формирование экономических условий формирования и реализации демографической политики государства.

Такое положение обусловлено тем, что сущность любой общественно-экономической системы заключается в особом типе отношений производства, распределения, обмена и потребления благ и услуг. Если на стадии производства основополагающая роль принадлежит отношениям собственности на факторы производства, то в процессе распределения все возрастающую роль играет социальное регулирование экономических процессов. Современное государство должно выполнять

широкий спектр социальных задач, осуществление которых возможно исключительно при централизованном аккумулировании значительных финансовых ресурсов и т. п.

Если рассматривать социальную составляющую функции регулирования экономических процессов, то в качестве основы функционирования системы регулирования благосостояния я бы выделил хозяйственный механизм и входящие в него подсистемы, по сути «обслуживающие» процесс социального воспроизводства — планирование, экономическое и социальное стимулирование, организацию быта населения и досуга, транспорт, жилье, медицинское обслуживание, образование.

В контексте проводимого исследования важно отметить, что механизм социальной политики государства по социальному воспроизводству населения предполагает:

— определение и сравнительная оценка реального качества жизни всех социальных групп и слоев населения;

— прогноз перспектив возможных изменений положений социальных групп и слоев населения под воздействием различного рода факторов;

— разработку основных принципов, целей, задач формирования и реализации программы действий и мер по социальному развитию общества, исходя из состояния и возможностей экономики;

— выявление общих и специфических проблем развития каждой социальной группы и каждого социального слоя населения;

— разработку проектов и программ поиска источников финансирования мероприятий по разрешению социальных противоречий и социальному развитию;

— исследование социального самочувствия социальных групп и социальных слоев населения в процессе проводимых преоб-

разований с целью построения гибкой налоговой политики, обеспечивающей равновесие экономического и социального;

— выработку мер по социальной защищенности населения и особенно многодетных семей у молодежи, лиц преклонного возраста и т. д.;

— повышение личного трудового вклада в удовлетворение материальных, нравственных, духовных, культурных потребностей населения и ликвидацию на этой основе иждивенчества, социальной апатии, возможности получения нетрудовых доходов;

— построение нового механизма осуществления социальной политики, обеспечивающего цивилизованный уровень и качество жизни населения.

На различных этапах развития России качеству жизни населения придавалось практически всегда особое внимание, касалось ли это вопросов дифференциации людей по условиям их жизни, состоятельности, семейной обеспеченности и т. п. Однако при повышении внимания к производственно-техническим аспектам производства, росту производительности труда, экономии материальных ресурсов в начале и середине прошлого века показатель качества жизни рассматривался лишь как сопутствующий социально-экономическому развитию.

И в этой связи, благодаря лишь работам В. И. Гурьева, И. И. Елисеевой, Н. М. Римашевской, В. М. Рутгайзера, П. Н. Шпилько, Н. П. Федоренко и некоторых других исследователей, качество жизни населения стало предметом особого внимания и включено в состав группы социальных показателей Российской государственной статистики. Но если Н. П. Федоренко и рассматривал качество жизни населения в контексте развития потребностей людей, состояния и способов их удовлетворения применительно со сферами жизнедеятельности: сферой труда, потребления, культуры, репродуктивного поведения, общественно-политической

жизни, то уже И. И. Елисеева полагала, что качество жизни — это степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей. Примерной позиции придерживались В. М. Рутгайзер и П. Н. Шпилько, полагавшие, что качество жизни определяется как субъективная оценка степени удовлетворения материальных и духовных потребностей. В дальнейшем понятие качество жизни достаточно трансформировалось и стало включать еще качество условий проживания, качество среды обитания, качество коммуникационного обеспечения. Вместе с тем необходимо отметить, что качество жизни все чаще произносится в контексте уровня и условий жизни, хотя, как мне представляется, оно выражает вполне самостоятельные общественные отношения, а именно: к другим людям, обществу, культуре, природе. Следовательно, было бы правильным, по моему мнению, считать качество жизни более сложным понятием, зачастую определяющим формирование условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения, потребности в труде и уровень доходов, а в конечном счете — и уровень общественного благосостояния. Видимо, целесообразно раскрыть более детально эту позицию. Например, почему качество жизни в новой интерпретации соотносится с отношением к другим людям: семейным отношениям; жизнью в одиночку либо с семьей, составом дружеских и товарищеских отношений с окружающими людьми на работе, в быту, в общественной жизни?

Во-первых, жизнь человека, как известно, во многом зависит от его окружения. В зависимости от окружения формируется облик индивида, его ценностные ориентации и предпочтения, нравственные и духовные позиции, достаточность и самодостаточность в сфере потребления, что, в конечном счете, может быть охарактеризовано показателем комфортности жизни либо социальным самочувствием.

Во-вторых, дружеские и товарищеские отношения становятся основой формирования среды обитания человека, которая также может быть комфортной или нет и оказывать самые различные влияния на поведение человека, его общественные и материальные притязания.

И здесь важное значение в формировании демографической политики государства приобретает стимулирование брачных отношений (помощь молодым семьям в приобретении жилья, предметом первой необходимости и т. п.), стимулирования деторождения с помощью предоставления льгот, преференций, субсидий, единовременной помощи, а также формирования комфортных условий проживания.

Качество жизни через призму отношения человека к обществу так же, по моему мнению, является определяющим в росте общественного благосостояния и соотносится с участием человека в общественных решениях, например, в вопросах градостроительства, безопасности проживания, гражданской ответственности и т. п. Отлучение людей от этих вопросов приводит к нарушению их конституционных прав, например, в вопросах качества условий проживания при нарушении норм застройки, строительства питейных заведений рядом со школой или детским садом, создания наркологического кабинета рядом с молодежной дискотеккой. Как следствие, снижается и комфортность проживания людей, и их социальное самочувствие.

Думается, не вызывает сомнений, что культура человека выступает важнейшим социальным индикатором качества его жизни. М. С. Каган подчеркивает, что «культура необходима обществу для восполнения отмершей биологической формы регуляции совместной жизни и деятельности людей, а общество необходимо культуре для обеспечения ее потребности самоосуществления и развития». Замечу, что общество и культу-

ра являются средой воспитания личности, делая этот процесс двусторонним — одновременно социализацией и культуризацией индивида. Но при этом необходимо иметь в виду, что в одной и той же социальной среде мы встречаемся с широким разбросом уровней и качеств культуры в разных людях. Посредством культуры и в связи с культурой человек включается в систему социальных отношений. А эти отношения выражаются социокультурной реальностью, составом культурных действий, свободой самовыражения и саморазвития, уровнем организации совместной жизни людей.

Качество населения, уровень его благосостояния в определенной мере могут явиться мотивом формирования образа жизни различных социальных слоев, который, несомненно, необходимо учитывать в вопросах формирования демографической политики государства.

Известно, что наука опирается на субъективную психологию человеческих мотивов. Мотив, в данном контексте является «центральной научной термином». Чем обусловлена подобная интерпретация мотивации. Во-первых, понятия «общество», «ценность» не всегда выясняют структуру и объем «мотивационной силы» нормативных и общественных переживаний, их «давления на поведение» индивида, поселенческой общности, на переживание и эмоции, социальное самочувствие и социальные реакции. Во-вторых, в отличие от сравниваемых понятий, мотив носит более активный, динамический характер, определяющий, в конечном счете, не только поведение человека, социальных групп, но причины этого поведения, возможности его социального регулирования посредством применения таких экономических механизмов, каким является налогообложение.

Основными факторами такой активности мотивов являются: экономические условия, способствующие развертыванию

многообразия форм собственности, политические условия, социальные условия — система механизмов, которые обеспечивают социальное равенство и идеологические условия. Эти выводы можно подтвердить и тем, что повышение экономической активности в условиях перехода к рынку связано не только с экономическими реформами, но и с преодолением тенденций расслоения общества и установок на созидательный труд, формирование свободной творческой личности. Поэтому уровень экономической активности зависит от степени развития тех или иных интересов личности, от эффективного функционирования социальных и политических институтов, от эффективного развития рыночных мотивационных механизмов. Следовательно, формирование новых мотивационных механизмов будет напрямую зависеть от уровня развития экономической активности человека.

В этой связи трудно не согласиться с теми экономистами, которые полагают, что пока еще «наша экономика с позиций конечного результата (уровня социально-экономической эффективности производства и общественного благосостояния) является слаборазвитой... Поэтому трактовка механизма «рынок — мотивация — конкуренция» является во многом исходной в плане понимания основных целей и задач регулирования мотивационных процессов участников хозяйственной деятельности». Но что касается рынка как такового, то необходимо различать два их типа. Во-первых, так называемый промежуточный тип, когда последний создается путем принятия государством административных актов, нацеленных преимущественно на снижение спроса, а не на рост производства товаров. Здесь примером может служить политика «шоковой терапии» Бальцеровича в Польше, когда основные меры сводились к тому, чтобы с помощью методов финансово-денежного регулирования снизить потребительский спрос.

Именно такой тип рынка является промежуточным, поскольку создает лишь изначальные основы механизма мотивации и конкуренции.

Во-вторых, тип целевого рынка, главным средством создания которого является рост производства товаров, которые не только предлагаются, но и покупаются. Достичь такого состояния можно только тогда, когда задействуются механизмы стимулирования высокопроизводительного труда в сфере материального производства.

Определенные опасения и социальную озабоченность вызывает низкий уровень базовой мотивации населения к труду. Нельзя не согласиться с А. А. Сарно, который утверждает, что наиболее настораживающим симптомом здесь является резкий спад мотивированности населения к труду, произошедший в период 1989–1993 гг., а также отсутствие симптомов не только повышения, но хотя бы восстановления до прежнего уровня, трудовой мотивации в последующие годы. Было бы неверно обвинять в этом только работников, скорее причина утраты трудовой мотивации в создаваемой общественной среде, целью которой является потребление благ и услуг. Из этого вытекает важный вывод, что в условиях формирования новой общественной среды важно определить механизм стимулирования социальной заинтересованности в возрастании и культивировании общественной значимости демографической политики. М. Вебер отмечал, что люди всегда представляют себе то, что может побудить их к позитивному действию. Это тем более верно хотя бы потому, что мотиватором различных групп населения в социальном воспроизводстве выступает комплексная социальная, субкультурная среда, в которой находятся эти работники и которая может быть представлена такими компонентами, как:

— контактная среда (неформальные организации в структуре персонала; профессиональные объединения и клубы; родственные связи; коммуникативная среда территориальной общности и др.);

— система образования, профессиональной подготовки и переподготовки;

— социально-структурная среда (сложившийся механизм социальных статусов, структура субкультурных групп, социальная стратификация населения, системы обеспечения социальной защищенности трудоспособных категорий населения и т. п.);

— символическая реальность (социальные нормы и поведенческие стереотипы, степень приоритетности трудовых ориентаций в системе ценностных ориентаций населения);

— информационная среда (общественное мнение населения, средства массовой информации, реклама и др.).

Отмечу также, что в сознании многочисленных групп трудоспособного населения по-прежнему присутствует представление о том, что мотивируемость к труду и активной экономической деятельности — это тот фактор развития страны и ее отдельных территориальных образований, который доступен целенаправленному регулированию силами представительной власти. Соответственно, на разных уровнях организации процесса экономической деятельности должна формироваться общая стратегия воспроизводства и наращивания мотивационного потенциала. В сознании широких групп экономически активного населения появление такой стратегии будет ассоциироваться с усилением системной целостности общества и с возрастанием функциональности существующих государственных (муниципальных) структур, которые ответственно идентифицируют себя с задачей формирования и культивирования перспективных мотивационных процессов общественно полезного образа жизни населения.

Ранее исследования образа жизни населения исходили из понятия того, что «уровень жизни» и «качество жизни» характеризуют количественную и качественную стороны образа жизни. При этом качественная сторона образа жизни считалась однопорядковой по своему содержанию с понятием качество жизни.

Более развернутой позиции в определении образа жизни придерживается С. Видершпиль, который полагает, что «качество подлинно человеческой жизни характеризуется удовлетворением интеллектуальных, общественных и других потребностей высшего порядка (соучастие, принадлежности и связи с другими, признания, знания, понимания, самореализации), включая и отношение человека к труду, к другим людям, к обществу, а также возможности распоряжаться интеллектуальными, культурными, политическими ресурсами; трудовую и политическую и культурную активность; характер и интенсивность социальных связей (семейных, дружеских, среды, товарищеских, трудовых, национальных, интернациональных). Показателем, характеризующим качество жизни, является также уровень преодоления отчуждения, измеряемый чувством необходимости в своей среде и в обществе, а также личным престижем».

На практике приходится сталкиваться с ситуацией, когда со стороны макроструктур происходит навязывание таких путей и способов преобразования общественной среды, при которых не учитывается менталитет, потребности, интересы и ценности значительной части населения. А это, как справедливо отмечает, З. Бауман приводит к отрицанию общественных орудий трансцендентности и «человек остается наедине с той задачей, которую решить самостоятельно большинство людей не имеют никакой возможности».

В этой связи заслуживают внимания объединительные парадигмы Э. Гидденса, П. Бурдьё и Ю. Хабермаса. В них

дается критика структурных и интерпретивных теорий, принята попытка преодолеть традиционную поляризацию объективного и субъективного, социологического реализма и номинализма и осуществить их интеграцию. Так, концепция современности Э. Гидденса включает в себя анализ макро и микромира, процессов глобализации и диспозиций личности, социальных институтов и поведения индивидов. В теории структуризации им раскрывается связь между структурой и действиями людей, что, по его мнению, позволяет разрешить традиционный спор между детерминистами и волюнтаристами. Дуализм структур провозглашаемый Э. Гидденсом, означает, что они существуют не только в виде регулярно воспроизводимых правил и ресурсов, но и как «отпечатки» социальной практики в памяти индивидов, которые дают представления о возможностях людей и тем самым позволяют им воспроизводить социальную жизнь в различных формах.

Центральное понятие теории П. Бурдьё «габитус» представляет собой «систему прочных приобретенных предрасположенностей» индивидов. Он задается «сверху», формируется объективной социальной средой. Вместе с тем габитус выступает как активная способность людей, благодаря которой они вносят изменения в существующие структуры и в повседневные практики.

Несомненный интерес с точки зрения рассматриваемой проблемы представляют и многие положения теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Особое значение здесь приобретает разделение социальной действительности на две области, границы между которыми подвижны и проницаемы. Речь идет о «жизненном мире» и «системе». Если первый в известной мере можно отождествить с микро, то второй с макромиром. Жизненный мир — источник движения и противоречий. Он частично отчуждает себя во внешний мир, в результате чего

оказывается зависимым от социальных структур, и поэтому вынужден адаптироваться к ним, подчиняться системе. Вместе с тем «жизненный мир», обладая самостоятельностью, может с различной силой противостоять давлению «системы» и более того — изменять ее.

Что из этого следует? Во-первых, то, что образ жизни, во многом, по родовым позициям связан с термином «социальная жизнь». Во-вторых, без учета социальной жизни населения практически невозможно воспроизвести сколь-нибудь эффективного механизма демографической политики государства. В развитие этого тезиса поясню свою позицию следующим образом.

Социальная жизнь — процесс сохранения, воспроизводства и развития индивидов и общностей, выступающих в ней в качестве и объектов, и субъектов. Она непосредственно сопряжена с удовлетворением их потребностей, реализацией интересов, ценностей и жизненных стратегий, содержит в себе сознательное и стихийное начало, рациональную и эмоциональную компоненту. Социальная жизнь протекает на основе конкретных материальных и духовных предпосылок, условий и средств, зрелость которых существенно влияет на ее содержание и характер. Являясь процессом сохранения, воспроизводства и развития индивидов и общностей, она интегрирует в себе различные факторы и явления, превращая их в свои предпосылки, условия и средства и, тем самым, включает их уже в новые связи и отношения. Связанная с гражданским обществом, она обнаруживает свою самостоятельность по мере его становления. Если прежде общество служило государству, то в новое время государство превращается в один из институтов, призванных способствовать реализации общественных интересов.

Социальная жизнь пронизывает все другие виды жизнедеятельности общества и, в свою очередь, сама испытывает воздействие с их стороны.

Рассматривая социальную жизнь, респонденты (58,1%), с своей повседневной жизни будут преследовать личные интересы, ориентироваться на достижение своих целей и на личную выгоду (29,5%). Польза обществу и стремление преследовать общественные интересы оцениваются соответственно в 6,1% и 6,3%. Подобный индивидуализм суждений свидетельствует о том, что образ жизни большинства респондентов весьма индивидуален и изолирован от общественных интересов. А как известно основой общественного бытия, элементом которого является процесс социального воспроизводства, являются умение человека помочь самому себе, его коммуникативные способности, умение понимать других людей, их чувства и переживания. Для социального здоровья важно осознание своей социальной зрелости, социальной компетентности и социальной активности и, пожалуй, главное — это гармония нравственно-духовного и материального, ее реализация в социальной жизни. Причем, для общественно значимого образа жизни человека очень важна общая направленность мотивов жизнедеятельности, его ценностных ориентаций и установок. А среди них преобладают, к сожалению, не ориентации на семью, труд, социально-трудовые отношения, социальное воспроизводство, а на потребление, удовлетворение индивидуальных интересов в общении и т. п. Такие индивидуалистические ориентации, как правило, ведут к дисгармонии внутреннего и внешнего мира человека, к дисгармонии его духовного и материального, к нарушению равновесия в социальном взаимодействии между людьми, между личностью и обществом.

В период общественных трансформаций как никогда необходима мера обязанностей и мера ответственности в социальном взаимодействии между индивидом и обществом, между семьей и обществом; мера во взаимодействии между социальной и индивидуальной компонентами образа жизни населения.

**Глава III. Социально-экономические
трансформации и механизм реализации
демографической политики государства**

Развитие воспроизводственного потенциала семьи и семейных отношений

В условиях формирования в России гражданского общества, появления новых социальных связей, семья становится уникальным интегрирующим и консолидирующим началом в осознании необходимости социального воспроизводства, своеобразным экспертом общественной среды осуществления государством демографической политики. Как следствие, государство и его социальные институты заинтересованы «в нормальной, активно действующей семье, способной выработать новую жизненную стратегию, не только обеспечить собственное выживание в условиях нестабильно трансформирующего общества, но и успешно развиваться».

Семья в настоящее время все чаще рассматривается как объект макросоциального воздействия со стороны государства и как субъект влияния не только жизнедеятельность своих членов, социальное окружение, социокультурную среду, но и как активная ячейка общественного развития, определяющая контуры демографической политики. Однако, выявленные в процессе проводимого исследования деструктивные тенденции социального воспроизводства, процессов социализации, рост социальной криминологии, то есть развитие общественной среды, несомненно ограничивают роль семьи в демографическом развитии.

В частности, в документах Комитета по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы РФ отмечались следующие негативные тенденции в российской действительности:

— увеличивается малодетность семьи (доля однодетных семей достигает 31,0% от общего числа семей, с двумя детьми — 21,4%, а многодетные семьи составляют лишь 5,3%);

— активно растет число неполных семей (в настоящее время в России их около 5,2 млн; из них 98,0% составляют семьи, состоящие из матери и одного ребенка);

— увеличивается численность социально незащищенной, уязвимой группы детей, в первую очередь детей из бедных семей;

— снижается воспитательный потенциал семьи; на учете в органах внутренних дел состоят 125,0 тыс. родителей, уклоняющихся от воспитания детей или оказывающих на них отрицательное влияние; более 1,0 млн детей не посещают школы; 70,0% подростков в таких семьях употребляют наркотики;

— растет детская беспризорность и безнадзорность, более 50,0 тыс. детей ежегодно убегают из своих семей; в семьях совершается около 30,0% умышленных убийств, ежегодно около 2,0 млн детей жестоко избиваются родителями, а порядка 2,0 тыс. детей заканчивают свою жизнь самоубийством.

Т. Т. Поспелова отмечает в рамках исследовательского проекта «Семья и социальное здоровье молодежи», что в семьях 28,0% респондентов оценивают свое материальное положение как «вполне обеспеченных людей», 64,0% — среднеобеспеченными и 8,0% — испытывающими финансовые трудности.

Большинство опрошенных респондентов проявляют интерес к истории семьи — 74,0%, 49,0% — считают сложившиеся в семье отношения хорошими, 43,0% — отмечают отсутствие взаимопонимания, 8,0% — указывают на сложности во взаимоотношениях.

Молодежь в семьях в плане организации в будущем личной жизни имеет установки на семейные отношения, а именно на создание своей семьи—30,0%, 35,0% — предпочитают свободные, не связанные с браком отношения, 30,0% — допускают различные варианты отношений.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные отражают общие тенденции в структуре семейных отношений,

слабо ориентированные на социальное воспроизводство, на участие в реализации демографической политики государства.

Причины этого положения, как мне представляются, не только в общественной среде, но и в положении женщины в обществе.

Реальный ход тендерных процессов в современной Российской экономике не соответствует провозглашенной политике и идеологии реформ. Традиционализм в социально-экономических отношениях укрепляется. Эту ситуацию отражает, например, структура занятости по сферам собственности: всего 6% женщин и 8% мужчин работают не по найму, в том числе только 0,6% женщин и 1,2% мужчин выступают как работодатели, остальные вынуждены продавать свою рабочую силу. Среди работодателей женщин всего 30%, при этом они в основном представляют малый бизнес. Нельзя говорить о каком-либо существенном изменении экономического и, прежде всего, социально-трудового положения женщины.

Более того, на мой взгляд здесь наблюдаются чрезвычайно негативные тенденции. Из 12 млн. потерявших за период 1996–2006 гг. работу 8 млн. составили женщины. Женщины были вытеснены в первую очередь из сферы квалифицированного труда — управления, приборостроения, электроники. Острейший кризис пережила отечественная легкая промышленность, а ведь квалификация ткачихи и прядильщицы сравнима с квалификацией работников машиностроения. Удельный вес занятых женщин в целом по всем отраслям экономики неуклонно сокращается с 51% в 1992 г. до 48% в 2000 г. Даже в традиционно «женских» отраслях, где удельный вес женщин всегда был велик, таких, как финансы, связь, торговля, жилищно-коммунальное хозяйство, начался процесс замещения женщин мужчинами. Хотя после первого «женского» вала «волна» сокращений «накрыла» и «мужские» отрасли — строительство, добыча угля, оборонная

промышленность, лесное хозяйство и т. д., и безработица стала приобретать мужские черты. Процесс адаптации экономики к новым рыночным условиям оказался явно сегментированным в тендерном аспекте.

Современная Российская экономика не стала фундаментом реального равноправия женщин, не предоставила женщинам равные с мужчинами возможности в выборе жизненных стратегий. В структуре занятости женщин произошли неблагоприятные сдвиги. Так, в 90-х годах неуклонно снижалась доля индустриального труда: в сфере промышленности, транспорта, строительства и других отраслях производства в 2006 г. трудились 37 % женщин против 50 % в 1990 г. В абсолютном исчислении почти в 2 раза сократились рабочие места, занятые женщинами. А доля сферы обслуживания главным образом торговля, а также услуги, ЖКХ увеличилась до 23% против 16% в 1990 г., здесь наблюдается не только относительный, но и абсолютный прирост занятости. Доля социальных отраслей — здравоохранения, образования, культуры — относительно возросла (30 % против 24 % в 1990 г.), но число рабочих мест, занятых женщинами, осталось прежним. Рекорд сокращений поставила наука: в ней в 1990 г. насчитывалось 1,5 млн. женщин, в 2000 г. осталось всего 645 тыс. Справедливости ради отмечу, что мужчины пострадали в равной степени.

Профессионально-отраслевая структура занятости женщин служит еще одним подтверждением укрепления традиционных начал в социально-экономической сфере, которые в недавнем прошлом были довольно успешно потеснены. Даже на благополучных предприятиях сферой приложения женского труда остаются, как правило, должности, не требующие высокой квалификации — такие, как штамповщицы, упаковщицы, секретари, в то время как мужчины занимают должности, требующие высокого уровня общего и профессионального образования —

менеджеры, мастера, операторы станков с программным управлением, ремонтники.

Но в современной Российской экономике возникли и новые сферы занятости, связанные с развитием информационной и рыночной инфраструктуры, где женщины в конкуренции с противоположным полом сумели отвоевать достойное место. Так, в организациях, обеспечивающих функционирование рынка, среди специалистов по рекламе, имиджмейкеров их 40–50%. Появились профессиональные группы женщин, обслуживающих избирательные кампании, 10% депутатов в Государственной думе — женщины. Новой профессиональной областью стала, кроме того, армия, где они служат офицерами, прапорщиками и мичманами, солдатами. Однако офицерские звания имеют всего 3% женщин-военнослужащих. И здесь возникает вполне очевидный вопрос: надолго ли задержатся женщины на периферии экономики, вернут ли они себе положение равноправного партнера на рынке труда? Вероятно, это в первую очередь зависит от того, сохранят ли они свое преимущество в образовательном уровне. Женщины пока лидируют в области как высшего (35% занятых женщин имеют высшее образование против 29% мужчин), так и среднего профессионального образования (38% против 30%), но при этом они составляют большинство (73%) также и среди безработных с высшим и средним профессиональным образованием, зарегистрированных в службе занятости. Можно полагать, что такая ситуация свидетельствует о том, что женщинам придется осваивать начальное профессиональное образование с помощью краткосрочного переобучения дополнительного овладения вторыми, менее фундаментальными профессиями в целях приспособления к конъюнктуре спроса.

Хочу напомнить, что в недалеком прошлом активно дебатировался вопрос об объективности сложившегося в России вы-

сочайшего уровня занятости женщин в индустриальной сфере с позиций интересов общества и личности. Значительная часть самих женщин желали расширения возможностей больше быть дома, заниматься детьми.

В. К. Потемкин определил, что в семьях в течение суток детьми занимаются всего 7 мин. И здесь имеются вполне объективные причины, когда один супруг (в данном случае — мужчина) не в состоянии материально обеспечить свою семью, что влечет за собой активную занятость женщин.

Объективная потребность в росте доходов семейного бюджета реализовалась в виде мощного сегмента неформальной занятости: по оценкам, это 5–6 млн. женщин — 1/5 численности женщин, занятых в легальном секторе (хотя, конечно, в секторе неформальной занятости преобладают мужчины). Получили распространение вынужденная неполная занятость, срочные контракты, договоры подряда и т. п.

Оценивая ситуацию в России в целом, еще раз подчеркну, что масштабы применения женского труда в экономике по-прежнему велики — около половины занятых. Почему же они остаются столь значительными?

И здесь на передний план выдвигается еще одна важнейшая проблема — цена женской рабочей силы, даже квалифицированной, остается низкой. Это — наследие СССР, где централизованная тарифная политика, хотя официально и устанавливала единые в тендерном аспекте тарифы, но фактически отдавала предпочтение традиционно «мужским» отраслям — тяжелой и добывающей промышленности, строительско-монтажным работам, транспорту.

Существенно хуже оплачиваемыми оказались отрасли с меньшей народнохозяйственной значимостью — легкая и пищевая промышленность, образование, здравоохранение, где преобладала женская занятость. В большей степени мужчинам

выплачивались надбавки за тяжесть работ, северные надбавки, доплаты за сверхурочные. В пользу мужчин складывалась и должностная иерархия, а, следовательно, заработки мужчин практически на любом предприятии и организации были выше (в целом по народному хозяйству на 1/3).

В современной России на внутрифирменном уровне такая дифференциация сегодня постепенно сглаживается. Заработная плата женщин и мужчин одинаковой профессии, работающих в одной организации, достаточно близка (соответствующее соотношение для учителей школ равно в среднем 97%, врачей — 80%, штукатуров — 94% и т. д.).

Но тендерная дифференциация в отраслевом и межотраслевом аспектах, формирующая общенациональный показатель тендерной дифференциации, продолжает оставаться весомой. В 2001 г. Госкомстат провел обследование заработной платы мужчин и женщин, занятых в ведущих отраслях народного хозяйства.

Разброс значений средней заработной платы мужчин и женщин по отраслям составил от 10% в сельском хозяйстве и 17% в образовании до 41% в геологоразведке. Коэффициент дифференциации оплаты труда по полу в экономике России в целом составил 30%. В результате указанного обследования сделаем неутешительные выводы:

- а) заработная плата женщин меньше во всех отраслях, даже в тех, где преобладает женский труд;
- б) дифференциация заработной платы женщин в отраслевом и межотраслевом аспектах существенно меньше, чем мужчин;
- в) в принципе женская отраслевая дифференциация заработной платы аналогична мужской: если женщина работает в традиционно «мужской» отрасли, шансы получать больше у нее выше, чем у женщины такой же профессии, работающей в «женской» отрасли.

Гендерные различия в оплате труда

	Заработная плата (руб. в месяц)		По отношению к наименее опла- чиваемой отрасли (раз)		Отраслевой уровень диф- ференциации оплаты труда (%)
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
Промышленность	1456	1003	3,7	2,3	69
Транспорт	1664	1286	3,5	3,3	83
В том числе: морской	2489	1727	5,1	4,0	69
Связь	1804	1269	3,8	3,0	70
Строительство	1583	1257	3,3	2,9	79
Общественно- коммунальная деятельность	3512	3092	7,4	7,2	88
Операции с не- движимостью	2103	1605	4,4	3,7	76
Торговля, общепит	1284	941	2,7	2,2	73
Геологоразведка	2043	1206	4,3	2,8	59
Здравоохранение	871	684	1,8	1,6	79
Образование	752	642	1,6	1,5	85
Наука	1192	882	2,5	2,1	74
Финансы и кредит	2565	1986	5,4	4,6	77
Госуправление	1828	1546	3,9	3,6	85
Общественные объединения	1141	1021	2,4	2,4	89
Сельское хозяйство	474	429	1,0	1,0	90

Различия в оплате труда образовались давно, это — один из признаков структурно-экономической отсталости России, когда обрабатывающие отрасли потеснены сырьевыми, а домашнее хозяйство преобладает над сферой услуг. Можно объяснить ее условиями производства, финансовыми причинами, традицион-

ной «второсортностью» женского труда, национальным социокультурным фоном и многим другим, но для тендерного анализа здесь принципиально важно другое. При общем низком уровне жизни и цены рабочей силы в РФ оплата труда мужчин чаще позволяет содержать себя и семью на достойном уровне, а оплата труда женщин, как правило, ориентирована только на прожиточный минимум, без учета иждивенца. Сейчас зарплата учительницы, воспитательницы, медсестры, ткачихи, штамповщицы, упаковщицы, лаборантки, уборщицы позволяет лишь удовлетворить самые минимальные потребности. Весьма действенный способ консервации реального неравенства по полу, если принять во внимание институциональное значение самостоятельного дохода в моделях поведения и ролевых функциях женщины и мужчины.

Достаточно неблагоприятны и прогнозы на перспективу: возможный экономический рост, по оценкам, потребует увеличения в первую очередь числа мужских рабочих вакансий (в сырьевых и обрабатывающих отраслях). А, скажем, в образовании — традиционном «бастионе» женского труда — возможно даже сокращение вакансий вследствие демографического спада. Программа развития общественных работ Минтруда менее всего ориентирована на женщин: строительство дорог, городские тяжелые работы, но не надзор за детьми, уход за больными и т. п. И даже президентская программа повышения квалификации управленческих кадров практически полностью ориентирована на мужчин, по крайней мере в ней они представляют значительную большую часть.

Определенные надежды работниц связаны и с возрождением отечественной легкой, текстильной и пищевой промышленности. Отдельные высокотехнологичные отрасли оборонной промышленности также способны предоставить женщинам дополнительные вакансии. Сектор платных услуг, который в на-

стоящее время выполняет не более 25% дореформенного объема работ, при реализации адекватных мер по стимулированию его развития может поглотить значительное количество свободной женской рабочей силы. Большие надежды возлагаются и на развитие женского малого бизнеса и расширение сети некоммерческих организаций по производству социальных услуг. Существенную роль могут сыграть женские неправительственные организации, в которых уже сейчас занято примерно 5–7 тыс. женщин.

Незащищенность социально-экономического положения женщин в современной России обусловлена также несовершенством правовой системы регулирования трудовых отношений, причем проблемы связаны не столько с отсутствием законодательных норм, сколько с несоблюдением трудового и социального законодательства. Судебная система слаба, возможности государственной трудовой инспекции ограничены, пространство действий профсоюзов постоянно сужается, поэтому женщины бессильны перед произволом работодателя.

Исходя из проведенного анализа в этой области, к сожалению предполагается снижение регулирующей роли государства и распространение договорных отношений — преимущественно индивидуальных вместо коллективных. Социально-защитная направленность трудового законодательства замещается идеей «баланса интересов», справедливой только при реальном равенстве партнеров — работника и работодателя. Между тем неравенство сторон при найме очевидно, особенно, если одним из партнеров является работающая женщина, воспитывающая детей. Поэтому трудовое право нуждается, скорее, в адаптации, чем в революционной ломке, имея в виду переходный характер социально-экономических отношений.

В процессе совершенствования трудового законодательства целесообразно избавиться от устаревших, не действующих

щих норм к примеру, тотальное запрещение ночных, тяжелых и вредных работ, несправедливые запреты на профессии, однако настоятельно необходимо сохранить те, которые имеют принципиальное значение для общества — гарантии для работающей женщины-матери в период беременности и ухода за ребенком в возрасте до 3-х и более лет. Другие аспекты положения женщины-матери на производстве, видимо, рационально регулировать на основе не запретительных, а согласительных процедур. Закрепление особого положения женщины-матери в трудовом законодательстве не является дискриминацией, поскольку направлено на выравнивание возможностей работающих по полу и семейному положению.

Не последнюю роль с точки зрения улучшения социально-экономического положения женщин должна сыграть и налоговая политика. Вместо распределения бюджетных пособий по бедности эффективнее поддерживать работающих граждан, имеющих детей и иждивенцев на основе принципа посемейного обложения. Не говоря о более справедливом распределении доходов с учетом величины семьи это могло бы способствовать более толерантному отношению населения к уплате налогов государству. Возможно, что новая модель посемейного налогообложения, учитывающая доходы, размер и состав семей, предоставит налогоплательщику возможность выбрать наиболее удобную форму уплаты налогов. В этой системе объединяются все члены семьи с и доходами (или их отсутствием), как трудоспособные, так и нетрудоспособные. При этом разрабатываются и апробируются различные виды шкал: по конкретному валовому доходу при данном составе семей или по нарастающему душевому доходу на члена семьи варианты может подсказать зарубежная и мощная юридическая практика. Реализация данного предложения очень важна, в том числе и для женщин, занятых исключительно домашним трудом,

роль которого в создании национального и семейного дохода не признается как альтернатива профессиональной занятости. Посемейное налогообложение вознаградит его в виде экономии на уплачиваемых семьей налогах.

При анализе статистики занятости и безработицы возникают вопросы. Почему мужчины составляют большинство среди безработных, а в результате процессов, происходящих на рынке труда, работу теряют в основном женщины? Кому и зачем нужна такая статистика безработицы, которая не выявляет, а искажает и запутывает проблемы на российском рынке труда? Этот парадокс нельзя объяснить, если рассматривать только количественную сторону процесса. Однако при сущностном подходе к происходящему можно сделать ряд выводов.

Первый. Между мужской и женской безработицей в России имеются качественные различия: большинство безработных мужчин достаточно быстро находят новую работу, в то время как основная масса женщин, вытесненных из общественного производства, теряют ее надолго или практически навсегда. К такому же выводу пришли другие авторы, изучавшие инвестиции в человеческий капитал: «Причиной высокой безработицы женщин является значительный их отток в категорию экономически неактивного населения, а относительно высокий уровень безработицы среди мужчин обусловлен высокой вероятностью их перехода из категории занятых в категорию безработных».

Второй вывод касается дискриминационного характера государственной политики занятости по отношению к женщинам: государством не только не принимаются никакие меры по выравниванию прав и возможностей женщин на рынке труда, а, напротив, маскируются и замалчиваются проблемы женской занятости и безработицы. Аналогичные выводы были сделаны и Международной комиссией по наблюдению за пра-

вами человека (Human Right Watch), изучавшей положение женщин в российской сфере труда. По мнению международных наблюдателей, «органы власти не просто далеки от того, чтобы бороться с дискриминацией по полу, они сами активно участвуют в дискриминационных действиях и не обеспечивают исполнение законов, запрещающих такую дискриминацию».

Третий вывод свидетельствует о нереальности для большинства безработных россиянок стать «счастливыми домашними хозяйками» хотя именно такое решение женского вопроса наиболее упорно пропагандируется СМИ, открыто предлагается частью политиков-мужчин, а в неявном виде поддерживается и государством, пытающимся тем самым разрешить проблемы безработицы и двойной занятости женщин. Однако в условиях глубокого экономического кризиса и падения жизненного уровня большинства населения российские семьи не могут выжить без заработка женщины.

В итоге при отсутствии эффективной государственной политики формируются механизмы саморегуляции, направленные на выживание семей, включая занятость в неформальном, в том числе и теневом секторе. Само по себе наличие неформальной занятости лишь подтверждает потребность и право граждан на труд.

Однако негативные издержки подобного рода саморегуляции рынка труда для государства и цена, которую платят за нее женщины, вынужденно оказавшиеся в сфере полукриминальной неформальной экономики, непомерно высоки. В этой связи Т. Шанин отмечает: «Для России данную тему можно считать центральной, так как жизнь огромного большинства людей здесь невозможно понять, если не принимать во внимание их деятельность в неформальной экономике, и тем не менее мы знаем о ней удивительно мало».

Начиная с середины 90-х годов отмечалась устойчивая тенденция перетока рабочей силы, высвобожденной из официального сектора занятости, в сферу неформальной экономики. Особенно это наблюдается среди женщин, которых жесткая конкуренция за рабочие места буквально «выдавила» из офисов и производства на улицу: в ларьки, на рынки, в подземные переходы и т. п.

Наиболее типичными формами неформальной деятельности являются уличная и рыночная торговля, услуги населению по строительству, ремонту, пошиву, частный извоз, репетиторство и частные уроки, а также уборка квартир и офисов, приготовление пищи, присмотр за детьми, больными и престарелыми и др. При этом на таких работах, как ремонт квартир и автомобилей или частный извоз, то есть высокооплачиваемых, преобладают мужчины.

Репетиторство, частные уроки, переводы, пошив одежды и т. п. могут быть отнесены к категории среднеоплачиваемой неформальной деятельности, где расценки за услуги зависят от уровня квалификации, спроса на тот или иной вид услуг и цен на них в данном регионе. В этой группе самозанятых неформалов большинство составляют женщины. Если же речь идет о работе за гроши по найму на хозяина, то здесь практически всегда используется женский труд.

Для понимания современных проблем женской безработицы и связанной с ней вынужденной занятости женщин в неформальном секторе экономики их следует рассматривать не только на уровне общественных издержек (деквалификация и снижение качества рабочей силы, сокращение ВВП и налоговых платежей, рост социальной напряженности и девиаций и т. п.). Не менее, а может быть более важными являются личностный аспект данной проблемы и та цена (потеря здоровья, а нередко и семьи, обесценивание образования и про-

фессиональных навыков, деградация и т. п.), которую женщины платят за криминализацию экономики.

В семейных отношениях можно отметить различия в социальной мобильности мужчин и женщин. Социальная мобильность — довольно широкое понятие, которое может означать любые социальные или статусные изменения. Существуют различные критерии оценки социальных перемещений: критерий престижа, степень адаптированности к новым экономическим условиям или просто повышение должностного статуса.

Для анализа степени и направления социально-профессиональной мобильности предлагаю использовать показатель «тип трудовой карьеры», который конструируется с учетом динамики уровня образования и квалификации мужчин и женщин в течение трудовой жизни, должностных перемещений и периодов не занятости. Были выделены четыре типа профессиональной карьеры: снижающаяся, горизонтальная, слабо растущая и восходящая. Позитивное направление движения определялось двумя основными критериями — ростом образовательно-квалификационного уровня и должностными перемещениями, приводящими к расширению прав в принятии решений и одновременно к повышению ответственности за их результат.

К случаям «снижающейся карьеры» относятся потеря работы (безработица) и добровольный уход с работы (женщины домохозяйки), а также переход специалиста высокой квалификации (например инженера или врача) на работу, скажем, слесаря в автосервисе или продавца на рынке. Подобные нисходящие социальные перемещения, которые социологи трактуют как один из видов понижающейся адаптации, а точнее, вынужденного приспособления к реалиям сегодняшнего дня, указывают на тревожную тенденцию депрофессионализации наиболее образованных и квалифицированных слоев общества.

Второй тип карьеры — «горизонтальная» — охватывает все социально-профессиональные перемещения, такие, как смена места работы или профессии, не связанные с ростом образования или квалификации или с получением более высокого должностного статуса. Сюда также включались случаи, когда в рассматриваемый период не происходило никаких изменений профессиональных характеристик работника.

Третий и четвертый типы карьеры отражают положительную статусную динамику, причем в последнем случае — заметную. Это: получение значительно более высокого образования или квалификации; достижение должностного статуса, например, руководителя предприятия или его подразделения с большей ответственностью в принятии решений. Применительно к рабочим профессиям данный тип карьеры охватывает и работников, достигших максимального уровня квалификации (разряда) по своей профессии.

Выделенные типы карьеры и их критерии в определенной мере условны, но они дают возможность оценить динамику трудовой карьеры мужчин и женщин до реформ и сравнить ее с современными тенденциями социальных перемещений.

Что же изменилось в социальной мобильности мужчин и женщин? Кому из них пришлось сложнее в переходное время? И в дореформенный период по характеру социальной мобильности женщины существенно уступали мужчинам. Общее сальдо мобильности, рассчитанное как разница между позитивной и негативной мобильностью, составляло соответственно +53,5% у мужчин и только +18% у женщин (см. табл.), что явилось следствием преобладания у женщин горизонтального типа карьеры и несколько более выраженного снижения профессионального статуса по сравнению с мужчинами.

Тип трудовой карьеры мужчин и женщин разных возрастных групп в дореформенный период (1989 г., в %)

Возраст в момент опроса	Тип трудовой карьеры				Сальдо социальной мобильности	Число наблюдений
	Снижающаяся (1)	Горизонтальная (2)	Слаборастущая (3)	Восходящая (4)		
Женщины						
До 30	18,7	58,2	16,5	6,6	+4,4	182
30–39	19,3	43,6	29,1	8,0	+17,8	275
40–49	16,4	36,3	31,8	15,4	+30,8	201
Все женщины	17,7	46,6	26,4	9,3	+18,0	863
Мужчины						
До 30	15,6	40,0	34,8	9,6	+28,8	115
30–39	16,0	19,8	29,6	34,6	+48,2	237
40–49	6,2	18,6	26,0	49,2	+69,0	177
Все мужчины	12,0	22,5	29,3	36,2	+53,5	724

Повышенная распространенность горизонтальных перемещений в определенной мере обусловлена характером отраслей основной занятости женщин например как бюджетная сфера, сфера услуг, легкая и пищевая промышленность, которые никогда не входили в круг приоритетных для государства. С другой стороны, отсутствие развитой инфраструктуры при господстве патриархальных представлений о роли женщины в семье и обществе превращало женщин в большинстве своем в работников «второго сорта» несмотря на их относительно более высокий уровень образования. Особенно ярко данная тенденция проявляется в том, что доля женщин, достигших заметных успехов в карьере, невелика — различие с мужчи-

нами составляет почти 4 раза. Но и здесь «потолок» профессионального роста женщины был значительно ниже — даже если она занимала руководящую должность, то, скорее, на уровне отдела или группы, но почти никогда женщина не возглавляла предприятие или учреждение.

Позитивная динамика социальной мобильности традиционно была связана с возрастом работника: и для мужчин, и для женщин зависимость положительна. Однако с точки зрения трудовой карьеры для женщин наиболее проблемным оказывается первый период жизненного цикла — время появления детей и их воспитания, который в России приходится на очень ранние возраста матери по сравнению со странами Западной Европы. По данным демографов, средний возраст матери при рождении первого ребенка в 1965–1999 гг. снизился с 24,8 до 22,9 лет, приблизительно на таком же уровне этот показатель находится и сейчас (для сравнения, средний возраст матери при рождении первого ребенка во Франции составляет 27,9 лет).

Таким образом, для большинства российских женщин период получения профессиональных знаний и навыков совпадает с периодом выполнения ими функций матери, что не может не сказываться на их трудовой карьере. Разрыв между мужчинами и женщинами по показателю социальной мобильности в возрастной группе до 30 лет превышает 6 раз. В дальнейшем этот разрыв уменьшается, но остается на довольно высоком уровне (2,2–2,7 раза), доля снижающейся карьеры у женщин почти стабильна для всех возрастных групп (16–19%).

Характер снижающейся карьеры у мужчин и женщин в условиях отсутствия безработицы различался: для женщин она была связана с поиском работы с менее жестким режимом труда для того, чтобы выполнять функции матери и хозяйки дома и приносить хотя бы минимальный доход в семью. Ради этой цели они покидали временно, а иногда и окончательно работу по специ-

альности, переходя на должности, требующие меньшей квалификации и дающие возможность воспитывать детей (уборщица, комендант общежития, экспедитор и т. п.), или непосредственно в дошкольные учреждения.

Для мужчин снижение формального статуса было зачастую вызвано необходимостью больше зарабатывать или получать нелегальные доходы, особенно в период относительно низкой производственной активности жен.

Например, переход квалифицированных рабочих в продавцы или на должности с более вредными условиями производства с понижением квалификации. Кроме того, причинами снижающейся карьеры становились, с одной стороны, пьянство и обусловленная этим депрофессионализация, а с другой — ухудшение состояния здоровья, особенно заметное в более старших возрастах.

Что нового внесли реформы 90-х годов в динамику трудовой карьеры мужчин и женщин и какие соотношения остались стабильными? Сохраняется отставание динамики трудовой карьеры женщин по сравнению с мужчинами, но к новым тенденциям относится отрицательное сальдо социальной мобильности женщин (-6,6%), тогда как для мужчины характерен (хотя и небольшой) ее рост (+3,3%):

Тип трудовой карьеры мужчин и женщин разных возрастных групп (1999 г., в %)

Возраст в момент опроса	Тип трудовой карьеры				Сальдо социальной мобильности (3)+(4)-1	Число наблюдений
	Снижающаяся (1)	Горизонтальная (2)	Слаборастущая (3)	Восходящая (4)		
Женщины						
До 30	20,6	57,8	17,7	3,9	+1,0	142
30–39	32,8	47,9	9,7	9,6	-13,5	207

40–49	32,0	41,5	12,5	14,0	-5,5	227
Все женщины	29,4	47,8	11,9	10,9	-6,6	766
Мужчины						
До 30	32,4	40,0	15,2	12,4	-4,8	171
30–39	30,2	34,2	16,0	19,6	+5,4	358
40–49	34,9	31,1	18,2	15,8	-0,9	309
Все мужчины	31,3	34,2	17,4	17,2	+3,3	1097

Базовое высшее и среднее специальное образование не давало преимуществ в карьере, а для мужчин, относящихся к данной группе, была характерна наиболее высокая доля снижающейся карьеры, что обусловлено в основном переходом ИТР и служащих в рабочие, оплата труда которых была выше.

Эти изменения — следствие различной динамики рассматриваемых показателей для женщин и мужчин в 90-е годы: доля снижающейся карьеры первых росла исключительно за счет уменьшения позитивных социальных перемещений при практически стабильной доле горизонтальной карьеры, тогда как мужчины даже несколько обогнали женщин по степени снижения социального статуса при росте доли горизонтальных перемещений и значительном убывании положительных тенденций в профессиональной карьере. Таким образом, социально-экономические изменения в России в большей степени ухудшили социальную мобильность мужчин, снизив результирующий показатель на 50 пунктов.

Что касается возрастных различий, то здесь позитивная динамика социальных перемещений в зависимости от возраста, присущая стабильной экономике, нарушена и трудно найти объяснение полученным соотношениям: у женщин в относительно худшем положении оказалась возрастная группа 30–39 лет, в то время как у мужчин она лидирует с точки зре-

ния общего сальдо. Остается признать наличие другого, более важного фактора, определяющего социальную мобильность, которая не всегда связана с возрастом и, следовательно, с ростом квалификации и накоплением опыта.

Возникает вопрос, как влиял базовый уровень образования в момент начала трудовой деятельности на дальнейшие социальные перемещения и что изменилось сегодня? Очевидно, чем больше возможностей для его повышения, тем при прочих равных условиях больше вероятность растущей карьеры. В то же время работники, ориентированные на более позитивную карьеру, начинают трудовую жизнь, как правило, уже имея базовое профессиональное образование.

В условиях стабильной дореформенной экономики широкие возможности получения среднего специального (и даже высшего) образования (пусть во многом формального и невысокого качества) без отрыва от производства обеспечивали преимуществу группе работников, имевших в момент начала трудовой деятельности полное среднее образование.

Тип трудовой карьеры в дореформенный период (1989 г.) мужчин и женщин с разным уровнем образования в момент начала трудовой деятельности (в %)

Уровень образования	Тип трудовой карьеры				Сальдо социальной мобильности (3)+(4)-1	Число наблюдений
	Снижающаяся (1)	Горизонтальная (2)	Слабо растущая (3)	Восходящая (4)		
Женщины						
Среднее неполное	25,0	50,9	19,6	4,5	-0,9	112
Среднее полное	16,8	39,2	34,1	9,9	+27,2	232
Профтехническое	17,7	48,4	22,6	11,3	+16,2	62
Высшее и среднее специальное	14,6	52,7	23,8	8,9	+18,1	281

Мужчины						
Среднее неполное	10,7	25,3	32,0	32,0	+53,5	150
Среднее полное	8,9	19,4	32,5	39,2	+62,8	191
Профтехническое	6,4	26,4	23,2	44,0	+60,8	125
Высшее и среднее специальное	17,9	22,4	27,6	32,1	+41,8	246

Существовавший «потолок» возможностей профессионального роста женщин, связанный как со сферой приложения труда, так и с условиями жизни семей, ограничивал позитивную тенденцию их социальной мобильности даже при равном уровне базового образования по сравнению с мужчинами: разрыв в доле восходящей карьеры по отдельным группам базового образования составлял от 4 до 7 раз.

В последнее десятилетие резко изменились потенциальные возможности социального роста различных образовательно-квалификационных групп, к работникам стали предъявляться новые требования, зачастую выходящие за рамки традиционного образования. В таких условиях в наиболее сложной ситуации оказались работники с низким уровнем образования и даже имевшие первоначальное профессионально-техническое образование. Это стало следствием главным образом роста безработицы и деквалификации среди рабочих, вынужденных искать случайные заработки, теряя свой профессиональный статус. Особенно заметна снижающаяся тенденция среди женщин-рабочих: у них сальдо мобильности составило -38%, тогда как у служащих и специалистов равнялось -5,9%.

Данные 2001 г. показывают относительно большую востребованность специалистов с высшим и средним специальным образованием. Именно эта группа и у мужчин, и у женщин лидирует по восходящей карьере. Исследования динамики субъективных

оценок статусных позиций, проведенные ВЦИОМ, также показывают, что образование сегодня является необходимым условием повышения статуса. Правда, общее сальдо социальной мобильности мужчин с высшим и средним специальным образованием положительно (+9%), тогда как для женщин его приоритетность заключается лишь в относительно минимальном снижении статуса (-1,3%) по сравнению с другими группами базового образования.

Тип трудовой карьеры мужчин и женщин с разным уровнем образования в момент начала их трудовой деятельности (2006 г., в %)

Уровень образования	Тип трудовой карьеры				Сальдо социальной мобильности (3)+(4)-1	Число наблюдений
	Снижающаяся (1)	Горизонтальная (2)	Слабо-растущая (3)	Восходящая (4)		
Женщины						
Среднее неполное	42,9	35,7	21,4	-	-21,5	51
Среднее полное	28,1	54,7	13,3	3,9	-10,9	194
Профтехническое	35,7	51,4	11,5	1,4	-22,8	71
Высшее и среднее специальное	27,8	45,7	10,8	15,7	-1,3	307
Мужчины						
Среднее неполное	41,4	31,5	25,7	1,4	-14,8	71
Среднее полное	33,4	31,4	22,2	13,0	+1,8	280
Профтехническое	35,3	35,9	21,6	7,2	-6,5	170
Высшее и среднее специальное	27,9	35,2	12,9	24,0	+0,9	476

Анализ социальной мобильности женщин разных возрастов позволяет предположить зависимость их профессионального роста от семейного статуса, наличия детей, а также стадии жизненного цикла, когда проблемы женской занятости тесно

связаны с ролевыми установками, преобладающими на каждом этапе жизни семьи.

Возникает вопрос как влияет на социальную мобильность изменение семейного положения и, в частности, развод, который в большинстве случаев увеличивает число неполных семей с детьми (женщины-матери с детьми)? В западной социологии общепризнан тот факт, что развод ухудшает социально-экономическое положение бывших супругов и в результате создаются семьи с повышенным риском бедности. Поэтому проблема экономического положения семей после развода и особенно профессиональной карьеры женщин относится к приоритетным для стран, где уровень «разводимости» высок. По данному показателю Россия находится на одном из первых мест в мире — половина заключаемых браков заканчивается разводом.

Исследования в западных странах показывают, что после развода женщины активнее включаются в профессиональную деятельность, начиная или возобновляя работу, пытаются минимизировать потери в уровне жизни после распада семьи. В России, где занятость женщин и мужчин примерно одинакова независимо от семейного положения, речь идет о выявлении изменений в трудовой карьере после развода в условиях социально-экономических трансформаций 90-х годов и роста безработицы. Кроме того, в задачи исследования входило определение последствий развода для мужчин, которые на первый взгляд должны выигрывать, поскольку дети в большинстве случаев остаются с матерью, а проблема выплаты алиментов сегодня решается проще, чем в дореформенный период, благодаря теневой занятости и сокрытию доходов. Отправной точкой для анализа социальной мобильности супругов в течение брака и после развода служило базовое соотношение их занятости в момент вступления в брак.

Соотношение занятости супругов при вступлении в брак по брачным когортам (в %)

Соотношение занятости супругов	Год вступления в брак:			
	до 1980 г.	1980–1989 гг.	2006 г.	Все когорты
Оба супруга работали	74,5	71,3	54,8	69,0
Муж работал, жена не работала*	12,7	14,3	27,4	17,9
Муж не работал*, жена работала	5,6	5,8	6,5	4,4
Оба супруга не работали*	7,2	8,6	п,з	8,7
Все обследованные	100,0	100,0	100,0	100,0

* Неработающие супруги — это главным образом студенты, к которым в последние годы прибавились безработные.

Динамика занятости супругов, от когорты к когорте характеризующаяся ростом незанятых (безработные, студенты, домохозяйки) подтверждается данными государственной статистики об изменении структуры занятости в стране, особенно в последнее десятилетие. Ниже приведены данные за 1999 и 2006 г.г. показывающие, как изменилась ситуация за время, прошедшее между двумя исследованиями.

Структура занятости трудоспособного населения России в 1999 и 2006 (в %).

	Все население	Мужчины	Женщины
	1999		
Занятые	76,6	78,2	74,8
Безработные	4,2	4,3	4,2
Студенты/учащиеся	5,0	3,8	6,2
Пенсионеры	8,2	8,7	7,8
Прочие незанятые	6,0	5,0	7,0

Всего	100,0	100,0	100,0
Число наблюдений	83700	43500	40200
	2006		
Занятые	65,7	67,7	63,5
Безработные	9,8	10,1	9,4
Студенты/учащиеся	9,4	9,2	9,8
Пенсионеры	4,7	6,1	3,1
Прочие незанятые	10,4	6,9	14,2
Всего	100,0	100,0	100,0
Число наблюдений,	83655	43695	39960

Результаты обследования населения по проблемам занятости, проведенного Госкомстатом России в конце октября 1999 и 2006 гг.

В числе безработных не учитывались студенты/учащиеся, а также пенсионеры, ищущие работу. Названные категории населения включены в соответствующие социальные группы.

Согласно данным опросов, наблюдаются серьезные сдвиги в профессиональной мобильности в период брака в зависимости от времени его прекращения: если брак распался до 90-х годов, для трудовой карьеры супругов в период совместной жизни не характерны такие отрицательные показатели, как для недавно распавшихся браков. Так, доля снижающейся карьеры мужа увеличивается почти в 2,5 раза (с 8 до 19%). Та же тенденция присуща и социальной мобильности жен.

Кроме того, к числу основных факторов трудовой карьеры относится длительность периода, в течение которого работник может изменить существующий статус. Названная закономерность в большей степени подтверждается дореформенной ситуацией, чем современным положением, когда положительная

социальная мобильность слабо зависит от стажа. Особенно это заметно при анализе карьеры женщин — для них увеличение возраста семьи, а следовательно, и их возраста приводит к негативным последствиям с точки зрения социальной мобильности. Ранее были отмечены довольно большими различия в профессиональной карьере супругов даже в наиболее благоприятные для карьеры женщин периоды жизни семьи, к которым можно отнести вторые десять лет брака (сальдо социальной мобильности мужчин и женщин — соответственно 17 и 11%).

Возникает вопрос, происходят ли изменения в трудовой активности мужчин и женщин в результате развода? При анализе влияния развода на социальную мобильность возможны два подхода: первый — организовать две выборки, сравнивая тех, кто прошел через развод, с теми, кто продолжает состоять в первом браке; второй подход заключается в использовании ретроспективного метода. Предлагаю отказаться от первого подхода, поскольку совокупность прошедших через развод по сравнению с теми, кто продолжает жить в браке, может серьезно различаться, и в данном случае речь будет идти не о влиянии развода, а о селективном характере самой совокупности. Следовательно, группу сравнения нужно искать в той же выборке разведенных мужчин и женщин. Разделим всю совокупность на две части с одной и той же длительностью активной трудовой жизни: первая группа — мужчины и женщины, для которых между годом вступления в брак и моментом опроса прошло 10–15 лет и развод произошел в течение этого периода; вторая группа — супруги, прожившие 10–19 лет в браке и развод которых произошел позже. Таким образом, сравнивая профессиональную карьеру супругов до развода в течение 10–15 лет с теми, кто за указанный период прошел брак, развод и послеразводный этап.

Данные, приведенные в таблице, характеризуют социальную мобильность супругов, которые к началу семейной жизни уже приступили к трудовой деятельности: наблюдается значительное отставание замужних женщин по частоте случаев позитивной карьеры по сравнению с женатыми мужчинами (19 и 37%) и этот разрыв углубился в конце 90-х годов (9,9 и 39,6%). Но, с другой стороны, влияние развода на социальную мобильность женщин почти неощутимо, а в случае неполной семьи после развода профессиональная активность женщин оказывается даже несколько более высокой по сравнению с повторно вступившими в брак. Отмечу, что разрыв между этими двумя группами минимален.

Что касается мужчин, то здесь влияние развода проявляется довольно существенно: прошедшие через развод значительно теряют в карьере, особенно те из них, кто после развода не создал новой семьи. Можно предложить два объяснения полученного результата — или эти мужчины оказываются без семьи потому, что неспособны к позитивной карьере, или отсутствие семьи не создает стимула к активному профессиональному росту.

Сальдо социальной мобильности мужчин и женщин в течение 10—15 лет с момента заключения брака в зависимости от семейного положения на конец периода (в %)

	Семейное положение		
	Продолжают жить в первом браке	Развелись в этот период	
		Повторный брак	Остались одинокими
Опрос 1999 г.			
Мужчины	+37,2	+31,8	+20,8
Женщины	+19,0	+15,6	+19,9

Опрос 2006 г.			
Мужчины	+39,6	+21,2	+10,6
Женщины	+9,9	+8,4	+11,6

В таблице приведены данные о социальной мобильности супругов, уже начавших трудовую деятельность в год вступления в брак и оставшихся работающими в конце выбранного периода (10–15 лет).

Учитывается не только юридически заключаемый брак, но и фактический союз при условии жизни одной семьи.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ различных источников, характеризующих развитие воспроизводственного потенциала семьи, показывает, что последние 20 лет изменился социальный облик как мужчин, так и женщин. Женщины, учитывая то обстоятельство, что мужчины не могут в своем большинстве «содержать» полную семью, активно позиционируют на рынке труда. Рождение детей в семье как бы отодвигается на второй план. А на первом плане — деловая карьера, материальное благополучие (квартира, машина, дача), профессиональный и социальный статус.

Подобное положение в значительной мере повлияло на структуру семейных отношений: осмысленное и ответственное отношение к семье, воспитанию детей (5,0%); развитие индивидуальных установок и ориентиров в профессиональной и общественной жизни (58,0%); терпимость во внутрисемейных отношениях, несмотря на экономические трудности (2,0%); бескомпромиссность в отношениях, ориентированных только на отстаивание своего личностного статуса в семье (20,0%); компенсаторные отношения, когда достоинства и недостатки супругов нивелируются и предпочтения отдаются тем, которые востребованы в большей мере; индивидуальной адаптации в структуре семейных отношений, когда один из супругов признает социальные и профессиональные качества другого и в зависимости от этого занимает свою нишу в семье: работа,

воспитание детей, учеба и т. п. (4,0%); оптимистичность во взаимоотношениях с общественной средой по принципу все хорошо, на все воля Божья (4,0%); создание условий для «мира в семье», когда все вопросы решаются совместно, благожелательно, компромиссно (7,0%).

Из этого следует, что развитие общественной среды в последние годы, характеризуемое экономическим и социальным положением большинства взрослого населения (мужчин и женщин) не способствует росту воспроизводственного потенциала семьи, а структура семейных отношений, в основном, ориентирована на совместное проживание супругов и развитие индивидуальных установок и ориентиров в профессиональной деятельности и общественной жизни. В этих условиях надеяться на понимание необходимости участия семьи в социальном воспроизводстве, когда наиболее рациональным с общественных позиций считается наличие в семье двух детей и более, видимо, не приходится.

Подобные оценки участия семьи в социальном воспроизводстве, а также структура семейных отношений, должны быть учтены при формировании демографической политики государства и в механизме ее реализации.

По сути речь должна идти о семейной политике проводимой государством через свои социальные институты.

Семейную политику можно определить как целенаправленную деятельность государственных органов и иных социальных институтов призванную создавать оптимальные условия для выполнения семьей ее функций, гармонизировать отношения между личностью, семьей и обществом.

Практически все аспекты социальной и демографической политики так или иначе затрагивают интересы семьи. В семейную политику включаются меры как общесоциальной, так и демографической направленности: половое воспитание в семье

и школе, подготовка молодоженов к семейной жизни, материальная поддержка молодой семьи (жилье, кредиты, пособия, льготы, продолжительные оплачиваемые отпуска по беременности и родам, уходу за ребенком), развитие многопрофильных «Служб семьи» (диагностика отношений между супругами, между родителями и детьми, профилактика семейных конфликтов, повышение уровня культуры семейных отношений в педагогических и сексуальных вопросах), содействие вступлению в брак одиноких и разведенных, развитие служб планирования семьи (подбор доступной и надежной контрацепции, медико-генетическое консультирование, прерывание беременности современными, наименее вредными способами, лечение бесплодия и т. п.), массовые издания популярной литературы по вопросам семьи и брака, пропаганда семейных ценностей средствами массовой информации, культуры, искусства и т. п.

Структура демографической политики, как и любой другой политической деятельности, включает два важнейших и взаимосвязанных компонента: определение и изложение системы целей и разработку и реализацию средств для их достижения. Цели и задачи политики формулируются, как правило, в политических программах и декларациях, в планах, в стратегических целевых программах и планах оперативной деятельности правительств и иных исполнительных органов, в законодательных и иных правовых актах.

Цели демографической политики обычно сводятся к формированию желательного режима воспроизводства населения, сохранению или изменению тенденций в области динамики численности и структуры населения, темпов их изменений, динамики рождаемости; смертности; семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения.

Цели могут быть заданы в виде целевого требования (словесное описание целей), целевого показателя или системы показателей; достижение которых интерпретируется как реализация целей демографической политики.

Основные направления демографической политики включают государственную помощь семьям с детьми, создание условий для сочетания родительства с активной профессиональной деятельностью, снижение заболеваемости и смертности, увеличение продолжительности жизни, улучшение качественных характеристик населения, регулирование миграционных процессов, урбанизации и расселения; социальную поддержку инвалидов, пожилых и нетрудоспособных и т. п. Эти направления должны быть согласованы с такими важными сферами социальной политики, как занятость, регулирование доходов, образование и здравоохранение, профессиональная подготовка, жилищное строительство, развитие сферы услуг, социальное обеспечение.

Необходимо также отметить, что демографическая политика представляет собой комплекс различных мер, которые можно разделить следующим образом:

— экономических (оплачиваемые отпуска и различные пособия при рождении детей; пособия на детей в зависимости от их числа, возраста, типа семьи; ссуды, кредиты, налоговые и жилищные льготы и т. д.);

— административно-правовых (законодательные акты, регламентирующие браки, разводы, положение детей в семьях, алиментные обязанности, охрану материнства и детства, аборт и использование средств контрацепции, социальное обеспечение нетрудоспособных, условия занятости и режим труда работающих женщин-матерей, внутреннюю и внешнюю миграцию и т. п.);

— воспитательных и пропагандистских мер, призванных формировать общественное мнение, нормы и стандарты демографического поведения, определенный демографический климат в обществе.

Принципиальная особенность демографической политики заключается в воздействии на динамику демографических процессов не прямо, а опосредованно, через человеческое поведение, через принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профессии, сферы занятости, места жительства.

Важной особенностью демографической политики является то, что она должна учитывать и, пожалуй, разрабатывать механизм согласования интересов индивидуальных, групповых, общественных, семейных, а также локальных, региональных и общегосударственных, которые по своей природе могут быть социально-политическими, экономическими, социокультурными, этнокультурными, экологическими и т. п.

Я считаю, что демографическую политику необходимо рассматривать и как постоянно возобновляющийся процесс, то есть в режиме определенного периода времени.

Построение демографической политики государства с учетом стандартов жизнеобеспечения населения

Процесс формирования демографической политики нельзя рассматривать безотносительно от системы общественных отношений, от состояния общественной среды. С. Браун писал: «Система является формой различения, то есть имеет две стороны: систему — как внутреннюю сторону формы и окружающую среду — как внешнюю сторону формы. Лишь обе стороны производят различения, производят форму, производят понятие. Таким образом, окружающая среда является для этой формы столь же важной, столь же необходимой, как и сама система».

Подобное понимание общественной среды позволяет ее рассматривать как составную часть аутопойетической системы, в которой могут и должны быть социальные стандарты, включая качество и образ жизни, жизнеобеспечение, социальная

поддержка и т. д. Н. Луман в этой связи подчеркивает, что «... конкретные люди являются не частью общества, а частью его окружающей среды». Понять состояние общественной среды, которое необходимо для формирования демографической политики государства можно, по моему мнению, посредством апеллирования к стандартам жизнеобеспечения человека. Каждое фиксированное отклонение от стандартов жизнеобеспечения человека выступает ограничением не только формирования, но и реализации демографической политики.

А. Тойнби более 40 лет назад выдвинул идею: жизненный стандарт — это средство, а качество жизни — это цель человека. Для жизни необходимо минимальное количество материального: пища, одежда, жилище. Но они — не цель, ради которой люди живут. Они просто средства к достижению цели».

Стандарты жизнеобеспечения обеспечивают для каждого человека возможности самоопределения в общественной среде, выработки своей жизненной позиции, соотносящейся с позициями других членов общества, «обогащают жизнь за пределами материального потребления».

А. Тоффлер предлагает свою оригинальную интерпретацию стандартов жизнеобеспечения, включая в их состав экономические, социальные и экологические показатели, то есть те, которые обеспечивают равновесие между человеком и окружающей средой. И что важно он в качестве одного из показателей стандартов жизнеобеспечения выделял стиль жизни, ее социокультурную составляющую.

Важно вспомнить и еще один посыл к пониманию важности стандартов жизнеобеспечения человека, непосредственно влияющих на процессы социального воспроизводства, а именно: потребность в материальных благах, межличностном общении, самореализации. Их важность определяется следующими обстоятельствами:

— психологически люди, как правило, предрасположены постоянно сопоставлять собственный достигнутый уровень жизни с условиями жизни людей, стоящих на более высоком уровне социальной лестницы;

— ощущение неудовлетворенности у большинства людей способно подавляться под воздействием социального окружения;

— социальные ожидания и цели в значительной степени могут корректироваться различными жизненными обстоятельствами;

— ощущение неудовлетворенности во многом зависит от жизненного опыта;

— жизнь в предпочтительных условиях располагает к формированию новых социальных ориентиров и установок, мотивирует процессы социального воспроизводства.

Как следствие, к построению стандартов жизнеобеспечения предъявляются группы требований, среди которых:

— целостность, обеспечивающая общесистемное оценивание жизнедеятельности и жизнеспособности индивидов и населения в целом;

— интегративность, предполагающая рассмотрение отдельных подсистем (вопросов) в их взаимосвязи с другими подсистемами, обозначение приоритетов и последовательности решения проблемных ситуаций;

— коммуникативности, определяющих степень влияния отдельных подсистем друг на друга;

— валидности оценочных критериев, позволяющих обеспечить полноту влияния стандартов жизнеобеспечения на процессы социального воспроизводства населения;

— нормативности социальных индикаторов, позволяющих определить все возможные отклонения системы жизнеобеспечения населения от общепринятых стандартов.

Тем самым, показатели, характеризующие стандарты жизнеобеспечения населения, должны оценивать не только основные

социально-значимые сферы, такие как: состояние здоровья, уровень образования, занятость и условия труда, пользование товарами и услугами, распределение времени и досуга, физическая окружающая среда, индивидуальная безопасность, социальные возможности и социальная защищенность, социальная активность, доступность социокультурной и духовной сферы, но и учитывать специфику жизнедеятельности отдельных половозрастных категорий населения.

Не менее важно, чтобы эти показатели были дополнены такими, которые позволяют установить спектр потребностей, интересов, ценностных ориентиров, удовлетворенности своим положением в общественной среде.

Вполне очевидно, что показатели стандартов жизнеобеспечения населения должны соответствовать принципу целевой заданности, когда в определенные промежутки времени в стандартах жизнеобеспечения формируются новые целевые установки, обусловленные состоянием ресурсов общественного развития.

Видимо, не вызывает сомнений, что показатели стандартов жизнеобеспечения могут быть представлены упорядоченной системой, в которой находят отражение все ее основные элементы в определенной структуре, логике иерархии, последовательности обобщения и оценки.

Система индикаторов, характеризующих стандарты жизнеобеспечения населения

Блок 1. «УСЛОВИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»	
Производственная деятельность	
1. Индикаторы занятости	<p>Объективные: структура занятости (полная, неполная, дополнительная занятость, административные отпуска, самозанятость), отраслевая, профессиональная, образовательная и квалификационная структуры рабочей силы; трудоустройство по специальности; горизонтальная и вертикальная мобильность; текучесть рабочей силы, структура безработицы, численность безработных по критериям Международной организации труда (МОТ), численность ищущих работу при наличии занятости.</p> <p>Субъективные: ощущаемая угроза увольнений, социально-профессиональные ориентации и потенциальная текучесть кадров, ориентация на повышение квалификации, мотивы.</p>
2. Индикаторы характера труда	<p>Объективные: интенсивность, монотонность труда, уровень травматизма, уровень профессиональных заболеваний, доля умственного и физического труда, производственные, бытовые условия труда.</p> <p>Субъективные: удовлетворенность работой (без учета фактора оплаты труда), ориентация на смену профессии, сферы деятельности, отраслевой принадлежности.</p>
3. Индикаторы содержания труда	<p>Объективные: сложность труда, творческая насыщенность, интеллектуализация труда, автоматизация труда.</p> <p>Субъективные: степень соответствия образования и квалификации содержанию и характеру труда, требованиям конкретного рабочего места, участие в управлении производством.</p>
Внепроизводственная деятельность	
4. Индикаторы жилищных условий и бытового обслуживания	<p>Объективные: обеспеченность жильем, характер жилья, благоустроенность жилья, насыщенность инфраструктуры бытового обслуживания. Субъективные: удовлетворенность жилищными условиями, качеством бытового обслуживания.</p>

<p>5. Индикаторы обеспеченности населения товарами и услугами</p>	<p>Объективные: индекс насыщенности потребительского рынка, уровень индивидуального потребления основных продуктов и товаров, покупательная способность средней заработной платы, объем потребления услуг (платных и бесплатных). Субъективные: удовлетворенность качеством питания, товарами и услугами.</p>
<p>6. Индикаторы обеспеченности населения услугами сферы образования, культуры, искусства, спорта, отдыха</p>	<p>Объективные: материальная база (дошкольные учреждения, школы, профессиональные учебные заведения, библиотеки, их фонды, число музеев, театров и т. д.), производство и распределение культурных товаров; расходы на культурные нужды, посещаемость культурных мероприятий, пользование туристическими услугами и т. д. Субъективные: удовлетворенность услугами этой сферы, уровень образованности, культуры (степень ориентации в сфере культурной, научной деятельности), установки на получение или повышение образования; удовлетворенность образованием.</p>
<p>7. Индикаторы социальной безопасности</p>	<p>Объективные: защищенность от различных нарушений прав, свобод личности, включая криминальные проявления или их угрозы (обратная величина количеству совершаемых противоправных действий). Субъективные: ощущаемая степень правовой и физической защищенности, оценка эффективности мероприятий, направленных против преступлений, и др.</p>
<p>Блок 2. «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ»</p>	
<p>8. Индикаторы доходов</p>	<p>Объективные: величина и структура доходов населения (заработной платы, совокупных личных, среднедушевых, реальных располагаемых доходов), дифференциация доходов. Субъективные: оценка удовлетворенности характером распределения доходов, удовлетворенность собственным уровнем доходов.</p>
<p>9. Индикаторы расходов</p>	<p>Объективные: структура расходов семейного бюджета (доля коммунальных платежей, расходов на питание, промтовары, культуру и т. д.), численность семей, живущих в долг. Субъективные: оценка достаточности семейного бюджета для удовлетворения потребностей, ориентация на изменение структуры расходов.</p>

Блок 3. «ЗДОРОВЬЕ И РЕПРОДУКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»	
10. Индикаторы здоровья	Объективные: демографические параметры (продолжительность жизни, коэффициент смертности), заболеваемость (частота обращений за медицинской помощью, госпитализация, продолжительность пребывания в стационаре). Субъективные: самооценка собственного здоровья и здоровья близких (удовлетворенность здоровьем, самочувствие).
11. Индикаторы репродуктивной деятельности	Объективные: численность лиц, находящихся в браке (по возрастным группам), количество разводов, коэффициент рождений детей. Субъективные: ориентации на вступление в брак; мотивы разводов; репродуктивные установки.
12. Индикаторы состояния окружающей среды	Объективные: степень загрязненности среды обитания (соответствие ПДК), степень зараженности вредными веществами производственных территорий, длительность пребывания на зараженных территориях. Субъективные: состояние флоры и фауны в местах проживания, удовлетворенность состоянием экологии, установка на смену места проживания.

Замечу, что субъективные индикаторы (удовлетворенности, самооценки, установок) могут быть определены лишь с использованием первичной социальной информации, получаемой в ходе репрезентативных социологических опросов.

Одной из принципиальных задач анализа стандартов жизнеобеспечения является разработка обобщающего (интегрального) показателя. Его необходимость не вызывает сомнений. Любая система оценки должна иметь обобщающий показатель, обеспечивающий методологическое единство частных показателей системы и позволяющий однозначно оценивать состояние и динамику изучаемого явления. Возможно ли создание такого показателя применительно к такой сложной категории, как стандарты жизнеобеспечения?

В свое время рабочая группа по социальной статистике ООН предлагала в качестве агрегированных показателей такие индикаторы, как «национальный доход на душу населения», «доля расходов на питание в общих расходах домохозяйства», «относительный коэффициент смертности», определяемый как отношение числа смертей лиц в возрасте 50 лет и старше к общему количеству смертей, а также показатель средней продолжительности жизни населения. Применение в этих целях указанных показателей основано на предположении о том, что страны, наиболее развитые в экономическом отношении, имеют и более высокий уровень социального развития. При этом для сопоставления в различных странах принимается валовой внутренний продукт или национальный доход на душу населения, выраженный либо в валюте одной из стран, либо в долларах США, либо в паритетах покупательной способности валют.

Неудобство в использовании национального дохода в качестве такого интегрального показателя заключается в различиях методологий его исчисления в разных странах, а также в несовпадении структуры дохода, особенно в части распределения его на потребление и накопление. К тому же фонд накопления не имеет непосредственного отношения к стандартам жизнеобеспечения населения, а фонд потребления включает не связанные, например, с качеством жизни расходы на науку и управление.

Два других показателя — доля расходов на питание и относительный коэффициент смертности, безусловно, характеризуют стандарты жизнеобеспечения, но вряд ли их можно отнести к интегральным. Оба они являются частными показателями, отражающими отдельные условия жизнедеятельности, и должны располагаться в соответствующих группах показателей качества жизни. Кроме того, увеличение средней продолжитель-

ности жизни не всегда означает улучшение качества жизни. Повышение этого показателя может быть связано с улучшением санитарных условий, применением современных лекарств и т. д., притом, что не меняются или даже ухудшаются условия питания, проживания, реализации основных прав и свобод человека.

В нашей стране также были попытки оценивать систему жизнеобеспечения населения через показатель национального дохода на душу населения. При этом делалась оговорка, что его материально-вещественная структура (соотношение фондов потребления и накопления) отвечает структуре общественных потребностей. Предлагалось также использовать показатель величины потребления населением материальных благ и услуг, в том числе и на душу населения. Второй показатель, конечно, лучше подходит на роль интегрального, но и он не отражает многих составляющих качества жизни.

Имелись предложения об использовании в качестве оценки общего качества жизни показателя свободного времени, исходя из известного высказывания К. Маркса о том, что свободное время, используемое на досуг, учебу, самообразование, спорт и т. п., станет в будущем мерой общественного богатства. Однако такое будущее пока не наступило, и современная социология не ведет мониторинга этого показателя. Его изучению посвящены лишь отдельные выборочные обследования, что делает его непригодным, особенно для сравнительных оценок уровня жизнеобеспечения населения.

В научной литературе обсуждались разные предложения по конструированию обобщающего показателя уровня жизнеобеспечения населения на основе частных показателей. В частности, высказывалось предложение о расчете обобщающего показателя в виде средней взвешенной величины из частных показателей качества жизни (групп показателей). Весами слу-

жат экспертные оценки их долевого значимости (весомости), т. е. сумма весов принимается равной единице. При этом все частные показатели предварительно приводятся к единой размерности (единой шкале), и задача решается с использованием относительных величин их динамики.

Примером такого показателя может служить «индекс напряженности». Его составляющими являются:

- степень обеспеченности потребительскими товарами;
- уровень преступности;
- степень недовольства населения нерешенными социально-политическими, экономическими, экологическими проблемами.

С помощью этого метода был рассчитан соответствующий индекс по более чем 100 городам всех регионов страны. В соответствии со шкалой, величина индекса от 0 до 0,4 оценивалась как социальная стабильность, от 0,4 до 0,8 — социальная напряженность, от 0,8 до 1,4 — состояние локального конфликта, от 1,4 до 2,0 — состояние социального взрыва в регионе, выше 2,0 — массовый социальный взрыв.

Поскольку частных показателей достаточно много и они имеют разную размерность, построение интегрального показателя предполагает переход к единообразным характеристикам. В качестве таковых статистика обычно предлагает использовать ранги стран (отдельных территорий) по каждому показателю. В этом случае они упорядочиваются по каждому из рассматриваемых показателей от 1 до n (n — число стран, отдельных территорий) для показателей-стимулянт (таких, например, как средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении или число телевизоров на 10 000 жителей и т. д.). Для показателей-дестимулянт порядок упорядочения обратный, т. е. на 1-м месте будет та страна (территория), для которой показатель-дестимулянта имеет наименьшее зна-

чение (примерами дестимулянт являются коэффициент младенческой смертности, показатель смертности женщин при родах, число несчастных случаев и т. д.).

К недостаткам данного метода можно отнести, во-первых, механическое соединение исходных показателей; во-вторых, то, что полученные средние ранги не отражают фактического расстояния между объектами исследования. В этом смысле упорядочение по значениям главных компонент или главных факторов предпочтительнее.

При анализе уровня жизнеобеспечения могут быть использованы экспертные оценки. Так, американская некоммерческая организация «Комитет по демографическому кризису» на базе данных официальной статистики, результатов анкетных опросов и экспертных оценок за 1989 г. провела исследование качества жизни в 100 крупнейших городах мира. Качество жизни оценивалось по 10-балльной шкале со следующими частными показателями:

- стоимость питания (доля семейных расходов на питание);
- жилищные условия (число жителей на 1 комнату);
- качество жилья (доля домов и квартир с водопроводом и электричеством);
- связь (число телефонов на 100 жителей);
- образование (доля детей, обучающихся в школе);
- здравоохранение (детская смертность на 1000 новорожденных);
- общественная безопасность (число убийств в год на 100 тыс. жителей);
- тишина (уровень наружного шума);
- уличное движение (средняя скорость в час пик);
- чистота воздуха.

Попытаться построить обобщающий критерий уровня жизнеобеспечения по показателю качества жизни населения можно также используя метод главных компонент или его обобщение — факторный анализ. В этом случае интегральный показатель будет представлять собой линейную комбинацию приведенных к сопоставимому виду исходных показателей:

$$F_i = \sum a_{ij} \times x_j + e_i,$$

где a_{ij} — нагрузка i -го фактора на j -й показатель;

x_j — исходный показатель;

e_j — случайная компонента.

Обычно за обобщающий показатель принимают первый фактор или два фактора, дающие наибольший вклад в суммарную дисперсию. Содержательная интерпретация выделенных факторов определяется значениями факторных нагрузок a_{ij} , измеряющих корреляцию выделенного фактора F_j , с исходными показателями x_j .

При этом исходный показатель x_j носит нормативный характер.

Теоретическая и практическая значимость нормативного регулирования систем жизнеобеспечения населения наиболее полно стала раскрываться лишь в последние годы рыночных реформ, в условиях обострения множества противоречий экономического и социального развития, резкого снижения уровня жизни россиян и т. п., когда реальным способом разрешения последних могла бы стать, пожалуй, только социальная переориентация экономики, ее поворот к нуждам и потребностям человека.

Наконец, к числу обозначенных причин можно отнести и то, что обоснование и построение социальных нормативов является объективно сложным процессом не только в теорети-

ческом, но и в практическом плане. Зачастую трудно определить даже сам принцип, исходя из которого следует строить норматив, а тем более стандарт жизнеобеспечения населения, не говоря уже о приоритетах социального развития, способах отражения в нормативных характеристиках степени достижения целей и задач социального управления, уровня удовлетворения основных потребностей. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что практически любой социальный норматив неизбежно затрагивает жизненные интересы различных социальных групп, не только не согласующиеся между собой, но и в ряде случаев прямо противоречащие друг другу.

Современная практика социального нормирования в нашей стране отличается, как показывают официальные документы и практические наработки Минэкономики РФ, целым рядом несоответствий требованиям современной теории и потребностям управленческой деятельности. Так, в вышеупомянутой концепции, в частности, отмечались недостаточная структурированность сложившейся в стране системы нормативов и норм, отсутствие четко обозначенных приоритетов в социальной сфере, незакрепленный законодательно перечень общедоступных и бесплатных услуг, оказываемых учреждениями образования, культуры, здравоохранения и др.

На мой взгляд, причина создавшегося положения сводится прежде всего к тому, что практика нормативного регулирования последних лет мало в чем отошла от общеметодологических установок дореформенного времени, хотя основы функционирования общества и социальной сферы в условиях административно-командной экономики СССР и рыночно ориентированной системы современной России принципиально различны. Сказанное в полной мере относится и к системе социальных норм и нормативов, разработанных в 1990 г.

Госпланом РСФСР, и к системе социальных нормативов и стандартов, предложенных Министерством экономики РФ в 1996 г.

Действительно, в рамках административно-командной экономики социальные нормативы использовались преимущественно как один из видов директивных плановых показателей. Такой подход и сегодня многим представляется наиболее правильным, простым и логичным, так как позволяет не менять принципиально структуру целевого блока и преобразовать его «задающую» часть посредством введения в ее состав таких нормативов, которые являются по сути своей показателями (нормами) СНИП или их модификациями. Однако эти показатели, представляя собой межотраслевые документы и отражая достигнутые при данном уровне экономического и социального развития нормы удовлетворения социальных, культурных и бытовых потребностей, не могут в полном объеме выполнять присущие социальным нормативам функции, хотя и должны учитываться при разработке последних.

Еще одно обстоятельство заслуживает внимания в связи с оценкой возможности использования традиционных подходов к области социального нормирования в разработке стандартов жизнеобеспечения населения. Практика тех лет оперировала в основном следующими группами социальных нормативов: развития материальной базы социальной сферы; потребления населением материальных благ, платных услуг; социального обеспечения; социального обслуживания; потребительского бюджета и др. В основе такой классификации лежит признак охвата сфер социального развития, а вовсе не ориентация на обобщенные показатели жизнеобеспечения населения.

Именно поэтому подобный методологический подход и логически вытекающие из него методические приемы не ведут к решению практически ни одной из поставленных в обозна-

ченных документах задач, особенно не достигают такой целевой установки, как повышение обоснованности формирования социальных бюджетов, концентрация на этой основе финансовых ресурсов на приоритетных направлениях социальной политики. Декларативными в этой связи выглядят и предложенные в рамках концепции принципы разработки системы минимальных социальных стандартов в Российской Федерации, в первую очередь, касающиеся всесторонней обоснованности устанавливаемых государственных минимальных социальных стандартов, учета прогрессивных изменений в сфере социального развития, наконец, обеспечения общедоступности социальных услуг для всех слоев населения.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению нормативов и стандартов в системе жизнеобеспечения населения, попытаемся определить их сущность и содержание.

Под социальным нормативом, как вытекает из функционального назначения этой категории и сложившейся в отечественной литературе традиции употребления термина, следует понимать такое регламентированное значение социального показателя, которое выражает общественно приемлемый уровень требований, предъявляемый к условиям и процессам жизнедеятельности человека и социальных общностей. Социальные нормативы содержат в себе конкретизированные до эталонного значения цели, отражающие согласованные социальные ожидания субъектов в отношении тех или иных показателей и возможности общества по их реализации. Другими словами, социальный норматив — это, как правило, продукт социального согласия, компромисс, с одной стороны, между потребностями и возможностями общества, а с другой — между различными социальными группами.

Социальные стандарты — это социальные нормативы, получившие свое закрепление в данный период времени посред-

ством решения уполномоченного субъекта управления (органов законодательной и исполнительной власти). Наиболее «сильные» социальные стандарты — это те, которые утверждены федеральными законами. Так, например, на современном этапе нормативы качества жизни, в какой бы форме они ни выступали, важны для управления, поскольку они отражают степень удовлетворения потребностей населения, являются инструментом воздействия общества на сферу потребления, выступают индикаторами степени социального благополучия или неблагополучия.

Следует заметить, что большинство современных подходов в отечественной науке и практике, так или иначе касающихся проблематики социального нормирования, социальной стандартизации и т. д., чаще всего отличает минимум две теоретико-методологические неточности.

Во-первых, в ходе разработки базовой системы социальных нормативов и стандартов просматривается, условно говоря, традиционный взгляд на процесс социального развития, что рано или поздно проявляется в подходах к группировке показателей, их анализу и последующей интерпретации в контексте взаимосвязи с характеристиками качества жизни.

Во-вторых, предлагаемый круг показателей чаще всего слабо ориентирован на отражение существа новых социальных проблем, явившихся следствием реформирования российской экономики в направлении становления рыночных отношений, другими словами, социальных издержек обозначенного процесса.

Из этого следует, что смена общей парадигмы социального развития в условиях новой экономической ситуации, переход к новому типу хозяйствования, в основе которого лежат уже не столько плановые, сколько рыночные регуляторы, диктует необходимость отойти от понимания системы социальных нормативов как жесткого законодательного каркаса, на страже ко-

того государство стоит всей силой своих институтов. Сокращается и сфера нормативного регулирования, а внутри данной сферы ограничиваются размеры социальных гарантий.

Объективная сложность и трудность расчета стандартов жизнеобеспечения населения обусловили сужение целей социального нормирования до выработки именно минимальных социальных стандартов, то есть предельных значений тех материальных благ, которые должны быть гарантированы государством. Иными словами, задача социального нормирования была сведена в последние годы к обеспечению функционирования механизма социальной защиты, а не целеполагания в системе управления демографическими процессами.

Действительно, как сказано в Концепции формирования системы государственных минимальных стандартов, государственные минимальные социальные стандарты — есть установленные органами государственной власти на определенный период времени единые минимальные социальные нормативы и нормы, отражающие важнейшие потребности человека в материальных благах и услугах, гарантирующие соответствующий уровень их потребления и предназначенные для определения обязательного минимума бюджетных расходов на указанные цели. По сути дела, указанные стандарты направлены на решение лишь одной, хотя и важной задачи — предоставление государственных гарантий на реализацию гражданами основных конституционных прав, удовлетворение первейших потребностей человека, но не более.

Сразу отмечу, что, во-первых, речь идет лишь о самых насущных потребностях (питании, медицинском обслуживании, образовании, социальном обеспечении и т. п.), но в них никак не отражаются такие потребности и права человека, как право на труд, на жилье, на безопасность, на здоровую окружающую среду и пр. Действительно, можно иметь в конкретном регионе

или муниципальном образовании довольно высокие показатели по среднемесячной начисленной заработной плате, значительно превышающие социальный стандарт (минимальный размер оплаты труда), но при этом она может не выплачиваться месяцами. В этом случае соблюдение минимального социального стандарта оказывается формальным, на деле условия жизни населения не будут соответствовать, условно говоря, никаким стандартам.

Во-вторых, все минимальные социальные стандарты, как уже отмечалось, регламентируют величину потребления только материальных благ, но не учитывают субъективную составляющую жизнедеятельности, то есть удовлетворенность их качеством, условиями предоставления, фактическую доступность.

Наконец, стандарты изначально задаются как нормативы расходования бюджетных средств, их основная цель — определение обязательного минимума бюджетных расходов на отдельные социальные нужды населения.

Таким образом, минимальные социальные стандарты вовсе не носят характер целеопределяющих, а играют лишь роль определенной минимальной планки величины предоставляемых государством населению набора материальных благ.

Целевой установкой как государственной, так и местной социальной политики должно быть совершенствование всего спектра условий жизнедеятельности и жизнеобеспеченности населения. Именно категория жизнеобеспечения должна определять целевые установки социально-экономического развития, а также являться конечным результатом любых преобразований в социальной сфере. Достижение высокого уровня жизнеобеспечения населения предполагает: во-первых, обеспечение здоровья и среднеевропейских стандартов продолжительности жизни; во-вторых, совершенствование составляющих образа жизни; в-третьих, повышение уровня жизни населения. Поэтому стандарт (в отличие от минимального социального стан-

дарта) должен играть роль не элемента социальной защиты, а механизма целеполагания в системе социального управления, должен фиксировать не «минимальный», а «нормальный», «стандартный» уровень условий жизнеобеспечения населения.

Процессы структуризации демографической политики в контексте развитости общественной среды и семейных отношений

Прежде чем перейти к обоснованию процессов структуризации демографической политики необходимо сделать экскурс в ее понимание. На начальном этапе развития демографических процессов воспроизводство населения соотносилось с вопросами смертности и рождаемости. Это способствовало, как отмечал А. Я. Кваша, формированию суженного воспроизводства населения в очень короткие исторические сроки... тенденция к суженному типу перешла в устойчивое — суженное воспроизводство. Тенденции снижения рождаемости приобрели сейчас большую инерцию и остановить это снижение довольно трудно, что в определенной мере можно сказать и о смертности. И хотя структурные, эпизодические по своей сути факторы могут стимулировать в ближайшие годы рост, хотя и не очень большой, браков, но ожидать столь же ощутимо увеличение числа рождений вряд ли стоит. Но это, видимо, в том случае если динамика простого воспроизводства сохранится без учета возможностей государства влиять на качественно новое формирование общественной среды, то есть переход к расширенному типу воспроизводства населения.

С позиций классической теории демографической революции можно, как уже отмечалось, выделить первый качественный скачок в развитии населения. Это был переход к контро-

лируемой, а точнее регулируемой рождаемости и в меньшей мере к регулируемой заболеваемости. Отсюда можно сделать вывод, что в основу периодизации демографического развития может быть положен уровень воздействия или возможностей регулирования демографических явлений во времени как по их числу, так и по качеству.

Кроме того, в развитых обществах наблюдается процесс полного регулирования рождаемости и смертности с учетом всевозможных ресурсов общественной среды. Ресурсы общественной среды способствуют улучшению социально-экономической ситуации в обществе, реально воспринимаются различными слоями населения, и не только на уровне абстрактных для большинства людей показателей, а на уровне конкретного восприятия действительности.

Так, на вопрос: «Испытываете ли Вы беспокойство, страх перед будущим?» 5,0 % респондентов ответили «нет»; 54,5 % — «время от времени» и 40,5 % ответили «да». Для благополучного самочувствия как одной из составляющих социального здоровья важно, «удовлетворены ли Вы тем, как идут Ваши дела?» Преобладающее большинство ответили по-житейски, проблематично: «когда да, когда нет» — 74,0 %; «скорее не удовлетворен» — 7,0 % и только 19,0 % ответили «определенно, да».

Представляются интересными результаты ответов на вопрос: «В какой степени Вы удовлетворены различными сторонами своей жизни?»:

	Удовлетворен	Не совсем удовлетворен	Не удовлетворен
Своей жизнью в целом	60,0	36,0	4,0
Своим материальным положением	24,6	53,6	21,8
Жилищными условиями	50,4	32,2	17,4

	Удовлетворен	Не совсем удовлетворен	Не удовлетворен
Внутрисемейными отношениями	62,4	30,0	7,6
Отношениями с окружающими	68,2	28,7	3,1
Своим здоровьем	47,6	43,0	9,4
Своей физической формой, подготовкой	43,0	47,0	10,0
Проведением досуга	48,7	41,6	9,7
Своей работой, учебой	48,5	44,0	7,5
Сексуальной жизнью	55,6	30,7	13,7
Своим положением в обществе	59,2	34,5	6,3

Как показывают результаты исследования, респондентам вполне свойственны:

— адекватность мышления и способность критично оценивать внешний мир, происходящее вокруг и свой внутренний потенциал (физический, интеллектуальный, коммуникативный, сексуальный);

— индекс удовлетворенности (как качественно-количественный показатель социального здоровья) различными сторонами жизни в целом приемлем для социального благополучия.

Мнения респондентов на вопрос: «К какому типу людей Вы отнесли бы себя?» распределились так:

«энергичный, волевой, привыкший добиваться поставленных целей» — 31,7 %;

«достаточно настойчивый, хотя не всегда хватает воли и упорства» — 54,7 %;

«скорее, я человек настроения, больше плывущий по течению» — 13,6 %.

Как видим из результатов исследования, людям в большей мере свойственны мобильность поведения и динамизм.

Только 5,7% опрошенных респондентов придают практически никакого значения собственному физическому развитию, совершенствованию. 41,0% респондентов отметили, что «придают очень большое значение», и «придают не более, чем другим сторонам жизни» — 53,3%. К физически привлекательному человеку отнесли себя 80,0% опрошенных.

72,0% опрошенных респондентов признались, что ведут правильный образ жизни, 16,0% — «твердо, да» и 12,2% — «скорее, нет». На вопрос: «От чего больше зависит здоровый образ жизни?» 90,0% респондентов указали на внутренний психологический фактор, внутреннюю возможность, а именно, на сформированную собственную установку на готовность к здоровому образу жизни. И только 10,0% опрошенных респондентов отметили, что «скорее, от усилий государства и общества». Поровну, по 42,0% респондентов «скорее, уверены» и «более или менее уверены» в успешной реализации своих жизненных планов. 19,6% опрошенных не смогли сказать что-то определенно.

Фрагментарный анализ имеющихся эмпирических результатов, касающихся состояния социального здоровья населения показывает, что для него в большей мере характерна норма физического, психологического здоровья, социального самочувствия. Им свойственна адекватность мышления, инновационное возможно, и креативное отношение к новому, а также способность и, главное, желание изменять собственное поведение в лучшую сторону. Желание от злого (внешнего и внутреннего) корректировать поведение к доброму, корректировать свои ценностные ориентации с целью успешно реализовать свои жизненные планы и цели, гармонию духовного и материального.

Отметим, что Х. Лейбенштейн, анализируя связи между темпами изменений численности населения и благосостояния

общества, уточнил понятие «минимального критического усилия» для развития экономической системы, при условии высоких темпов роста населения, по его мнению, связанного с приростом капитала, организационной и технической информации, а также поставил вопрос об источнике ресурсов, необходимых для осуществления этого усилия.

В разработанной им концепции экономико-демографического развития обоснованно два вида равновесия, из которых одно является «ловушкой низкого уровня», а другое — неустойчивое равновесие с тенденцией к началу дальнейшего роста.

Ключевое положение концепции Х. Лейбенштейна заключалось в том, что «квазистабильное равновесие», характерное для отсталой экономики, при котором обеспечивается лишь минимум средств существования, может быть преодолено лишь при изменении уровня накопления капитала, техническом прогрессе, что, в конечном счете, приводит к увеличению доходов, а следовательно, к росту потребления, давлению на ресурсы и росту численности населения, в результате чего снова происходит снижение доходов, и экономика возвращается к равновесному состоянию, характеризующемуся минимумом средств существования.

В этой схеме население рассматривается как эндогенная переменная, а рост численности — как функция не только рождаемости и смертности, но и дохода, как показателя уровня жизни. Между смертностью и доходом существует обратная связь, так как в результате повышения доходов улучшается питание, санитарно-гигиенические условия жизни и т. д., что приводит к снижению смертности.

С учетом влияния общественной среды на процессы формирования демографической политики, видимо, целесообразно выделять три сферы оргструктурных преобразований, а именно: производственную, экономическую, включая ры-

нок труда и распределение доходов и социальную, характеризующие условия жизни, качество жизни и образ жизни населения. Кроме того, процессы формирования демографической политики можно подразделить на затратные или инвестиционные и трудоемкие.

Рост населения при существовании многих альтернативных технологий позволяет осуществлять как один тип преобразований, так и другой, попеременно.

Причиной роста количества нововведений является не только рост числа потенциальных изобретений, но и предыдущие достижения в этой области, особенно качество новых знаний. С ростом количества изобретений увеличивается абсолютное число применяемых нововведений и людей, вовлеченных в процесс творчества и внедрения научно-технических разработок, что ведет к позитивному влиянию роста населения на благосостояние нации.

С ростом населения растут рынки сбыта товаров, что ведет к существенному сокращению издержек производства на единицу продукции. Это явление, получившее название «экономия на масштабах производства», и позволило применять более дорогостоящие, но производительные машины. Специализация и интеграция производства являются факторами, повышающими общую эффективность и норму прибыли на новые инвестиции.

Повышение объемов производства увеличивает возможности транспортной и производственной инфраструктуры, а также разработки относительно дорогостоящих месторождений природных ресурсов.

Для объяснения роста технологических нововведений вследствие возросших масштабов производства используется понятие «обучение через практику». Суть его заключается в увеличении количества нововведений и усовершенствовании по

мере роста объемов производства. Статистические расчеты показывают, что удвоение объемов производства вследствие нововведений ведет к сокращению на 20% издержек на единицу продукции. Интересно, что подобного рода внедрения осуществляются людьми независимо от формального уровня их образования, поэтому эффект повышения производительности, в данном случае пропорционален росту населения.

В течение жизни человек проходит различные стадии экономической активности: детство и отрочество традиционно ассоциируются с активным потреблением, а трудоспособный возраст — с накоплением. Здесь неявно используется концепция изменения физической способности к труду в зависимости от возраста работника.

Доля численности каждой возрастной группы определяет величину «бремени» — для всего общества, поскольку оно обязано обеспечивать потребление каждого его члена. Поэтому ключевым моментом для определения тенденций накопления в зависимости от изменений демографических характеристик будет изучение колебаний половозрастной структуры. Высокая рождаемость связана с высоким уровнем иждивенчества, а ее снижение рассматривается как положительный фактор для развития экономики в краткосрочной перспективе.

Для анализа колебаний уровня сбережений населения в экономике используется концепция коэффициента иждивенчества, который тесно связан с колебаниями в уровне рождаемости. Коэффициент иждивенчества определяется отношением численности нетрудоспособного населения к его трудоспособной части. Для России это — особенно актуально, так как система социальных выплат не связана с темпами роста цен, и в то же время ежемесячные отчисления в Пенсионный Фонд прямо зависят от уровня инфляции.

Влияние рождения дополнительного ребенка на экономику семьи может быть изучено с двух сторон: возникновение дополнительных стимулов к труду у главы семейства и падение заработка у матери ребенка, а также уменьшение объемов личного потребления для всех членов семьи вследствие дополнительных расходов.

И. И. Елисеева видит структурные контуры демографической политики в целенаправленном регулировании государством и региональными образованиями процессов естественного движения населения и в обеспечении эффективной пропаганды здорового образа жизни, полноценной здоровой семьи, в разработке и реализации соответствующих общенациональных и региональных программ. Подобный подход вполне оправдан в связи с тем, что, по сути, решается пять взаимосвязанных задач:

1. Сбережение, воспроизводство, параметрирование и активное использование имеющегося человеческого потенциала как ключевая задача обеспечения национальной безопасности России и ее регионов, включая Северо-Запад РФ;

2. Повышение уровня жизни и качества населения как важнейший элемент национальной идеи России;

3. Формирование и реализация эффективной единой социальной политики в отношении семьи, детства и молодежи, выступающей главным средством воспроизводства молодежной составляющей человеческого потенциала с заранее заданными качествами и свойствами, отвечающими ориентирам экономического и социального развития территории. Ставка на подрастающее поколение — ключ к решению многих проблем российской действительности. Это и есть своего рода «российская идея», о которой так много и долго спорят политики и ученые.

Реализация указанных задач социальной модернизации послужит основой формирования молодого поколения, интеллектуальные и инновационные характеристики которого обеспечат поступательное развитие отечественной экономики.

4. Обеспечение в реализуемой социальной политике гибкого реагирования на возникающие проблемы в демографическом развитии.

5. Осуществление демографической политики, в которой человек, его качество жизни (качество жизни населения, качество человеческого потенциала, его молодежной составляющей) — генеральная цель развития экономики; определенное качество человеческого потенциала (включая молодое поколение как главный ресурс общества) — важнейшее средство и условие экономического развития региона в будущем; целевое параметрирование качества молодежной популяции — основа реализации экономических ориентиров развития территории региона в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Структурно демографическая политика может быть представлена следующими содержательными блоками:

1. Улучшение демографической ситуации:
 - создание предпосылок для повышения рождаемости;
 - улучшение репродуктивного здоровья;
 - укрепление института семьи, включая формирование механизмов ее адресной защиты и повышение действенности детских пособий;
 - увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения;
 - увеличение продолжительности активной жизни населения;
 - повышение территориальной мобильности рабочей силы;
 - регулирование миграционных потоков, направленных на восполнение естественной убыли населения и удовлетворе-

ние потребности в рабочей силе, особенно в северных районах округа;

— стимулирование притока высокопрофессиональных рабочих, служащих, инженеров — мигрантов, в первую очередь русскоязычного населения из государств-членов СНГ, а также Латвии, Литвы, Украины, Республики Беларусь и т. д.

— обеспечение социально-культурной адаптации мигрантов, формирование толерантного отношения к ним со стороны коренных жителей Северо-Запада России;

— создание экономических и социальных условий, способствующих сокращению эмиграции с территории;

— объединение усилий государства и общества, направленных на выработку единых подходов к сохранению, укреплению, воспроизводству демографического потенциала;

— налаживание координации действий органов государственной власти федерального и регионального уровней, органов местного самоуправления в решении вопросов демографической, семейной и миграционной политики на местах.

2. Создание государственной системы обеспечения качества населения:

— разработка и реализация программ обеспечения качества жизни, сохранения и укрепления здоровья населения;

— формирование и развитие идеологии, устанавливающей ценности здоровой и продолжительной жизни на самый высокий уровень государственных и личных ценностей, создание условий невыгодности болезней с позиций профессиональной карьеры, трудовых доходов, личного и социального благополучия;

— создание федеральной и региональной нормативно-правовой базы, регулирующей и способствующей созданию условий и стимулированию развития государственной системы

обеспечения качества жизни, сохранения и укрепления здоровья населения;

— законодательное выделение в бюджетах средств на создание и развитие государственной системы обеспечения качества жизни, сохранения и укрепления здоровья населения;

— организация инфраструктуры системы и новых государственных органов, обеспечивающих управление государственной системой обеспечения качества жизни, сохранения и укрепления здоровья, службами, организациями и учреждениями общественного здоровья, несущих ответственность за деятельность в этой области;

— формирование в системе подготовки и переподготовки всех государственных служащих, руководителей органов власти и управления, а также в рамках их профессиональной деятельности идеологии и практики культуры здоровья, жизнесохраняющего мышления и поведения, изменения общественного сознания в направлении оптимального сочетания внешнего государственного контроля над социальным поведением и самоконтроля граждан;

— создание постоянно действующей региональной системы мониторинга качества жизни и здоровья для применения в системе управления социально-экономическим развитием, предусматривающего в своем составе мониторинг и базы данных, обеспечивающие контроль и управление системой сохранения и укрепления здоровья населения;

— развитие научных исследований и прикладных разработок в области сохранения и укрепления индивидуального и общественного здоровья, создание инновационных центров по разработке оздоровительных технологий и внедрению их в индустрию здоровья;

— создание и развитие индустрии оздоровительных услуг и товаров для здоровья;

- создание службы здоровья в учреждениях общего и профессионального образования с материально-технической базой в виде школьных, межшкольных, районных центров здоровья и вузовских центров здоровья;
- разработка и включение в образовательные программы учреждений общего и профессионального образования новой дисциплины «Культура здоровья»;
- создание системы подготовки и переподготовки педагогов по специальности «Культура здоровья» для учреждений общего и профессионального образования;
- создание системы подготовки специалистов по «Культуре здоровья», владеющих арсеналом тестирования здоровья и оздоровительных технологий, разработкой и применением индивидуальных и коллективных оздоровительных программ;
- принятие системы мер по усилению физического воспитания в учреждениях общего и профессионального образования;
- создание информационно-просветительской системы по культуре здоровья и внедрению оздоровительных технологий с помощью средств массовой информации и общественных организаций и движений;
- создание системы здорового питания, производства продуктов и услуг здорового питания;
- развитие системы услуг физической культуры и массового спорта для всего населения (спортивные комплексы, стадионы, бассейны);
- развитие системы психологических услуг;
- создание и развитие системы центров оздоровительных, рекреационных и курортных услуг, особенно в районах бассейнов Балтийского моря, озер и рек, в лесопарковых зонах, новой системы и инфраструктуры оздоровительного туризма;

— создание государственного стандарта «Оздоровительные услуги», правил и системы аккредитации оздоровительных учреждений;

— создание системы сертификации специалистов по оздоровительным услугам и контроля качества оздоровительных услуг, технологий и товаров для здоровья;

— разработка норм и создание здоровой среды жизнедеятельности населения (здоровое жилище, здоровый офис, здоровые условия труда, здоровый отдых и т. д.);

— проведение фестивалей здоровья, систематических массовых мероприятий в области физической культуры и спорта.

3. Создание природной среды, обеспечивающей социальное воспроизводство населения:

— введение платы за природопользование;

— ведение нормативов, минимизирующих ущерб окружающей среде, обязательных при осуществлении любой деятельности;

— введение санкций по возмещению ущерба, нанесенного окружающей среде;

— введение обязательного лицензирования осуществления производственной и любой другой деятельности, способной создать угрозу экологической безопасности населения и территории;

— введение для всех проектов строительства, реконструкции, производства любой продукции обязательной государственной экологической и санитарно-эпидемиологической экспертизы;

— обеспечение постоянного экологического мониторинга, своевременное полное и достоверное информирование граждан, учреждений, предприятий, организации об угрозах в области экологической безопасности;

— участие в международной природоохранной деятельности сопредельных государств и формирование с ними единого правового пространства в этой области;

— создание системы восстановления флоры, фауны, водных, земельных и прочих потребляемых и эксплуатируемых природных ресурсов.

— 4. Профилактика алкоголизма, наркозависимости, здоровья населения:

— создание системы комплексной профилактики заболеваний;

— обеспечение гарантированности права граждан на получение необходимой бесплатной медицинской, в том числе лекарственной помощи;

— повышение качества и доступности медицинской помощи;

— обеспечение в полном объеме медицинской реабилитации;

— разработка и реализация системы мер, направленных на поддержку материнства и детства, сохранение репродуктивного здоровья;

— развитие мероприятий, направленных на снижение распространенности социально обусловленных заболеваний таких как туберкулеза, ВИЧ-инфекции и других заболеваний, в том числе передающихся половым путем;

— развитие сети медицинских учреждений и изменение ее структуры;

— совершенствование подготовки медицинских кадров, повышение уровня оплаты и улучшение условий труда медицинских работников;

— совершенствование системы медицинского страхования;

— мониторинг заболеваемости различных групп населения;

— развитие научной базы, расширение финансирования научно-исследовательских работ и научной деятельности в об-

ласти медицинской помощи населению в приоритетных направлениях, ускорение внедрения результатов научных исследований в практику медицинских учреждений;

— совершенствование комплекса санитарно-эпидемических мероприятий;

— вакцинация и иммунизация, охватывающая все необходимые категории граждан;

— поддержка отечественных производителей фармакологических средств и медицинской техники с одновременным ужесточением контроля качества и безопасности лекарственных средств и фармакологических препаратов, импортируемых и производимых в РФ;

— упорядочение ценообразования на фармакологические препараты, приобретаемые медицинскими учреждениями и индивидуальными потребителями;

— улучшение диагностики на ранних стадиях заболеваний путем оснащения медицинских учреждений современной аппаратурой и другими средствами диагностики, расширение существующих и создание новых диагностических центров;

— внедрение новых методов диагностики и лечения;

— преемственность лечения больных в поликлиниках и стационарах, других медицинских учреждениях;

— приближение медицинских учреждений к населению по месту жительства и работы, в том числе возрождение деятельности семейных врачей и медико-санитарных частей предприятий, повышение роли школьных врачей;

— восстановление деятельности системы диспансеризации населения;

— улучшение качества и расширение объема помощи деятельности учреждений, осуществляющих бесплатное медицинское обслуживание;

— улучшение лекарственного обеспечения медицинских учреждений и доступность приобретения лекарств больными, а так же контроль над ростом цен на лекарства;

— контроль качества медицинского обслуживания во внебюджетных лечебных учреждениях;

— повышение качества подготовки, переподготовки и повышение квалификации врачей и среднего медицинского персонала;

— укрепление нормативной и финансовой базы для работы врача общей практики;

— повышение уровня оплаты труда медицинских работников и их социальной защищенности;

— улучшение условий труда и быта, обеспечение безопасности труда медицинских работников;

— совершенствование деятельности медицинских реабилитационных центров;

— расширение сети дневных стационаров и улучшение их оснащения с целью проведения медицинской реабилитации больных;

— обеспечение доступности санаторно-курортного лечения;

— расширение сети санаториев и пансионатов с лечением;

— активизация деятельности центров планирования семьи;

— пропаганда безопасных методов контрацепции и разъяснение опасности абортов, особенно среди подростков и молодежи;

— мониторинг, направленный на выявление факторов риска и симптомов женских заболеваний;

— расширение деятельности генетических центров;

— укрепление материально-технической базы женских консультаций, гинекологических кабинетов, родильных домов;

— осуществление активного медицинского патронажа детей первого года жизни;

- развитие современной индустрии детского питания;
- ежегодная диспансеризация детей и подростков по месту жительства или учебы;
- реорганизация и совершенствование первичной медицинской помощи, госпитальной помощи, скорой и неотложной помощи;
- развитие региональной нормативно-правовой базы системы медицинской помощи населению;
- разработка механизмов управления согласованной работой между системами медицинской помощи населению и медицинского страхования;
- определение необходимого и достаточного числа больниц, укрепление их материально-технической базы, повышение квалификации их медицинского персонала;
- создание в больницах консультативно-поликлинических отделений, предоставляющих высококвалифицированную специализированную амбулаторную медицинскую помощь силами врачей больницы;
- создание вместо поликлиник амбулаторных центров первичной медицинской помощи, обеспечивающих значительную экономию финансовых и материальных средств, а также людских ресурсов;
- осуществление переподготовки врачей-терапевтов и врачей-педиатров, работающих в амбулаторных центрах первичной медицинской помощи, по программам общеврачебной практики;
- перемещение подстанций скорой помощи на базу больниц для ускорения оказания экстренной помощи и доставки больного в стационар;
- создание в структуре приемных покоев этих же больниц отделений интенсивной терапии и реанимации;

— осуществление лечения больных, не требующее постельного режима, в экономически более выгодных дневных стационарах;

— создание новых и переоснащение имеющихся специализированных медицинских учреждений, внедрение в них новых методов диагностики и лечения;

— развитие клинико-диагностических центров;

— совершенствование организации всех видов системы медицинской помощи в сельской местности;

— воссоздание семейной медицины;

— повышение роли медико-санитарных частей предприятий в профилактике, ранней диагностике и лечении профессиональных и других заболеваний.

5. Создание системы организационного взаимодействия органов государственного управления с общественными объединениями, представляющими интересы семьи и молодежи.

— определение экономической и социальной ответственности государства и органов управления за эффективность проведения семейной и молодежной политики;

— обеспечение преемственности поколений в процессе формирования и реализации единой политики в отношении семьи, детства и молодежи;

— создание правовых, организационных, экономических, социальных, политических, информационных, финансовых и других условий для успешного функционирования системы жизнеобеспечения молодого поколения и института семьи;

— повышение качества молодого поколения;

— социально-правовая защита многодетной, неполной, кризисной семьи с несовершеннолетними детьми, социально-экономическое поддержание статуса молодой семьи как основополагающего института общества.

6. Фиксация в деятельности органов государственного управления адресных мер по обеспечению эффективной демографической политики:

— нормативно-правовых: внедрение государственных стандартов и нормативов жизнеобеспечения семьи и молодого поколения;

— воспитательно-образовательных: организация, развитие и внедрение единой системы подготовки подрастающего поколения к современной жизни; трудовое, гражданское, патриотическое, нравственное и физическое воспитание молодого поколения, формирование у него высокой общей культуры;

— социально-экономических: создание материальной базы и формирование в обществе социально-экономических условий для решения приоритетных задач жизнеобеспечения молодого поколения и социально-правовой защиты семьи; создание условий для оптимального физического, психического, духовного и социального развития и становления детей, подростков и молодежи;

— кадровых: совершенствование и дальнейшее развитие системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов для организаций и учреждений жизнеобеспечения семей и молодого поколения, реализации эффективной социальной работы с детьми и молодежью на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном;

— репродуктивных: обеспечение безопасного материнства и охрана здоровья новорожденных; рождение только желанных детей; охрана репродуктивного здоровья несовершеннолетних; развитие ювенальной медицины;

— реабилитационных: профилактика врожденной инвалидности детей; профилактика и реабилитация детей, подростков и молодежи, оказавшихся в критической ситуации; медикосоциальная реабилитация детей-инвалидов; разработка мер по

оптимальной интеграции в общество детей-сирот, безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, жертв межнациональных или вооруженных конфликтов, несовершеннолетних безработных; формирование и развитие механизмов, позволяющих обеспечить достойное воспитание детей-сирот в условиях семьи;

— девиантно-превентивных: формирование упредительной системы комплексного решения проблем профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, социальная реабилитация молодых правонарушителей; повышение эффективности мер упреждения любых видов девиантного поведения;

— инфраструктурных: создание, развитие и оптимизация деятельности сети учреждений, предоставляющих разнообразные социальные услуги семье, детям, подросткам и молодежи; обеспечение необходимых физиологических потребностей детей раннего возраста в специальных и лечебных продуктах питания при условии активной поддержки отечественного производителя;

— материально-технических: создание необходимой материальной базы и формирование экономических условий для достижения приоритетных ориентиров жизнеобеспечения молодого поколения и семьи; адресная социальная помощь многодетной, неполной и кризисной семье с несовершеннолетними детьми, беспризорным и безнадзорным детям, а также детям сиротам после пребывания их в специальных учреждениях;

— социально-стимулирующих: активизация молодежи для подготовки ее к «взрослой жизни» — служению обществу, отечеству через интенсивную познавательную, творческую и трудовую деятельности; формирование и развитие активной жизненной позиции, при которой молодое поколение способно самостоятельно решать большую часть своих социально-экономических проблем, помогать сверстникам; поддержка талантливой и одаренной молодежи всех возрастов;

— научно-исследовательских и информационных: проведение специальных научных изысканий и ювенологических исследований; организация социально-экономического и социально-психологического мониторинга различных типов семей с детьми и различных категорий и когорт молодого поколения; формирование банка данных о процессах, происходящих в среде детей, подростков и молодежи; о различных типах семей с несовершеннолетними детьми; прогнозирование социальных ситуаций в семьях с детьми, а также в среде молодого поколения, различных его категориях и когортах на основе анализа тенденций;

— определения социального и экономического потенциала: выявление и анализ потенциальных возможностей молодежной популяции и российской семьи как основной базы воспроизводства социально-демографической структуры населения, человеческого потенциала.

7. Повышение уровня жизни и учет социально-значимых установок и ориентиров населения:

— создание необходимых условий для обеспечения всеобщей доступности и общественно приемлемого качества базовых социальных благ прежде всего, медицинского обслуживания и общего образования;

— повышение защиты социально уязвимых домохозяйств, которые не имеют возможностей для самостоятельного решения социальных проблем и нуждаются в государственной поддержке;

— создание для трудоспособного населения экономических условий, позволяющих гражданам за счет собственных доходов обеспечивать более высокий уровень социального потребления;

— формирование правовых и организационных основ для развития институтов социально-культурной сферы, создающих возможность максимально полной мобилизации средств населе-

ния и предприятий, эффективного использования этих средств, и обеспечение на этой основе высокого качества и возможности широкого выбора населением предоставляемых социальных благ и услуг;

— переход к перераспределению социальных расходов в пользу самых уязвимых групп населения при одновременном сокращении социальных трансфертов обеспеченным семьям;

— возвращение заработной плате ее воспроизводственной, стимулирующей и регулирующей функций и содействие развитию рыночных механизмов регулирования заработной платы;

— мобилизация всех возможных ресурсов не инфляционного роста заработной платы;

— обеспечение своевременной выплаты текущей заработной платы, погашение накопленной задолженности;

— последовательное повышение минимальных государственных гарантий по оплате труда;

— организации заработной платы работников бюджетной сферы на основе пересмотра основных параметров ЕТС, упорядочении системы надтарифных выплат и порядка формирования фонда оплаты труда.

Отмечу, что по оценкам Всемирной организации здравоохранения в совокупном влиянии на здоровье населения образу жизни отводится 50%, среде обитания — 20%, а медико-санитарной помощи — 10%. Опыт развития человеческой популяции и научные знания сегодня позволяют понять, что формирование культуры здоровья и образа жизни, устраняющего большинство факторов риска, развитие оздоровительной системы и технологий, развитие массовой физической культуры, создание здоровой среды жизнедеятельности — это тот минимальный комплекс мер, от которого сегодня при активной социальной политике здоровье населения, а по оценкам специалистов с помощью таких мер можно добиться увеличения продолжительности жиз-

ни на 20 и более лет, резкого снижения заболеваемости, какого нельзя ожидать даже в результате крупных открытий в медицинской науке.

8. Формирование здорового образа жизни населения:

1) Создание информационно-пропагандистской системы повышения уровня знаний всех категорий населения о негативном влиянии факторов риска на здоровье, возможностях его снижения.

Только через текущую, повседневную информацию человек получает необходимые знания, которые в той или иной степени влияют на поведение, а, следовательно, и на образ жизни человека.

2) Второе важное направление формирования здорового образа жизни — так называемое «обучение здоровью».

Это комплексная просветительская, обучающая и воспитательная деятельность, направленная на повышение информированности по вопросам здоровья и его охраны, на формирование навыков укрепления здоровья, создание мотивации для ведения здорового образа жизни, как отдельных людей, так и общества в целом. Нельзя в этой связи не подчеркнуть главный вопрос: никакая информация, если она не подкреплена личной заинтересованностью, ничего для человека не значит. Сегодня это особенно важно в отношении молодежи, по-существу постоянно находящейся в зоне риска.

Школа является центром формирования мировоззрения и интеллектуального уровня молодого человека. Именно здесь в течение всего периода есть возможность дать детям и родителям глубокие знания о сущности психического и физического здоровья, в доступной форме изложить причины его нарушений, научить методам его восстановления и укрепления.

Здоровье учащихся непосредственно зависит от отношения детей к его сохранению и укреплению. В то же время воспитание у детей заботы за собственное здоровье, формирование соответствующих умений и навыков в подавляющем большинстве заформализовано. Сложившаяся практика сводит эту работу в школе к лекциям, основным содержанием которых являются сведения о клинике, диагностике и лечении заболеваний. Как правило, их читают либо школьные медицинские работники, либо врачи территориальных поликлиник. Однако они не владеют методологией обучения и воспитания здоровому поведению, теорией и методами формирования у людей позитивной мотивации на сохранение здоровья. Отсюда отсутствие озабоченности состоянием собственного здоровья у подавляющей части здорового населения.

Семья выполняет функции, которые во многом определяют сохранение и укрепление здоровья человека и общества. Семья наиболее полно выполняет репродуктивную функцию, в семье родители приобщают своих детей к нравственным ценностям и нормам поведения, к жизни в обществе, взаимодействию с другими людьми, передают трудовые навыки. В семье решается досуговая функция, обеспечивающая гармоничное развитие человека.

3) Меры по снижению распространенности курения и потребления табачных изделий, снижению потребления алкоголя, профилактика потребления наркотиков и наркотических средств. Следует подчеркнуть, что от степени заинтересованности людей в собственном здоровье напрямую зависит успех данного направления в работе по формированию здорового образа жизни. В последние годы в обществе стало более настойчивым стремление оградить население, особенно молодежь, от вредных привычек, формируется законодательная база в этой области, однако говорить об успехах преждевременно. Три четверти мужчин в возрасте до 40 лет курит, стремительно увели-

чивается удельный вес курящих женщин и подростков. Злоупотребление алкоголем является причиной более 70 процентов несчастных случаев, 60 процентов смертельных отравлений связано с употреблением алкогольных напитков. Согласно данным общероссийского мониторинга наркоситуации, количество лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков, составляет 6 млн. человек.

Основной формой антинаркотической профилактики в крае является пропаганда. Но работа эта во многом идет вхолостую, особенно с детьми и молодежью. Разъяснительная работа специалистов здравоохранения проводится эпизодически, ею практически занимаются врачи наркологи и не задействованы врачи других специальностей. Профилактические акции, как правило, проводятся в городах, не затрагивая небольших населенных пунктов. В агитационных материалах не учтена психология «рыночного» поколения с более индивидуализированным сознанием, чем у старшего поколения, его новая потребительская субкультура, в которой главным понятием является престиж.

В целях повышения эффективности профилактической работы целесообразно более активно привлекать к участию в ее проведении работников образования, науки, культуры, видных политиков, шоуменов и других лиц, пользующихся авторитетом среди определенных групп населения. С учетом этого, проведение целенаправленных массовых акций с привлечением известных личностей, оказывающих влияние на общественное мнение, может оказаться самым результативным.

4) Побуждение населения к физически активному образу жизни, занятиям физической культурой, туризмом и спортом, повышение доступности этих видов оздоровления.

Естественно, что коммерциализация спортивной инфраструктуры препятствует развитию массового спорта. В то же время, сводить проблему исключительно к доступности спортивных

сооружений неправильно. Речь должна идти о борьбе с гиподинамией всеми доступными способами, включая уроки физкультуры в школе, физкультуры на производстве, утреннюю гимнастику, пешие прогулки и походы и другие формы, доступные для массового использования. Необходимо, прежде всего, преодолеть пассивность муниципальных органов по делам молодежи и по физической культуре и спорту, которые способны профессионально возглавить и вести эту работу. Сельские и школьные стадионы, дворовые спортивные площадки, другие простейшие спортивные сооружения могут с успехом стать местами обучения населения, особенно детей и молодежи, навыкам физической культуры. Особую роль в этом плане должны играть летние оздоровительные учреждения, которые в настоящее время используются больше как средство обеспечения занятости детей, нежели как средство формирования здорового образа жизни.

Отмечу, что образ жизни вообще — это система поведения человека в процессе жизнедеятельности, основанная на личном опыте, традициях, принятых нормах поведения, на знаниях законов жизнедеятельности и мотивов самореализации. Отсюда здоровый образ жизни — это наиболее оптимальная система поведения человека в повседневной жизни, позволяющая ему максимально реализовать свои духовные и физические качества для достижения душевного, физического и социального благополучия. Это цельная, логически взаимосвязанная, продуманная и спланированная система поведения человека, которую он осуществляет не по принуждению, а с удовольствием и уверенностью, что она даст положительные результаты.

К положительно влияющим на здоровье человека факторам относятся: — соблюдение режима дня, рациональное питание, закаливание, занятия физической культурой и спортом,

хорошие взаимоотношения с окружающими людьми, а к отрицательным — курение, употребление алкоголя, наркотиков, эмоциональная и психическая напряженность при общении с окружающими, а также неблагоприятная экологическая обстановка в местах проживания.

Следует подчеркнуть, что основные составляющие здорового образа жизни носят общий характер. В то же время, — это динамичная система поведения человека, основанная на знаниях различных факторов, оказывающих влияние на здоровье и это постоянное корректирование своего поведения с учетом приобретенного опыта и возрастных особенностей.

9. Качество общественной среды формирования демографической политики, включает:

1) качество социальной среды: отражающая уровень условий труда, социальной защиты, физической и имущественной безопасности члена общества, криминогенного и социально-политического здоровья самого общества и т. п.;

2) качество окружающей среды, аккумулирующее данные о загрязнении воздушного пространства, почв и воды. Замечу, что человеческая популяция — это единственная земная популяция, не обеспечивающая утилизации отходов своей жизнедеятельности, опасных для окружающей среды и не включенных в естественные природные технологии;

3) качество природно-климатических условий жизнедеятельности и жизнеспособности населения.

Несмотря на развернутую структуризацию процессов формирования демографической политики, вполне возможно рассчитать достигнутые значения по каждому из представленных показателей к базовым. Механизм расчетов может быть следующим:

— Оценка осуществляется с помощью определенного перечня экономических, социальных и организационных показате-

лей, отбираемых методами экспертных оценок и корреляционного анализа.

— Вводится экономическое стимулирование достижения более высокого качества уровня жизни населения с наименьшими затратами ресурсов. Оно реализуется путем введения математических функций стимулирования, отражающих закономерности экономической и социальной жизни региона.

— Выбирается базисная система, в качестве-которой принимаются социальная система-лидер, базисный период или базисные значения показателей, отобранные экспертами и принимаемые за эталон.

— Соизмерение экономических и социальных показателей с учетом их важности.

— Интегральный показатель качества жизни рассчитывается в виде суммы баллов с приведением к процентной шкале измерения (100 баллам).

Комплексный показатель рассчитывается путем суммирования частных характеристик, которые определяются по результатам выполнения экономических и социальных показателей. Весовой коэффициент показывает относительную важность экономического или социального показателя в общей совокупности показателей качества жизни. Полученное значение в баллах отражает «вклад» конкретного частного показателя в общий уровень качества жизни населения.

Численные значения экономических и социальных показателей определяются из плановых документов, форм статистической и оперативной отчетности и рассчитываются в виде процентного отношения фактического значения к базисному конечному результату:

Полученное в расчетах численное значение (X) свидетельствует о степени достижения конечного результата: выполне-

ние, перевыполнение, невыполнение и должно иметь различную социально-экономическую оценку. Стимулирование локальных показателей качества жизни населения реализуется путем введения в оценку скорректированных значений показателей по формуле:

При 100%-ном выполнении базисного уровня скорректированный показатель также должен быть равен 100%, а при отклонениях рассчитывается по конкретной функции стимулирования в зависимости от важности и экономического значения показателя.

Стимулирование по «линейной восходящей» функции ($Y=X$), когда поощряется каждый процент достижения показателем конечного результата, а при невыполнении принимается фактическое значение. Наиболее простой случай стимулирования процент за процент отражает основные положения экономической реформы применительно к оценочным показателям, например таким, как денежные доходы, инвестиции, материальные блага и т. д.

Стимулирование по «линейной нисходящей» функции ($Y=200-X$), когда поощряется достижение результата с наименьшими затратами ресурсов, а за перерасход ресурсов начисляется меньшее число баллов. Постоянный коэффициент, равный 200, позволяет при $X=100$ иметь эквивалентное значение скорректированного показателя $Y=100$.

Таким образом, структуризация демографической политики государства по блокам и социальным индикаторам создает предпосылки системного объемного представления о проблемной ситуации, сложности и направленности программных действий, объемах инвестиций и возможных результатах как в ближайшей, так и отдаленной перспективе социального воспроизводства населения.

Заключение

В процессе проведенного мной исследования в течении нескольких лет, я получил следующие научные и практические результаты:

В процессе мониторинга и описания теорий демографической политики установлены предпосылки понимания развития демографической политики: рождаемость, переход общественного развития из одного состояния в другое (схема общественной формации), рост благосостояния населения, макро и микроэкономическое развитие, миграционные процессы, социокультурное развитие, формирование социальных институтов, гражданское общество.

Концептуально развиты представления о роли семьи и внутрисемейных отношений в демографическом развитии. Установлено, что на процесс демографического развития оказывает воздействие сложившаяся общественная среда и ее институты. Определены контуры семейного благополучия в результате потребления товаров и услуг, способствующие процессам демографического развития. Установлена зависимость рождаемости от социокультурного фактора общественного развития.

Определена примерная структура общественной среды: семья, поселенческая общность, рынок труда, субъекты хозяйствования, природная среда, субъекты государственного и территориального управления, индивид, личность. Установлена модель взаимодействия человека с общественной средой и контуры его поведения при ее трансформации.

Развиты представления об общественной среде как одном из важнейших условий формирования демографической политики государства: изменение геополитического статуса государства, социокультурное, духовное и нравственное развитие населения, изменение отношения к семье как изначальному социальному институту, формирование цивилизационных особенностей об-

ществленного развития, природно-географические факторы общественной среды, развитость сферы приложения труда.

Установлена зависимость развития общественной среды от состояния биологического развития населения: хронических и врожденных заболеваний и т. п.; состояния медико-организационного обеспечения населения; состояния экономической обстановки. Определены социальные индикаторы апатии различных групп населения к осуществляемой государством демографической политики. Определены семь особенностей положения женщин в семье: женщина мать и пассивный работник в сфере труда; женщина мать и активный работник в сфере труда; женщина мать и иждивенка; женщина мать — общественный деятель; женщина мать и основной доминант в обеспечении семьи; женщина, зависимая от мужа; женщина, находящаяся в партнерских отношениях с мужем; женщина одиночка; женщина, отторгающая семейные отношения и деторождение.

Установлены индикаторы социального здоровья населения, способствующие формированию эффективной демографической политики. Теоретически и эмпирически установлены материальные трудности жизнеобеспечения населения, ставшие ограничением рождаемости. Установлено, что гармонизация внутрисоциальных, внутрикультурных, социокультурных отношений в общественной среде способствует позитивному восприятию программных действий, составляющих основу демографической политики государства.

Определены мотиваторы различных групп населения в социальном воспроизводстве: контактная среда, система образования и профессиональной подготовки, социально-структурная среда, социальные нормы и стереотипы поведения, информационная среда, социальная жизнь.

Установлены демотиваторы социального воспроизводства населения: психология иждивенчества, бытовая неустроенность,

ориентация на достижение индивидуальных целей и личную выгоду, социальная некомпетентность, духовно-нравственная распушенность, социальная безответственность.

Определено влияние социально-экономических трансформаций общественной среды на механизм реализации демографической политики государства, включая: осмысленное и ответственное отношение к семье, воспитанию детей — 5,0%; развитие индивидуальных установок и ориентиров в профессиональной и общественной жизни — 58,0%; терпимость во внутрисемейных отношениях, несмотря на экономические трудности — 2,0%; компенсаторные отношения — 4,0%; оптимистичный взгляд в будущее — 14,0%; создание условий «мир в семье» — 17,0%. Подобные социальные индикаторы необходимо учитывать в мерах по обеспечению процессов демографического развития.

Обоснована необходимость построения демографической политики государства на основе цивилизационных стандартов жизнеобеспечения населения, которые включают следующие блоки: 1. условия жизнедеятельности: занятость, характер труда, содержание труда, жилищные условия и бытовое обслуживание, обеспеченность населения товарами и услугами, развитие сферы образования, культуры, искусства, спорта и отдыха, социальная безопасность; 2. уровень жизни: доходы, расходы; 3. здоровье и репродуктивная деятельность: индикаторы здоровья, репродуктивной деятельности, окружающей среды; 4. качество жизни.

С учетом состояния общественной среды — условия формирования демографической политики государства, обоснована необходимость обеспечения предметности и адресности мер демографического развития: сбережение, воспроизводство, параметрирование и активное использование человеческого потенциала, повышение уровня и качества жизни различных со-

циальных групп населения, комплексная социальная политика, реагирование на проблемы, сдерживающие демографическое развитие и т. п.

Практические результаты теоретические положения и выводы использованы в учебном процессе в вузах по курсу «Экономическая социология». Считаю рекомендации данные мной целесообразно практически использовать в государственной и региональных программах демографического развития.

Список анализируемой литературы

Аналитический доклад ИС РАН «Социальные неравенства в социологическом измерении». — М.: 2006.

Аргунова Е. В., Безденежных Т. И. Мониторинг демографической ситуации в Санкт-Петербурге: задачи, проблемы и пути формирования // Актуальные проблемы демографического развития Санкт-Петербурга. Материалы конференции (23 июня 2004 года) / Под ред. Е.Г.Слущкого. — СПб.: 2004.

Елисеева И.И. Проблемы неравномерного замещения поколений в современной России. В кн.: Актуальные проблемы демографического развития Санкт-Петербурга. Материалы конференции 23 июня 2004 г. — СПб.: 2004.

Бондаренко Л.Ю. Роль женщины: от прошлого к настоящему // ОНС. — 1996. — № 6. С. 165.

Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. — М., 1989.

Вебер М. Хозяйство и общество. — СПб.: 1921.

Демографическая политика: цели, принципы, приоритеты / Под ред Л.Л. Рыбаковского. — М.: ИСПИ РАН, 2000.

Доктрина развития Северо-Запада России / Под руководством П.Щедровицкого. — СПб.: Издательский дом «Corvus», 2001.

Елисеева И.И. Социальная статистика. — М.: Финансы и статистика, 2000.

Иванов О.И. Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях Гурьев В.И. Основы социальной статистики. — М., 2000.

Комаров М.С. Общество как социокультурная система. В кн.: Проблемы теоретической социологии. — СПб.: Петрополис, 1994.

Корнаи Я. Бюрократия и рынок // Вопросы экономики. 1990, № 12, с. 73.

Клупт М.А. Проблемы, тенденции и перспективы воспроизводства человеческого потенциала Санкт-Петербурга и Северо-Запада России. В кн.: Актуальные проблемы демографического развития Санкт-Петербурга и Северо-Запада России. — СПб.: Знание, 2005.

Клупт М.А. Демографическая политика как предмет контент-анализа // Социологические исследования, 2003, № 12, с. 108–117.

Лисовский В.Т. Положение молодежи Санкт-Петербурга. Ежегодный доклад. — СПб.: 2000.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. — М.: 1989.

Материалы статистической базы «Статистика России» по демографии Госкомстата РФ (на электронном носителе).

Медков В.М. Теоретические концепции и парадигмы отечественной демографии // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: в 3 т. — М.: Альфа-М, 2003, Т. 2.

Мужчины и женщины России: Краткий стат. сборник Госкомстата России. — М.: 1998.

Мурашов С.Б. Налогообложение как инструмент социальной деятельности государства. — СПб.: РАЕН, 2001.

Народонаселение: современное состояние научного знания / Под ред.: Д.И.Валентя, А.С.Первушина. — М., 1991.

Нестерова Д., Сибирянова К. Инвестиции в человеческий капитал в переходный период в России. Научный доклад РПЭИ № 99/04. — М.: 1999.

О возможных путях демографического развития России в первой половине XXI века // Статистический бюллетень Госкомстата России. 2002. № 1 (85).

Общественное развитие и НТР // Под ред. И.И.Леймана. — Л.: Наука, 1982. — 268с.

Орлова И.Б. Демографическое благополучие России. — М., 2001.

Орлова Н.Х. Установки на демографическое поведение в молодежной культуре // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: в 3 т. — М.: Альфа-М, 2003. — Т. 2.

Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: Статистический сборник. — СПб., 2003.

Первушин А.С., Судоплатов А.П. Народонаселение и мировое развитие. М., 1989.

Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. — СПб.: 1908.

Петухов В.В. Демократия и возможности социальной мобильности / В кн.: Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6 / Отв. ред. М.К.Горшков. — М.: ИСРАН, 2007.

Политика доходов и качество жизни населения // Под ред. Н.А. Горелова. — СПб.: Питер, 2003.

Потемкин В.К. Социальная инфраструктура регионов: нормативный подход к преобразованию. — СПб.: ИСЭП РАН, 1996. — 140 с.

Потемкин В.К. Социальная политика и социальная практика налогообложения. — СПб.: РАЕН, 2004.

Потемкин В.К. Социальный механизм преобразования российского общества. — СПб.: ИСЭП РАН, 1997.

Потемкин В.К., Копейкин Г.К., Оленев Р.Г. Социальная криминология: диагностика и правоприменительные инициативы. — СПб.: РАЕН, 2005.

Практика рыночных исследований. Информационно-аналитический сборник. 2007. — СПб.: ГОРТИС, с. 12.

Преодоление кризиса Российской экономики: социально-институциональные проблемы // Под ред. А.В. Бузгалина. — М.: Экономическая демократия. — 1994.

Сагатовский В.Н. Опыт сочетания теоретического и эмпирического подходов в построении системы показателей образа жизни. — М.: 1978.

Сарно А.А. Поддержка и регулирование мотивационных процессов в сфере трудовых отношений. — СПб.: СПбГУЭФ, 1997.

Серегина И.И. Профессиональная карьера // Социс. — 1999 — № 4, с. 80.

Сиволобов В.В. Семья. Вступление в брак. Развод и его последствия. — СПб.: «Слово и дело», 2004, с. 208.

Сигов И.И., Слуцкий Е.Г. Социальное государство: сущность, критерии и приоритеты развития. — СПб.: ИРЭ РАН, 2006.

Силласте Г.Г., Кожамжарова Г.Ж. Социальная дискриминация женщины как предмет социологического анализа // Социс. — 1997, № 12, с. 118.

Система экономико-математических моделей для анализа и прогноза уровня жизни // Под ред. Н. Федоренко и Н.М. Римашевской. — М.: Наука, 1980.

Слуцкий Е.Г., Сигов И.И., Скворцова М.Б. Россия и ее северо-западный федеральный округ в глобализируемом мире на пороге вступления в ВТО. — СПб.: БИС-принт, 2005.

Современная демография // Под ред. А.Я.Кваша, В.А.Нонцева. — М.: Изд-во Мос. ун-та, 1995.

Социальная политика и налоговое регулирование / Под ред. Е.В.Тишина. — СПб.: РАЕН, 2002. — 356 с.

Сперанский В.И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования. — М.: ИМУ, 1987.

Статистика пространственного развития. Том 1. Система расселения Северо-Запада России / Под руководством Ю.Перельгина. — СПб.: Издательский дом «Corvus», 2002.

Статистический бюллетень. Госкомстат. — М.: 2006.

Стоимость жизни и ее измерение // Под ред. В.М.Рутгайзера и П.Н. Шпилько. — М.: Финансы и статистика, 1991.

Стрекалова Н. Женщины — предприниматели в малом бизнесе // мониторинг социально-экономической ситуации и состояние рынка труда Санкт-Петербурга. — 1999. — № 2–3, с. 42–43.

Судоплатов А.П. Проблемы демографии в трудах западных ученых // Всемирная история экономической мысли. — М.: 1994. Т. 5, с. 362–376.

Судоплатов А.П. Проблемы демографии в трудах западных ученых. Всемирная история экономической мысли. М.: 1994. Т. 5, с. 362–376.

Судоплатов А.П. Современная буржуазная демография. М., 1988.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М.: 1991.

Управление социальными резервами регионального развития / Под ред. В.К.Потемкина, СПб.: 2001, 435 с.

Федотова В. Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. № 1, с. 41.

Шанин Т. Неформальная экономика. — М.: Логос, 2000.

Шереги Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования. — М.: ЦСП, 2004, с. 104.

Шереги Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования. — М.: Центр социального прогнозирования. — 2003. — 688с.

Эволюционный подход и проблемы переходной экономики // Под ред. Л.И. Абалкина. — М.: ИЭ РАН, 1995.

Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. — СПб.: ИРЭ РАН, 2004. — 734 с.

Davis K. Low Fertility in Evolutionary Perspective. — In Below — Replacement Fertility in Industrial Societies. Causes, Consequences, Policies. // Supplement to vol.12 of “Population and Development Review”, 1986 p.48–65.

Greenhalgh Suzan. Anthropological Contribution to Fertility Theory. // “The Population Council Division Working Papers”. 1994/

Kaplan H. Evolutionary and Wealth Flows Theories of Fertility: Empirical Tests and New Models // Population and Development Review. 1994. Vol. 20. № 4.

Содержание

Введение в тему	3
Глава I. Теоретические основания процессов формирования демографической политики в современной России	11
Общественная среда как условие формирования демографической политики государства	41
Социальная идентичность населения и его отношение к демографической политике государства	79
Глава II. Исследование и анализ условий формирования эффективной демографической политики государства	97
Социальные и демографические процессы изменения роли семьи в демографической политике государства	99
Социокультурная среда формирования эффективной демографической политики государства	114
Качество и образ жизни различных слоев населения как условие формирования эффективной демографической политики	136
Глава III. Социально-экономические трансформации и механизм реализации демографической политики государства	157
Развитие воспроизводственного потенциала семьи и семейных отношений	159
Построение демографической политики государства с учетом стандартов жизнеобеспечения населения	191
Процессы структуризации демографической политики в контексте развитости общественной среды и семейных отношений	209
Заключение	239
Список анализируемой литературы	245

Переиздание первое

Подписано в печать 19.03.10

Заказ № 03-063

Гарнитура «Peterburg»

Отпечатано в соответствии с утвержденным макетом

Издательство ООО «ЮПИ»

199004, Санкт-Петербург, 7-я линия, д. 30

Тел. +7 (812) 328-54-19, 328-54-24

E-mail: publ@satisspb.ru

Типография ООО «СатисЪ»

199178, Санкт-Петербург, 6-я линия В.О., д. 63

Тел./факс: (812) 305-25-85

E-mail: mb@satisspb.ru